

Э. В. БУРДА

**ТЕРСКОЕ
КАЗАЧЕСТВО
В ВОЕННОЙ
СТРУКТУРЕ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА**

**ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ВОЕННОЙ
СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Э. В. БУРДА

**ТЕРСКОЕ
КАЗАЧЕСТВО
В ВОЕННОЙ
СТРУКТУРЕ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА**

(вторая половина XVI – начало XX в.)

**НАЛЬЧИК
«ЭЛЬБРУС»
2013**

УДК 94(470.64)
ББК 63.3(2)-283.31
Б 912

ISBN 978-5-7680-2515-1

© Э. В. Бурда, 2013
© Издательство «Эльбрус», 2013

*Посвящается памяти друга
Возного Владимира Федоровича*

ВВЕДЕНИЕ

Мы были – железное племя,
Из нас, справедливо-груба,
И плуг, и булатное стремя,
И шашку ковала судьба.
Но даже железо устало...
И, чтобы хоть миг отдохнуть,
Высокой Москве под начало
Свой вольный мы отдали путь...

Бажен Петухов

Можно долго рассуждать о происхождении казачества, его нравах, обычаях, положительной или отрицательной роли его в истории государства Российского. Одно можно утверждать уверенно: вклад казаков в укрепление и развитие России как сильной и могущественной державы огромен. Как писал Л. Н. Толстой, и с этим нельзя не согласиться, вся история России сделана казаками. Недаром европейцы зовут нас казаками. Народ казаками желает быть. Казачество – свобода, вольность России.

Обращение к истории казачества, ее очищение от сознательно созданных искажающих стереотипов дают нам картину особого российского казачьего «гражданского общества», самобытно возникшего и развившегося на свободных колонизируемых пространствах, и естественным образом заложившего целый пласт наших национальных демократических традиций. Для массового сознания русского народа образ казака стал воплощением идеала демократии и воли. В сфере политического устройства самоуправление казачества, даже урезанное в XVIII–XIX вв., постоянно поддерживало демократическую народную традицию.

На протяжении всей истории казачество не только неистово отстаивало свои свободы, но и самоабвенно, героически служило России, своим потом и кровью создавало великую державу. Казаки становились лучшими, верными стражниками рубежей России в борьбе с врагами государственного порядка внутри страны. Они были тем летучим авангардом, за которым сомкнутыми рядами медленно, шаг за шагом, шли осваивать новые целинные земли российские землепашцы. На всех рубежах – от Дона до Терека, от Днепра и до Тихого океана воинская доблесть казака была неотделима от гражданского долга. Казак служил Отечеству, Вере и своему казачьему братству.

История Терского казачества была и остается одной из «вечных» тем кавказоведов, поскольку в этой проблеме тесно переплелись слезы и кровь, надежды и трагедии как самого казачества, так и народов Северного Кавказа.

Для современных историков, в первую очередь, становление казачества обусловлено живым научным и общественным интересом, который в российском обществе проявляется в сложный период, как своеобразный феномен многовековой истории Российского государства. Казачество издавна привлекало внимание исследователей различных отраслей знания: историков, социологов, этнографов, военных, политиков, экономистов, юристов, литераторов России и стран мира.

История российского казачества в целом, как и терского в частности, характеризуется множеством подчас противоречивых событий. С серьезными проблемами были связаны контакты казаков и горцев Северного Кавказа. Неоднозначно складывались отношения с Российским государством. Единение сменялось разногласиями, стремлением к казачьей вольности, самостийности, сепаратизму, противостоянию державной воле, настойчивому вовлечению этих вооруженных и хорошо организованных людей в сферу внутренней жизни и внешней политики страны. Россия нуждалась в казачестве, а казакам была необходима Россия.

Исследование происхождения, сущности и исторической роли, сложности и неординарности этого уникального общественного явления ведется давно. Тем не менее до сих пор существуют различные, порой значительно отличающиеся точки зрения на место казачества в истории России. Особенно актуально в современный

период адекватное осмысление его участия в процессе присоединения к России ряда территорий Северного Кавказа, в том числе наиболее сложной этнической и социальной его части, какой является Притеречье, а также трансформация казачества в замкнутое военно-служилое сословие и интеграция его в систему российской государственности. Многовековая, трагическая история казаков России, их расказачивание в начале XIX в. и возрождение, начавшееся в переломный для Российского государства период конца XX в., актуализируют проблему.

Сегодня осуществляются попытки включения возрождающегося казачества в систему российской государственности в качестве самостоятельной силы. При этом неизбежно встает вопрос целесообразности такого процесса, требующего в новых условиях иных форм организации, чем прежде, потому что перед страной не стояли задачи, которые казачество выполняло в прошлом. Тем не менее выработка государственной политики в отношении этой своеобразной части российского населения уже идет. Поступил социальный заказ для исторической науки на разработку концепции казачества, на создание системы такой политики, которая соответствует новым реалиям. Для этого необходимо знать и понимать сущность казачества, видеть предполагаемое его место в социально-политической структуре современного и будущего российского общества. В связи с этим возросла потребность в современных взглядах на многочисленную общность вольных ватаг и их интеграцию в государственную систему. В условиях неспокойного кавказского региона это особенно важно, как и многовековой опыт постепенного, но закономерного приобщения казаков к охране державных границ и сближения народов Северного Кавказа с Россией, вплоть до вхождения в ее состав.

Данная проблема требует глубоких исследований, научно-обоснованных рекомендаций по поддержке казачества и развитию его в новых условиях рыночной экономики, формирования гражданского общества, правового государства с учетом пересмотра ряда стереотипов, сложившихся в отечественной историографии. Необходимо преодолеть фальсификацию исторической правды, степень которой зависит от внутренних установок авторов, в свою очередь определявшихся давлением официальной идеологии и существующей цензуры.

В настоящее время открыты многие документы, установлены многие факты, которые явно не укладываются в рамки прежних теоретических представлений. В этой связи особенно необходимы дополнительные исследовательские поиски и анализ истории казачества, которые находятся в стадии историко-политической реабилитации и возрождения, требуется более глубокое понимание проблем в интересах нахождения путей рационального их решения.

К истории терского казачества обращались как дореволюционные, так и современные исследователи. Вопросы истории терского казачества все больше интересуют современных исследователей. Однако некоторые проблемы учеными либо намеренно упускаются, либо не подвергаются более полному исследованию. На данном этапе судьбой казачества занимаются на государственном уровне. Так, только за период с 1992-го по середину 1997 г. на высшем государственном уровне был принят довольно обширный пакет различных нормативных документов, непосредственно относящихся к казачеству. Из них изданы 19 указов Президента РФ, 5 его распоряжений, 3 постановления Правительства РФ, 10 приказов министров обороны и внутренних дел и директива Федеральной пограничной службы (это без учета приказов по другим министерствам и ведомствам по 11 видам госслужбы) [1].

На современном этапе достаточно полно изучены взаимоотношения государства с ранними группами терско-гребенского казачества в XVI–XVII вв. [2]. Доподлинно известно, что они периодически привлекались для участия в военных действиях, причем казаки сами решали, откликаться ли им на призыв Москвы или нет.

Мероприятия, направленные на реализацию этих задач, принимали время от времени все более целенаправленный и унифицированный характер. Хотя правительство и видело, что в результате такой политики казачество начинает утрачивать важные черты самобытности, это нисколько не меняло общей направленности государственного влияния.

В представленной книге широко использованы исторические исследования авторов XIX–XX вв. Так, в работах дореволюционных ученых освещение истории казачества вообще, и терского в частности, находилось под значительным влиянием различных общественно-политических и научных концепций. Одни авторы ви-

дели в казаках просто «воров» и «бунтарей», «разбойников с большой дороги» и «беглую гольтыбзу», общение с которыми являлось чуть ли не унижительным и порочным, другие же чрезмерно восхваляли достоинства и заслуги казачества, ставили его выше других сограждан государства Российского.

Каждая из сложившихся в исторической литературе тенденций характеризуется бескомпромиссной крайностью своих суждений и выводов, которые резко ограничивали свободу мысли. Так, С. М. Соловьев и С. Ф. Платонов [3] придерживались тенденции, связанной с общей оценкой официальной политики царского правительства, возникшей еще в те далекие времена, когда казаки-переселенцы только что начали оседать по берегам окрестных рек, но уже представляли реальную и внушительную силу. Царское правительство в это время проводит политику, направленную на подчинение казачества и привлечение его к выполнению служебных и других обязанностей. В исторической же литературе тогда прочно утверждалась «теория колонизации», совершенно отрицавшая какое-либо влияние социальных противоречий на формирование порубежного казачества [4].

Вторая тенденция связана с чрезмерным восхвалением казачества как военно-служилого сословия, находившегося на особом положении в государстве. И не случайно, ведь добросовестное исполнение своих служебных обязанностей снискало казачеству не только славу, но и покровительство в высших эшелонах власти, что приносило некоторые материальные привилегии. Это, по мнению И. Л. Омельченко, естественно, не могло не импонировать казачеству, так как оно, связанное условиями традиционной присяги, преданно служило российскому престолу [5]. К приверженцам данной тенденции можно отнести официально признанных историков Терского казачества – это И. Д. Попко, В. А. Потто и М. А. Караулов [6]. В их работах прослеживается яркая по своему содержанию военно-казачья романтика, безусловная идеализация служебных и бытовых отношений в терском казачьем войске. К положительным сторонам можно отнести то, что в работах И. Д. Попко и В. А. Потто впервые была дана в последовательном и содержательном изложении эволюция, пройденная терским казачеством от возникновения первых казачьих поселений на Северном Кавказе и до середины XIX в. В исследованиях М. А. Караулова вплоть до 1910 г. от-

ражены трансформация казачества в военное сословие и интеграция его в структуру Российского государства. В исследованиях вышеназванных авторов собран и систематизирован фактический материал, но они оправдывали захватническую политику царского правительства и военные методы его колонизаторской деятельности. Подобные взгляды характерны и для работ их современников и последователей – И. В. Бентковского, Ф. Ф. Пономарева, Г. Ткачева, С. И. Писарева, Ф. Г. Чернозубова, П. В. Юдина [7] и др.

В ходе работы были использованы и труды современных исследователей истории и культуры Северного Кавказа – Б. П. Бетрозова, К. Ф. Дзамихова, Т. Х. Кумыкова, Е. Н. Кушевой, Б. К. Мальбахова, М. З. Соблирова [8]. В данных работах исследуются взаимодействия народов Северного Кавказа с Российским государством. Все работы основаны на обширных архивных материалах и комплексно изученных источниках.

В работах М. С. Тотоева, В. С. Гельцева, Н. П. Гриценко, А. А. Саланова, В. Б. Виноградова, Т. С. Магомадовой, В. И. Денискина [9] относительно полно представлена этнография народов Северного Кавказа и казачества, а также рассмотрены вопросы экономического развития терских станиц.

Исследователь И. А. Аверин освещает краткую историю казачества в целом, дает информацию о преобразованиях, происходивших в том или ином войске при утверждении законоположений, краткую характеристику проводившейся политики правительства в отношении казаков, указывает на то, что правительство защищало интересы казачества, выделяя их из остального населения России. Однако он уходит от проблемы о роли казачества в проведении колониальной политики на Кавказе [10].

В работах В. В. Глущенко и Н. Н. Великой [11] рассматриваются вопросы зарождения и развития казачества.

В статье А. И. Агафонова особое место отводится проблеме изучения казачества в целом [12].

К фундаментальному по содержанию исследованию можно отнести и монографию И. Х. Тхамоковой «Русское и украинское население Кабардино-Балкарии» [13]. В ней используются многочисленные и разнообразные исторические, этнографические и статистические источники, а также полевые материалы.

В работе Л. Б. Заседательевой – «Терские казаки»

[14] содержится обширный этнографический материал, проделана большая работа по изучению культуры, обычаев, традиций и хозяйственной деятельности Терского казачьего войска и функций станичных органов управления.

Статья Г. Кашежевой [15] посвящена изучению хозяйственного вопроса в истории Терского казачества, отражает процесс проникновения капиталистических отношений, дает обширную информацию о землепользовании у терских казаков, о количестве земельного пая у казаков по отделам, содержит значительное число архивных материалов по этому вопросу.

Информативным источником по военному устройству является «Краткая хроника казачьих войск» под редакцией В. К. Шенка, которая содержит хронологические сведения о преобразованиях в казачьих войсках империи, в том числе и Терском казачьем войске. Информация в основном касается военного устройства казачьих частей, содержит наиболее ясный и полный материал о том, когда и в каком порядке переформировывались казачьи части. Также содержится интересный материал об атрибутах казачьих войск, наградах и отличиях как отдельных казачьих полков, так и войск в целом. По всей видимости, это репринтное издание, вновь увидевшее свет в 1992 г., в дореволюционной России служило, скорее всего, как справочник по истории казачьих войск империи.

Объектом для изучения влияния колониальной политики России на судьбы терских казаков является работа С. А. Козлова «Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.)» [16]. В ней автор поднимает вопрос о взаимоотношениях казаков и горского населения до начала Кавказской войны, затрагивает глобальные вопросы колониальной политики царской России.

В работе А. И. Козлова [17] на обширном материале теоретически осмысливается происхождение казачества, его сложная эволюция, современное положение, варианты путей возрождения казачества. Содержится критический анализ историографии, политики прошлого и настоящего, делается попытка ответить на спорные и дискуссионные вопросы.

Одной из последних работ, посвященных терскому казачеству, является монография И. Л. Омельченко «Терское казачество» [18], в которой прослежена история возникновения казачества.

Представляет интерес работа профессора А. Т. Топче-го «Буржуазные реформы 60–80-х гг. XIX в. и проблемы урало-сибирского казачества» [19]. В ней затрагиваются важные вопросы влияния реформ Российской империи на преобразование в системе управления казачьими войсками в заключительный период трансформации казачества в военно-служилое сословие.

Для раскрытия поставленной проблемы исследования использованы различные документы и материалы, выявленные в государственных архивах, в историко-документальных и статистических сборниках.

Основную источниковую базу составили архивные материалы, выявленные в Центральном Государственном архиве Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО–А) и в Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР).

Наибольшее значение при работе над книгой имели документы ЦГА РСО–А. В фонде «Управление наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска» (Ф. 2) [20] содержится постановление о необходимости объединения всех кавказских казачьих полков в одно войско – Кавказское линейное казачье войско. В фонде «Канцелярии наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска» (Ф. 3) [21] приведены распоряжения, докладные записки, рапорта командиров казачьих полков, а также указание и приказы наказных атаманов Кавказского линейного казачьего войска. В фонде «Войсковое правление Кавказского линейного казачьего войска» (Ф. 4) [22] содержатся данные об исполнительской, гражданской и хозяйственной деятельности войскового правления кавказского линейного казачьего войска. В фонде «Канцелярия начальника Терской области» (Ф. 12) [23] говорится о сосредоточении всего военного и гражданского руководства в Терской области. В фонде «Войсковое хозяйственное правление Терского казачьего войска» (Ф. 14) [24] содержится информация о ведении хозяйственных дел Терского казачьего войска.

Кроме того, в книге использованы данные следующих фондов: Штаба войск Терской области (Ф. 53); Войскового штаба Терского казачьего войска (Ф. 54/18); Штаба войск Кавказской линии (Ф. 50); Войскового дежурства Кавказского линейного казачьего войска (Ф. 7); Военной канцелярии командующего войсками Терского казачьего войска (Ф. 15); Войскового дежурства Терского казачьего войска (Ф. 16). В них содер-

жится обширный материал, раскрывающий функциональные действия таких структур, как Войсковой штаб, войсковое правление, а также в них содержатся сведения о штатной численности Терского казачьего войска и о составе военных частей, выставляющихся Терским казачьим войском.

Также существенно дополняют сведения о Терском казачьем войске фонды полковых правлений: 2-го Волгского полка (Ф. 88); 1-го Кизляро-Гребенского полка (Ф. 90). В фондах Полковых правлений Терского казачьего войска (Ф. 95 [25], 96 [26], 97 [27], 98 [28], 99 [29], 100 [30]) имеются материалы, раскрывающие состояние военных и хозяйственных дел в полках Терского казачьего войска.

В исследовании использованы архивные материалы Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Они служат для изучения преобразований и систем управления гражданской частью Терского казачьего войска и административного устройства, его функции и обязанности в структуре гражданского управления.

В фонде «Управления Кабардинской линии» (Ф. И-1) [31] есть сведения о состоянии дел в укреплениях и крепостях, построенных на кабардинской земле с 1822-го по 1860 г. В фонде «Управления начальника Центра Кавказской Линии» (Ф. И-16) [32] даются сведения о состоянии крепостей и укреплений по Кавказской Линии; ведомости о численном составе войск и артиллерии, расположенных в укреплениях Кабардинской линии; рапорта командиров Волгского, Горского, Моздокского и Владикавказского казачьих полков. В фонде «Полковое правление Владикавказского казачьего полка» (Ф. И-28) [33] имеются сведения о размежевании земель между станицами Урухской, Александровской, Котляревской и землями Владикавказского казачьего полка.

Также нами были использованы фонды: Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Ростовской области (ГАРО), Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Государственного архива Астраханской области (ГААО). Все они дополняют сведения материалами о процессе формирования ядра казачества на Кавказе, его разнообразном этническом и социальном составе, об организации и составе казачьих формирований в связи с их участием в войнах Российского государства, в

условиях службы, социально-психологических особенностях различных групп казачества и т.д.

Большую группу источников представляют сборники документов и экономико-статистические исследования. Первая группа содержит документальные акты по отдельным аспектам высшей политики России, складыванию отношений с населением присоединенных территорий, расселению казаков, участию их в социально-политических конфликтах XVII–XVIII вв. К таким сборникам относится – «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.» [34]. Данный сборник основан на известных архивных материалах и отличается систематизированностью, общей тематикой и целенаправленностью, что в определенной степени облегчает работу.

Совершенно уникальную источниковую базу представляют экономико-статистические исследования казачьих войск, территорий их расселения, позволяющие составить полную картину их внутренней жизни, ее социально-экономические и культурно-бытовые характеристики, особенности казачьих войск и государственной политики. Особая ценность этих материалов в том, что они позволяют судить о развитии казачьих образований в динамике, на протяжении нескольких десятилетий. К таким источникам относятся исследования Е. Максимова «Терское войско» [35], О. Марграфа «Статистическая монография по исследованию станичного быта Терского казачьего войска» [36] и др.

В особую группу документов можно выделить начавший выходить в конце XIX в. в Тифлисе «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК). В них встречаются сведения об истории возникновения казачьих станиц, о численности жителей, хозяйственных занятиях, быте и обрядах и т.д.

Уникальным в своем роде является издание, посвященное столетию Российского военного министерства, 11-й том которого полностью посвящен истории казачества. Тенденциозность издания очевидна, но богатейший фактический материал, солидная документальная база явно сглаживают этот недостаток. На сегодняшний день это единственное всеобъемлющее исследование по истории российского казачества до конца XIX в.

В работе используются журналы присутствий (протоколы заседаний) полковых правлений, рапорты и доклады станичных правлений и должностных лиц, а также индивидуальные прошения [37].

Источником для исследования служат законоположения, представленные в различных томах Полного собрания законов Российской империи и в 2 томах «Учреждения гражданского управления казаков» [38].

Значимыми для исследования проблемы являются законоположения: Об управлении Кавказским линейным казачьим войском (14 февраля 1845 г.); Высочайший Указ о разделении Кавказской Линии на Кубанскую и Терскую области (19 ноября 1860 г.); Об общественном управлении Кубанским и Терским казачьими войсками (1 августа 1870 г.); Об общественном управлении станиц в казачьих войсках (13 мая 1870 г.); О воинской повинности в строевых частях в Кубанском и Терском казачьих войсках (1 августа 1870 г.); Об управлении Кубанской и Терской областями (1888 г.); Об общественном управлении станиц в казачьих войсках (3 июня 1891 г.).

Кроме того, в работе использованы информационные и статистические сведения, опубликованные в «Терском календаре» начиная с 1891 г., в записках Терского общества любителей казачьей старины, в сборниках сведений о Терской области, в газете «Терские ведомости».

Глава I

ГЕНЕЗИС ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА

1. Теории о возникновении Терского казачества

В исторической литературе имели место многочисленные попытки выяснить происхождение казаков и их древнюю историю. Исследование показало, что в русской, советской и зарубежной научной литературе существовало и существует множество объяснений терминов «казак», «казачество». Слово «казак» – тюркского происхождения и заимствовано, по-видимому, от татар. Точного перевода этого слова нет, оно переводится от татарского «ко», что значит броня, латы, защита и «закинчи» – сторож или «зака, зак» – межа, граница, рубеж. Если соединить эти слова, то получится «казакинчи» или «козак», что означает «охранитель границ, рубежей или военный сторож» [1].

В русском языке слово «казак» первоначально обозначало бездомного, бродягу или вольного человека, не

имеющего своего хозяйства. По утверждению Г. Ф. Благовой, «первоначально в слово «казак» вкладывался социальный смысл человека, по злой необходимости отделившегося от своего рода, племени, лишившегося своего имущества и потому ставшего бродягой, скитальцем» [2].

Тем не менее, хотя понятие «казак» и имеет разное по своему значению определение, оно все же оставалось в рамках традиционного, известного как определение вольного, независимого человека, способного с оружием в руках защитить свою свободу, а также наниматься на вольную службу.

С середины XVIII в. историки пытались в своих исследованиях изучить истинные причины появления казачества, определить перспективы его дальнейшего развития. Однако по-прежнему вопрос о происхождении казачества остается без ответа. До сих пор еще ощутима нехватка научно-популярных изданий, в которых отражались бы наиболее актуальные проблемы истории Российского казачества с учетом достижений науки и обобщения уже имеющегося исторического наследия.

На сегодняшний день существуют многочисленные гипотезы происхождения казачества, каждая из которых в большей или меньшей степени подкреплена соответствующей научной аргументацией. Среди них наибольшее распространение получили миграционная и автохтонная (местная, коренная) гипотезы.

Одним из первых миграционную гипотезу происхождения казачества предложил военный писатель В. Б. Броневский в работе «История Донского войска, описание Донской земли и Кавказских Минеральных вод», вышедшей в 1834 г. [3].

Согласно миграционной теории, предками казаков были вольнолюбивые русские люди, преимущественно крестьяне, бежавшие от усиливающегося феодально-крепостнического гнета за границы Русского и Польско-Литовского государств. По мнению историков, со второй половины XV в. беглые люди начали скапливаться за линией сторожевых укреплений южной и юго-восточной окраин, где возникали общины вольных донских, волжских, днепровских и гребенских казаков. Эта гипотеза базировалась на официальной версии московского правительства второй половины XVI в. о «беглохолопском» формировании казачества. Выдвинутая теория в той или иной степени нашла отражение в работах таких известных исследователей, как С. М. Соловьев,

Д. И. Иловайский, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов. В то же время специально разработкой данной проблемы они не занимались, а образование казачьих поселений рассматривали исходя из положений известной теории колонизации.

Первое упоминание о казаках встречается в «Сказаниях» рязанского митрополита Стефана, составленных по мотивам преданий о Куликовской битве. В «Сказаниях», в частности, говорится, что когда Дмитрий Иванович возвращался с победой в Москву, то его встречал «народ христианский, воинского чину, живущие завогни козацы» [4]. В Никоновской летописи, в частности, упоминание о казаках встречается при описании битвы с татарским царевичем Мустафой в 1444 г., когда на реке Листоши на царевича ударили: с одной стороны, «ополчение мордвы..., а с другой – казаки рязанские» [5]. К более позднему времени, примерно к середине XV в., относится упоминание о рязанских казаках, охраняющих южные рубежи Рязанского княжества, в грамоте Ивана III: «На сотню десятка три своих казаков понакинъ» [6].

А. А. Гордеев, обращая внимание на замалчивание имевшихся в русских летописях сведений о существовании казаков в период Золотой Орды, об их присутствии в войсках московских князей, начиная с Дмитрия Ивановича (Донского) и о непрекращавшихся их связях с Москвой вплоть до середины XVI в., объясняет это причинами социально-политического характера [7].

Привлечение казаков на службу началось в период активной борьбы великих князей московских с татаро-монгольскими захватчиками, для несения сторожевой службы [8].

Первое упоминание о такой службе мы встречаем в грамоте митрополита Алексея 1360 г. В ней он благословлял всех христиан, «обретающимися в пределе Червленого яру, и по караулам возле Хопор и Дону» [9]. За службу городовые казаки получали жалованье из казны, наделялись землей, правительство им давало оружие и лошадей.

В свою очередь, в зависимости от подчиненности правительственной власти казаки делились на городских и вольных. Городовые казаки представляли собой в Московском государстве особое военное служилое сословие, и занимали по своему статусу промежуточное положение между дворянами и стрельцами, а также находи-

лись в полной от государства зависимости. Как правило, городские казаки несли службу за пределами городов, в дозорах и караулах [10].

Вольное казачество в отличие от городских казаков не подчинялось московским государям и формировалось по большей мере из беглого люда. Образование вольных казачьих поселений происходило на обширных территориях по берегам крупных рек и их притоках, где все возрастающее население основывало более мелкие общины, существовавшие на равноправных началах. Поселения казаков в основном состояли из турлучных казарм барачного типа, воздвигавшихся в удобных для промысла местах и служивших временным укрытием в случае неожиданного нападения противника [11].

Общественное устройство казачьих общин имело чисто русское свойство: строилось по образу существовавших в Древней Руси Народных собраний – Вече. Оно имело в своей основе много общих черт демократического и организационного устройства: подчинение меньшинства большинству, свободное изложение своих мыслей при обсуждении тех или иных вопросов, обязательное выполнение постановлений собрания (круга) всеми членами казачьих общин. Московские великие князья, а затем и цари, борясь за укрепление своей власти, стремились уничтожить народные собрания – Вече, и после присоединения Новгорода и Пскова к Московскому государству оно было повсюду запрещено.

Однако в неорганизованной массе беглого люда, вливающегося в ряды казачества, создавались реальные условия для возрождения народовластия, хотя и с переходом к новым методам хозяйственной деятельности, а именно военному промыслу, охоте, рыболовству. Занятие военным промыслом, куда входили и походы «за зипунами», отгон скота, грабежи проходящих купцов, а также постоянные схватки с турками и крымцами, обуславливали особенности общественного устройства, имеющие признаки военной организации. «Руководство в общине принадлежало одаренным натурам, обладающим военными способностями. Выборы атамана – предводителя – происходили на общем собрании всех членов общины – Войсковом круге, сроком на один год. Избранный атаман в повседневной жизни пользовался только исполнительной властью. Однако во время военных походов атаман наделялся правами единоначальника, и его рас-

поряжения являлись законом для всех, и выполнялись беспрекословно» [12].

Войсковой круг ведал такими же вопросами казачьей общины, что и Древнерусское Вече, а именно – избирал должностных лиц, вел допрос пленных, составлял отписки в другие государства и отправлял с посольством избранных представителей общины. Кроме того, Войсковой круг имел полномочия решать не только хозяйственные проблемы войска, но и вершить суд над нарушителями неписаных законов казачьей вольности [13].

Отношение царского правительства к казачеству носило двойственный характер. С одной стороны, оно опиралось на казачество из-за потребности обороны юго-западных границ, и оказывало казакам поддержку, а с другой – Московское правительство боролось против побегов крестьян и старалось не допустить разрастания казачьих обществ. Казачество в свою очередь, сдерживая военно-политическое наступление московского правительства, принимало оказываемую помощь, но совершенно не признавало Московских порядков и присланных царем воевод. «Прежде мы служили государю, и голов у нас не было, – заявляли казаки послу Нащекину и Хрущеву, – и рады государю служить своими головами, а не с Хрущевым» [14].

Вольнолюбивое казачество иногда проявляло и открытое неповиновение царским властям, вело себя в сношениях с правительством крайне независимо. Как пример этому может служить следующий случай. При строительстве города Терки боярин Бурцев и келарь Протасьев жаловались прибывшему воеводе князю Хворостину на гребенских и терских казаков, дескать, те местных владельцев обижают. Воевода направил грамоту казакам и потребовал возвращения награбленного имущества и наказания виновных. Казаки никак не прореагировали на эту грамоту Хворостина. В донесении в Москву воевода писал: «Лошадей ... рухляди ... не отдали ... и к нам не поехали» [15].

В свою очередь, Московское правительство отрицало свою связь с казаками и на требования Турции и Крыма «свести» казаков с пограничных рек русские послы ссылались на свое бессилие и предлагали туркам и татарам самим разорять казачьи городки, при этом заверяя, что «царю – это не будет грубо, и ссориться за казаков царь никак не станет» [16]. Но, отрицая прямую связь с казаками, московское правительство дорожило поддержкой

вольных казаков и регулярно приглашало их принять участие в тех или иных походах, при этом жалуя казаков и посылая им боеприпасы и деньги.

Пытаясь распространить свою власть на казачество, Московское правительство выбрало путь подкупа атаманской верхушки, которая была заинтересована в сохранении добрых отношений с Москвой, снабжавшей ее деньгами и оружием. Действуя этим нехитрым, но испытанным способом Московское правительство добилось, в конечном счете, утверждения своей власти над вольными казачьими обществами.

По мнению исследователей, после ликвидации зависимости от монголов перед московскими князьями стояла сложнейшая задача окончательного объединения русских земель, чему препятствовала сохранявшаяся удельная система. Поэтому в объединительном процессе особое значение приобретала сильная и твердая великокняжеская власть. В связи с этим напрашивается вопрос, почему, в таком случае, великие князья не пресекали бегство зависимых крестьян и посадских людей? Ведь в то время существовала военно-сторожевая служба, располагавшая достаточными мобильными, по тому времени, силами и отлаженной системой пограничных разъездов, которые без большого труда справились бы с этим явлением, приобретавшим массовый характер. Защитники миграционной гипотезы, такие, как С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, приводили следующие суждения: московские князья, проводя мудрую и дальновидную политику, не только не препятствовали бегству зависимых людей из своих владений, но даже поощряли его. Тем самым они подчеркивали роль великокняжеской власти как основной организующей государственной силы, в том числе и в образовании казачьих поселений, поднимая тем самым ее престиж и авторитет.

При всей логичности суждений, сторонники миграционной гипотезы не обращают должного внимания на многие немаловажные обстоятельства чисто практического характера. Если исходить только из положений названной гипотезы, то, начиная со второй половины XV в., за пределы государства бежали в основном зависимые люди – крестьяне и посадские. Они, естественно, не обладали никакими воинскими умениями и навыками, и не имели в своем распоряжении боевого оружия. Становится неясно, как эти переселенцы намеревались выжить в тогдашних условиях так называемого «Дикого

поля» при ежедневной угрозе со стороны рыскавших там воинственных кочевников. Также непонятно, как за относительно короткий временной промежуток (а это менее века) смогла сформироваться такая грозная военная сила, для борьбы с которой в середине XVI в., а именно в 1551 г., искал союзников властелин могущественной Османской империи Сулейман I Великолепный. Примечательно при этом и то, что к этому моменту донские и запорожские казаки уже обладали достаточно высокой воинской культурой, для образования которой требовался сравнительно немалый исторический период. Применяя и владея самой разнообразной тактикой ведения боевых действий, казаки умело сражались как в поле, так и на море, совершали неожиданные набеги, брали штурмом города-крепости, а также успешно оборонялись как на крепостных стенах, так и на построенных наспех полевых земляных укреплениях, используя при этом разнообразнейший оружейный арсенал.

Несмотря на упущения, допущенные в миграционной теории дореволюционными историками, гипотеза продолжала существовать и дожила до наших дней.

В советской исторической литературе возникновению казачества давалась оценка в свете марксистского учения об общественно-экономических формациях. Признавая феодальную природу казачества, советские историки рассматривали его в качестве одного из сословий русского средневекового общества. Наиболее полно значение образования казачества на примере Запорожской Сечи раскрыл В. А. Голобуцкий. Так, по его мнению, с появлением казачества народные массы «приобрели мощную опору в борьбе против феодального гнета» [17]. Казаки поддерживали в народе «дух протеста против угнетателей» [18]. По мнению В. А. Голобуцкого, своим образованием казачество содействовало также хозяйственному освоению новых районов и развитию в них сельского хозяйства и промыслов. Для него, как и для других советских исследователей, возникновение казачества выступает прогрессивным фактором в истории русского и украинского средневекового общества. Прогрессивность существования казачества В. А. Голобуцкий видел, прежде всего, в том, что борьба народных масс за казацкие вольности являлась, объективно, движением за установление новых, более передовых, по сравнению с феодальными, общественных отношений [19]. Однако эта мысль В. А. Голобуцкого не стала

темой дальнейшего развития в советской исторической литературе.

По мнению другого советского историка Н. А. Мининкова, казачество являлось своеобразной социальной организацией и особым «субэтнотомом – народом», порожденным условиями феодализма, который давал народу возможность оказывать угнетателям серьезное сопротивление. Кроме того, его борьба с агрессией турецких и крымских феодалов способствовала заселению и освоению русскими людьми южных окраин [20], что имело, безусловно, прогрессивное значение для развития страны.

В целом же можно сказать, что советские историки внесли неоценимый вклад в изучение роли и места казачества в истории России. Уже в 20–50-е гг. XX в. появились первые серьезные публикации о происхождении казаков, об их взаимоотношении с Российским государством, об освоении ими новых территорий и об их военной службе. Однако в очерках М. Донецкого, Н. Л. Янчевского, М. Н. Корчина, Б. В. Лунина [21] все же преобладали социально-классовые подходы в оценке исторических событий.

Идеологизация исторической науки началась со второй половины 30-х гг. XX в., ограниченная жесткими рамками марксистско-ленинской методологии, влиянием культа личности И. В. Сталина. Были чрезмерно догматизированы и канонизированы отдельные представления и высказывания «классиков» о казачестве, которые надолго деформировали восприятие исследователями сложных исторических реалий. Казачество, как правило, изображалось враждебным рабочему классу и беднейшему крестьянству «монархическим контрреволюционным сословием», противостоявшим революционной советской власти. Следовательно, насилие, развязанное по отношению к казачеству Советской властью, само собой, оправдывалось. Но, несмотря на жесткий контроль со стороны партийно-идеологической цензуры, все эти околонучные стереотипы с трудом преодолевались историками в 60–80-е гг. XX в. Именно в этот период вышли исследования и публикации А. П. Пронштейна, Н. А. Мининкова, А. И. Агафонова, Л. Б. Заседателевой и других авторов, посвященные истории казачества эпохи феодализма (XVI – первая половина XIX в.). Отказ от чрезмерной идеологизации истории, а также широкий охват и скрупулезный анализ

различных видов источников позволили этим исследователям [22] дать более полную и объективную картину этой эпохи.

Однако по-прежнему серьезного осмысления требуют геополитические и этнокультурные процессы, проблемы возникновения и становления казачества как «субэтноса – сословия». Поэтому изучение казачества на современном этапе требует, прежде всего, подхода к нему с позиций историзма и учета этнообразующих факторов, способных обеспечить раскрытие генезиса, всей спирали эволюции, пройденной казачеством в своем развитии. Такой метод позволяет выявить основные, самые существенные этапы становления казачества, установить логическую связь между ними, последовательность их перерастания из одного в другой, и образование всей длинной его исторической цепочки как выражение общего вектора движения – от зарождения до современности, высветить катаклизмы и катастрофы на его многотрудном пути. Итогом этого станет не придуманный, а подлинный, реальный облик казачества. Также это внесет большую ясность в спор о том, кто такие казаки – народ или сословие? Поэтому красной нитью при изучении казачества, как, впрочем, и любой другой этнической общности, может стать лишь наука, в первую очередь, если иметь в виду социально-этническую природу казачества. В этом поможет важнейшая отрасль – этнология, изучающая закономерности возникновения, функционирования и взаимодействия этнических систем.

По мнению Л. Н. Гумилева, одного из основоположников этнологии, движущую силу этнической истории составляют природные процессы, а формой коллективного существования людей являются этносы, которые складываются не по чьей-то воле, а объективно, по ходу естественно-исторического процесса. При этом каждому этносу присущ этнодифференцирующий признак, состоящий в самопризнании этническим коллективом своего единства, выделяющего его из общего ряда других этносов своей целостностью, как разновидностью системной связи между людьми. Таким коллективам присуща общность поведенческих черт, передающихся из поколения в поколение – от отцов к детям, от дедов к внукам – с помощью механизма условно-рефлекторной сигнальной наследственности. Таким образом, этнос – это людское сообщество, занимающее пространство, порой состоящее из локальных районов с разными природ-

но-географическими условиями, со всей неизбежностью постепенно распадающейся на соответствующие этим районам коллективы, между которыми несколько ослабевают связи и у которых под длительным и непрерывным воздействием объективных факторов, помимо общеэтнических черт, возникают свойства, присущие только им. У таких групп формируется образ жизни, схожий по главным составляющим с поведенческим стереотипом всего этноса, но со своей спецификой, которая и выделяет его из общего ряда других групп, складывающихся внутри самого этноса. Подобные группы в науке рассматриваются как субэтноты [23]. В рамках локальных территорий в России к ним относятся, например, поморы, сибиряки-челдоны и т.д. Понимание субэтноты у исследователей разное. Так, Ю. В. Бромлей к понятию субэтнос относил общности, у которых этнические свойства выражены с меньшей интенсивностью, чем у основных этнических единиц, и которые являются их составными частями [24]. Однако какими параметрами можно определить большую или меньшую интенсивность? Такой подход «создает возможность почти для любых произвольных выделений «субэтнот» [25]. В. И. Козлов предлагает считать субэтнотом часть этноса, занимающего компактную территорию и обладающего в силу этого культурной и языковой спецификой, а также элементами общего этнического самосознания [26]. Развивая данное определение, Ю. И. Семенов утверждает, что для субэтнот характерно двойное самосознание: этническое и субэтническое [27]. Р. Г. Кузев и В. Я. Бабенко называют субэтнотом этнографическую группу, приобретающую тенденцию развития в самостоятельный этнос [28]. Подобный подход разделяет В. П. Трут [29]. В. М. Крюков к разграничительным параметрам этноса и субэтноты относит язык-диалект, специфику самосознания [30]. А. В. и В. А. Авксентьевы полагают, что субэтнос отличается от этноса, внутри которого он возник, своими хозяйственными, бытовыми, культурными и другими особенностями [31]. По мнению М. В. Саввы, субэтноты – это обособленные (территориально, социально, в силу незавершенности ассимиляции) части народа [32]. Этот далеко не полный перечень взглядов на субэтнос объединяет то, что практически каждый из авторов в подтверждение своего понимания термина приводит в пример казаков.

В контексте такого новейшего научного взгляда на

природу этносов, в разработку которого внесли важнейший вклад отечественные специалисты, теории автохтонного происхождения казачества выходят на первое место.

Теории автохтонного, или изначально местного, коренного происхождения казачества появляются одновременно с началом изучения казачьей истории в XVIII в. В это время в российской историографии распространяется идея кавказского происхождения казаков. Первым ее высказал Г. З. Байер, ссылаясь на Константина Багрянородного. Он указывал, что казаки «... в 948 г. ... жили в нынешней Кабарде... где они от великого князя Мстислава в Российское подданство приведены были» [33]. Прием ими в дальнейшем беглых «россиян, поляков и других не препятствует, чтоб казаков можно было почитать за древний народ» [34]. Так впервые в российской историографии была высказана идея древнего, причем далеко не русского происхождения казачества.

В дальнейшем теория автохтонного возникновения казачества стала пользоваться широким распространением и получила развитие у В. Н. Татищева, который считал, что запорожские казаки, впоследствии положившие начало донскому казачеству, являлись потомками кавказских «черкес (черкас) от Бештау», поселившихся в 1282 г. под Курском, а затем пришедших на Днепр и построивших город Черкасы [35]. Спустя некоторое время военный инженер по образованию и историк по признанию генерал-лейтенант А. И. Ригельман, полностью согласившись с точкой зрения В. Н. Татищева, отмечал, что сами казаки «считают своими предками черкес и горские народы» и заявляют о своем отличии от русских людей [36].

Схожее суждение высказывал еще в середине XVIII в. один из историков запорожского казачества П. И. Симоновский, считавший казаков потомками издревле существовавшего славяно-туранского народа, известного во времена Киевской Руси под названием «касогов». Термином «касоги» обозначалось адыгское племя косогов, живших в IX–XIII вв. в предгорьях Северного Кавказа вплоть до Нижнего Дона и их страны Касахии [37]. В 965 г. земля Касахии была завоевана Киевской Русью. Киевский князь Святослав совершил поход против хазар. Этот поход закончился разгромом Хазарского каганата и покорением кавказских народов, в их числе и кассаков. Сообщая об этом походе, русский летописец

писал: «В лето 6743 (965 г.) иде Святослав на Казары; слышавше же козары, изидоша противу с Князем своим Каганом и съеступишася битися, и бывши брани, одолчь Святослав козаром и град их Белу Вежу взя. И ясы победы и косоги» [38].

После разгрома Хазарского каганата по рекам Дон и Кубань появляются русские поселения, а на берегах Керченского пролива возникает город Томатаркань (Тмутаракань). В 988 г. эта область передана в управление одному из сыновей князя Владимира – Мстиславу, который после смерти отца пошел на разрыв с Киевом и занял подонские и донецкие степи до Чернигова. В бою под Лиственном Мстислав разбил войска своего брата князя киево-новгородского Ярослава и стал государем державы, получившей название Тьмутаракань.

До 1060 г. Тьмутаракань объединяла в своих границах всех кассаков, черкес, тюркских торков и берендеев, и простиралась от Кубани по всему Подонью, Донцу и Северщине, включая Курск и Рязань. Упадок Тьмутараканского княжества начался с приходом в Черноморские степи племенного союза Кипчаков, или Половцев (1060 г.). Юг княжества, собственно земля коссак, вместе со столицей Тьмутараканью еще полтора века оставался независимым. По мнению П. И. Симоновского и А. И. Ригельмана, это колыбель казаков азовских, гребенских, казаков-черкасов, вышедших отсюда на Дон и Днепр [39].

Донской историк XIX в. В. Д. Сухоруков подходил к проблеме происхождения казаков иначе. По его мнению, смешанное славяно-туранско-тюркское население Тьмутараканского княжества составило в низовьях Дона лишь то ядро, вокруг которого и сформировалось казачество. Рост же самого населения мог происходить лишь благодаря миграции [40].

Более жесткую уязку казаков и тюрков усматривал Е. П. Савельев. Первоначальное казачье ядро, считал он, сложилось из скифов и сарматов. Так, по его мнению, казаки – народность, образовавшаяся в начале новой эры как результат генетических связей между туранскими племенами скифского народа Кос-Сака (Ка-Сака) и приазовских славян меото-Кайсаров, с некоторой примесью Аланов – Асов или Тонаитов [41].

Сторонники такого рода версий, не располагая полными, документальными доказательствами, опираются преимущественно на косвенные свидетельства.

Еще одним проявлением гипотезы об автохтонности казачества служит идея об этносе бродников, с незапамятных времен живших на Нижнем Доне, а затем оттесненных в среднее Подонье (в литературе часто называемое Червленим Яром).

Существует несколько точек зрения на происхождение первых поселенцев-казаков на Северном Кавказе и о месте их первоначального расселения.

Ряд исследователей XX в. высказали предположение, что полуоседлое население – «бродники», обитавшее в низовьях Дона и на Северном Кавказе в XIII–XV вв., являлось предшественниками казачества, в том числе терско-гребенского [42]. Н. М. Волынкин, изучая русские летописи, установил, что бродники упоминаются трижды – первый раз в 1147 г., второй – в 1216 г. и третий – в 1223 г. при описании битвы у реки Калки, где они выступили на стороне монголо-татар. «По характеру жизни, – писал Н. М. Волынкин, – бродники были полуоседлым, полупромысловым, полугосподарским населением славянского происхождения» [43]. Л. Н. Гумилев считал, что бродники – народ русско-хазарского происхождения [44]. Во главе общин бродников стояли старейшины и воеводы, которые были близки по типу к позднейшим казачьим атаманам. По мнению Н. М. Волынкина, бродники продвигались с места на место по всему широкому пространству Причерноморья, от гор Северного Кавказа до вод Голубого Дуная [45].

Отмечая ряд общих черт у бродников с русскими казаками, В. В. Мавродин уверял: бродники «длительное время сохранялись на Кавказе, несомненно, все более ассимилируясь с населением северокавказского района, растворяясь в более мощном этническом элементе и теряя свое русское славянское этнокультурное начало вплоть до полного его исчезновения» [46]. Однако Л. Н. Гумилев, В. Б. Виноградов и ряд других исследователей склонны считать, что бродники смешались с мощными потоками русских переселенцев, бежавших на Терек к середине XVI в. и положили начало гребенскому казачеству [47].

«Бродницкая» гипотеза происхождения казачества была аргументированно обоснована в 80-х гг. XIX в. профессором П. В. Голубовским. В начале XX в. ее отстаивали М. К. Любавский и М. Н. Покровский. Не забывалась эта гипотеза и советской историографией. В 1930–1950-х гг. ее развивали В. В. Мавродин,

А. И. Попов, Б. Д. Греков. В 1960–1980-е гг. ее отстаивали и поддерживали Л. Н. Гумилев, В. Б. Виноградов, С. А. Плетнева и другие исследователи [48].

Однако этнические корни самих бродников полностью не выяснены. Л. Н. Гумилев считал их потомками древних православных хазар, принявших православие еще в 810 г. от проповедников братьев Кирилла и Мефодия [49]. С. А. Плетнева утверждает, что на окраине Хазарии происходило формирование новой этнической группы, в которую входили аланы, праболгары, славяне, степняки-кутригуры и население, относящееся к черняховской археологической культуре III–V вв. Это смешанное население в византийских источниках называлось асами или асиями, а по русской транскрипции – ясами. Византийцы так нарекли предкавказских алан. В начале X в. часть ясов была покорена печенегами и осталась на Северном Донце, а другая, отступив на Север к вятичам и в воронежские леса, позже перешла под защиту русских князей. Оставшиеся ясы послужили ядром, к которому постоянно присоединялись бежавшие в степи целые группы людей из земледельческих славяно-русских и кочевых народов, переходивших на полукочевой образ жизни. По мнению С. А. Плетневой, на Руси это были бродники, в России – казаки. С нашествием татаро-монголов в 1223 г., подонские бродники-христиане стали на их сторону и бились против объединенного русско-половецкого войска на реке Калке. Когда же в Восточной Европе установилась власть Золотой Орды (1240 г.), бродники оказались в границах татарской империи, сохраняя некоторые автономные права. Но самое главное, они сохранили православную веру и имели во главе своей церкви Подонских и Сарайских епископов [50].

Таким образом, по мнению ряда исследователей, предками казаков являлся автохтонный этнос бродников, в который впоследствии вливалось различное по этническому составу население из кочевников-степняков и выходцев из русских земель. С XVI в. последние становятся все более заметными среди казаков, а затем начинают преобладать в казачьей среде.

В рамках рассматриваемой теории существуют и другие версии происхождения казачества. К ним относятся, в частности, и те, что усматривают его в профессионализации целых этнических групп и народностей. Так, например, оригинальную точку зрения по вопросу о

происхождении казачества обосновал историк-эмигрант А. А. Гордеев. Ученый полагал, что формирование казачества шло на основе частей легкой конницы монгольского войска, в его состав включались покоренные местные народы Приазовья, Нижнего Подонья, русской степной полосы, составлявшие пограничную стражу еще со времен Тьмутараканского князя Мстислава, вывезенные с Северного Кавказа черкесы (ясы) и касоги, смешанные с остатками кочевых орд печенегов, тюрков, берендеев (всех их в общем называли «черными клубуками», или по-тюркски – каракалпаками), а также бродники и расселенная в степной полосе часть русского населения. После распада Золотой Орды оказавшиеся на границах русских княжеств отряды этой легкой конницы под названием казаков постепенно стали сливаться с русским народом [51].

В последнее время эта гипотеза находит все больше сторонников среди зарубежных и отечественных исследователей. Так, например, донской историк А. П. Скорик утверждает, что с середины XII в. в Центральной Азии жили многочисленные независимые племенные объединения, называвшиеся «казачьими ордами». Среди них выделялись две наиболее большие и известные орды. Первая, самая крупная, орда находилась в верховьях реки Енисей, а вторая располагалась в районе озера Балхаш. Жители последней назывались хасаками, кайсаками или киргиз-кайсаками. Именно они, по мнению автора, стали родоначальниками современных казаков. В качестве доказательства своей гипотезы А. П. Скорик приводит тот факт, что в их языке присутствовало множество весьма характерных слов и выражений, встречающихся в говоре донских казаков [52].

Несмотря на достаточно большое количество различных теорий происхождения казачества, имеющих убедительное научное обоснование, ни одна из них на сегодняшний день не является общепризнанной. И миграционная и автохтонная концепции (гипотезы) имеют изъяны, особенно когда исследователи впадают в крайности, пытаясь определить конкретных предков казаков. К примеру, некоторые сторонники теории автохтонного происхождения сосредотачивались на попытках отнести казаков либо к косогамам, алано-яссам, либо к бродникам, не учитывая динамику процесса этногенеза казачьих общин в более поздний период XVI–XVII вв. Часть сторонников миграционной гипотезы (концепции)

тоже впадали в крайность, всячески подчеркивая значимость происхождения казаков от беглых крестьян с территории Руси и Украины, отстаивая гипотезу «бегло-холопского», «воровского» происхождения казачества, выдвигавшую на первый план не этнические, а социальные моменты. Обе эти крайности особенно проявились в зарубежной казачьей эмигрантской и официальной советской историографии и лишь осложнили приближение к истине.

Таким образом, загадка возникновения, или, точнее сказать, происхождения казачества по-прежнему не разгадана, а это, в свою очередь, способствует появлению вокруг нее все новых и новых околонучных мифов. Поэтому сегодня крайне необходимо активизировать научно-практическую работу в области этнографических исследований, отрабатывать теории, которые включали бы в себя положительные наблюдения различных гипотез и концепций автохтонного и миграционного происхождения казачества. Именно такой подход позволит лучше увидеть динамику зарождения казачьего этноса и внутреннюю логику его развития, учитывая влияние многофакторности этого процесса.

2. Первые казачьи поселения на Тереке

Первыми поселенцами на Тереке, согласно мнениям И. Д. Попко, В. А. Потто и М. А. Караулова, были новгородские ушкуйники и рязанские казаки. С 80-х гг. XIX в. в казачьей историографии появилась так называемая «рязанская версия», согласно которой первые казачьи сообщества на Тереке – выходцы из Червленого Яра, переселившиеся на Северный Кавказ в 20-е гг. XVI в.

Сначала на берегах Терека в XIV в. появились новгородские ушкуйники, вольные дружины которых, совершая походы на лодках (которые назывались ушкуи, отсюда и название ушкуйники), через Каспийское море проникали в устье Терека и поднимались вверх по реке [1]. Здесь они вступали в стычки с местными жителями, в набегах захватывали женщин, женились на них и селились по берегам Терека, создавали сплоченные коллективы и называли свои поселения городками. Ушкуйники расселялись у гребней при впадении Аргуна в Сунжу. Постепенно ушкуйники установили тесные контакты с пятигорскими черкесами, которые становятся их верными союзниками.

В первой половине XVI в. через Дон, Волгу и Каспийское море, повторяя маршрут новгородских ушкуйников, рязанские казаки устремились к берегам Терека. Это переселение было напрямую связано с присоединением в 1520 г. Рязанского княжества к Московскому государству. В это время практически завершился процесс объединения русских земель в единое централизованное государство. Тысячи рязанцев были переселены во внутреннюю часть Московского княжества. Что касается рязанского казачества, привыкшего к свободе, но не имевшего силы открыто сопротивляться великому князю, то они приняли решение покинуть родные места и уйти далеко на юг, к берегам Терека. Ранее рязанские казаки жили по берегам Дона и Волги в Червленом Яру, где и служили охранной стражей. Среди историков есть некоторые разногласия о местонахождении Червленого Яра. Так, И. Д. Попко указывал на южную часть рязанского княжества [2], а М. А. Караулов, основываясь на изучении диалектов, предполагал, что первые рязанские поселенцы на Северном Кавказе были не из южной, а из восточной части рязанского княжества [3]. Казаки Червленого Яра должны были быть выселены, после присоединения Рязанского княжества к Московскому государству, в «пределы суздальские», но они этому не подчинились и самовольно переселились на Терек [4].

Помимо вопросов о происхождении гребенских казаков и о древней их метрополии, помимо версии о выходе из Рязанского княжества, существовало еще мнение, высказанное дореволюционными историками В. Н. Татищевым, Н. М. Карамзиным, С. М. Соловьевым и др. По их мнению, гребенские казаки, как и вообще терские, ведут свое начало от донских. Происхождение их связано с бегством русских казаков с Дона на Северный Кавказ. Здесь они объединились в самостоятельные казачьи общины. Название же свое они получили от Гребенских гор еще на Доне, где казаки проживали до переселения [5]. Историк русского казачества Е. П. Савельев доказывал, что на реке Дон жили казаки Гребенские в городке Гребни.

Именно гребенские казаки из городка Гребни преподнесли накануне Куликовской битвы 8 сентября 1380 г. Дмитрию Ивановичу икону-хоругвь Донской Богородицы и образ Богородицы Гребневской [6]. Однако это утверждение справедливо оспаривается многими историками, считавшими, что название свое гребенские

казаки получили от гребней Кавказских гор, где «слово «гребень» имеет то же значение, что и на Дону» [7]. До настоящего времени остается невыясненным до конца вопрос: «Откуда произошло название «Гребенское казачество»? Достоверно лишь известно, что рязанские казаки высадились на берегах реки Сунжи [8], где они основали три станицы по имени своих атаманов: Курдюковскую, Гладковскую и Шадринскую. После были построены еще две станицы – Новогладковская и Червленная.

К началу второй половины XVI в. на Северном Кавказе уже существовало несколько вольных казачьих поселений, из которых наиболее ранними были рязанские и донские, объединенные в единое казачье сообщество, получившее название гребенских казаков.

На гребнях Сунженского хребта казаки оставались до начала 80-х гг. XVII в., затем в целях безопасности они переселились на правый берег Терека у мыса, образуемого слиянием Терека с Сунжей, где возникла 80-километровая казачья линия.

Таким образом, первоначальное расселение гребенского казачества происходило в междуречье Терека и Сунжи. Места, облюбованные гребенцами, отвечали хозяйственной и стратегической целесообразности. Течение Терека обеспечивало сообщение с Каспийским морем и Волгой. Именно здесь проходили караванная дорога из Персии в Москву и путь в Грузию. Эти места привлекали значительными естественными богатствами: в лесах водились звери и птицы, в реках – много рыбы. Под строительство станиц здесь было много пустыщей, свободной земли. Гребенские казаки «вступали в тесные дружественные отношения с соседними горскими народами, оказывали им посильную военную и хозяйственную помощь и поддержку, вели с ними меховую торговлю» [9].

С середины XVI в. в дельте нижнего течения Терека возникает еще одно северокавказское казачество – Терское низовое. В отличие от гребенских, терские казаки формировались из числа беглых, разрозненных групп русских людей и горских народов. Первое известие о появлении терских низовых казаков относится к 1559 г., когда эти казаки овладели городом Тюмень, или, как его еще называли, Терколте, расположенном на одном из рукавов Терека [10]. Этот город для терских казаков становится как бы столицей, мощным опорным пунктом,

вокруг которого селятся небольшими станами казаки. Основным занятием их в это время была охота, рыбная ловля и скотоводство. Вот что пишет об этом времени исследователь культуры и быта Терского казачества Л. Б. Заседателяева. «Сам военизированный походный уклад их жизни, сооружение небольших укрепленных городков, отсутствие необходимого инвентаря и какой-либо помощи от государства, оставляли мало надежд на быстрое экономическое процветание ранних куренных обществ» [11]. Численный состав Низового терского казачества в этот период был непостоянным: он то пополнялся прибывшими с Дона, Волги или с гор, то уменьшался уходившими от них казаками в другие, облюбованные места.

Отдельные группы казаков часто переходили с Дона на Волгу, с Волги на Яик и Терек и т. д. Разделение казачества по рекам в то время было в значительной мере условно. Из-за большой подвижности, постоянных переездов одни и те же казачьи отряды иногда назывались в документальных источниках то донскими, то волжскими, то терскими. Так, например, в документе 1586 г. упоминался посланный воеводами из Москвы для сопровождения крымского царевича терский атаман Борис Татарин, «а с ним десять человек казаков» [12]. В посольской отписке того же года сообщалось о том, что «с царевичем Мурат Киреем ... пошло волжских атаманов с казаки Борис Татарин, а с ним девяносто пять человек, да Иванко Рязанец, а с ним пятьдесят человек...» [13].

Итак, отправляясь из Москвы для сопровождения крымского царевича терским атаманом, Борис Татарин вскоре присоединился к волжским казакам. В дальнейшем документы сообщали о том, что на Волге действовал «воровской» атаман Борис Татарин с 150 казаками и соединившимися с ним запорожцами, а в 1588–1589 гг. они были разгромлены царскими ратными людьми [14].

О том, что на Терек прибывали казачьи отряды с «разных рек», свидетельствуют и более поздние источники [15]. Появлялись на Доне и Волге вольные казачьи ватажки с Терека.

Во второй половине 80-х гг. XVI в. на Волге была построена целая цепь городов-крепостей: Самара (1586), Царицын (1588), Саратов (1590) и др. Появление городов-крепостей привело к тому, что волжские казаки начали активно «превращаться» в служилых. Те же, кто

не желали подчиняться царской власти, устремились к своим собратьям на Яик и Терек.

Приток казаков на Терек с Дона и Волги особенно усилился после 1576 г., когда царское правительство разгромило там много поселений вольных казаков. Именно тогда, согласно преданиям терско-гребенских казаков, три Донских атамана покинули пределы Дона и Волги и ушли: одна часть с атаманом Ермаком – к купцам Строгановым и покорила затем Сибирское ханство; другая – с атаманом Нечаем перебралась на Яик и положила начало Уральскому казачеству; а третья часть – с атаманом Андреем Шадрой ушла на Терек и заняла там городок, названный по имени атамана Андреевским [16].

Первым о существовании этого городка поведал В. Н. Татищев, который называет «Андреевым» запустелый каменный город на Сулаке, «поперек не более 150 сажень, стены толстые и высокие из великих камней тесанных состроены и одни ворота имеют» [17]. Далее В. Н. Татищев пишет: «... а название ему дано по имени атамана Андрея Шадры» [18].

Однако пребывание казаков в этом городке было недолговременным. Казаки, жившие в Андреевском городке, под давлением кумыков вынуждены были оставить свой городок и уйти к гребенским и терским низовым казакам.

Примерно в одно и то же время, что и андреевский городок, существовал еще один, построенный Терским низовым казачеством в урочище Баклакове, при впадении реки Терека в Каспийское море. Как утверждал профессор Е. И. Крупнов, проводивший археологические раскопки в этом месте, город обладал высокими земляными укреплениями, ограждавшими его с трех сторон, и получил название по форме застройки – Трехстенный. Е. И. Крупнову удалось установить точную дату основания Трехстенного городка – начало 70-х гг. XVI в. [19].

В 1668 г. Трехстенный городок был разрушен морским прибоем, и терские низовые казаки вынуждены были поселиться вблизи с Терской крепостью. Здесь жизнь казаков попала в полную зависимость от царских воевод, и «казаки 27 августа 1668 г. были включены в общий состав гарнизона под именем Терского казачьего войска» [20].

Определить численность первых казачьих сообществ на Тереке, а также места первоначального расселения

нелегко в силу неустойчивости и постоянных миграций казачьих отрядов. Предводитель вайнахского общества Ших-Мурза Окоцкий писал в 1588 г. царю, что с ним вместе служили государю 500 терских атаманов и казаков [21]. Турецкий паша Осман уверял: в 1583 г. на него на Тереке напали 1000 казаков. По другим сведениям, под турецкую крепость Темрюк приходило 600 казаков [22]. Сами терско-гребенские казаки не сообщали властям данные о своей численности.

Первые упоминания о месте пребывания вольных казаков на Северном Кавказе встречались в царской грамоте 1581 г., где указывалось, что «беглые казаки ... живут на Тереке, на море» [23], т.е. как в устье Терека, так и по его течению. Других, более подробных сведений о расселении казачества в документах XVI в. пока не обнаружено [24].

Деление на терских и гребенских казаков в документах не прослеживается. Сообщалось только о «вольных терских казаках», «казаках с Терека», под которыми подразумевались все казачьи сообщества, осваивавшие бассейн Терека и Сунжи. Согласно мнению С. А. Козлова, неубедительным представляется широко распространенное в исторической литературе мнение о том, что вначале появились гребенские казаки, обитавшие у склонов («на гребнях») Терского хребта или на правобережье Сунжи, а уж затем к концу XVI в. в низовьях Терека осели терские казаки. «Вероятнее всего, – пишет С. А. Козлов, – подвижные, курсировавшие по всему терско-сунженскому бассейну казачьи сообщества почти параллельно осваивали как устье и низовье Терека, так и гребни Терского хребта, и далее правобережье Сунжи. И продвигались казаки от терского устья все дальше вглубь за междуречье Терека и Сунжи» [25].

Документы XVII в. позволяют восстановить расположение многих казачьих городков, ибо район расселения казаков с «Терка» был обширным. Так, в документе 1614 г. отмечалось, что «по Терке реке и по иным речкам живут вольные многие люди, казаки» [26]. А в посольской отписке 1640 г. уже более подробно сообщается, что «казаки живут по Терку и по Сунже и в иных местах по городкам и на промыслах, на море и на реках, и на камышех, и на степях» [27]. Согласно документальным источникам, дошедшим до нашего времени, в низовьях Терека встречаются городки атаманов Семенки «на Кизляре» и Гаврила Пана «на Быстрой – близко Терки»

[28]. Далее целая цепь казачьих городков «по Терку, от Цареву Броду и до Урочища Моздоку» [29]. К левобережным казачьим поселениям можно отнести городки атамана Досая, атамана Парамонова, Верхний и Нижний Червленной, Наурский, Ищерский, Оскин, Шевелев и другие [30]. На правом берегу у склонов Терского хребта расположились казачьи городки Сарафанников, Шадрин, Степана Москаля, Овдакима Мещеряка, Медвежий и другие [31]. Е. Н. Кушева выявила из источников 1638 и 1644 гг. данные о четырех казачьих городках на правобережье Сунжи, вернее, на ее правых притоках – речках Быстрой (Аргун), Белой, Черной (Черная речка восточнее Аргуна) и Гремячей (возможно, проток выше Ассы) [32].

Район обитания терско-гребенских казаков остался подвижным как в XVI, так и в XVII в. Нередко упоминания о вольных казачьих городках на Тереке появлялись в документах и исчезали, что было связано со стихийными бедствиями, будь то разливы рек или пожары. Большие изменения в географию расселения казаков внесло «кызылбашское разорение» 1653 г. (поход иранских войск на Терек) и нападения ряда северокавказских владетелей и ногайских мурз, в результате которых значительная часть казаков, «пометав прежние свои городки, з женишками и з детишками розбрелись врозь по иным городкам» [33]. Начавшееся активное освоение Северо-Кавказской равнины горцами также «сопровождалось вытеснением казаков, и делало район их обитания более ограниченным» [34].

Одним из основных источников пополнения русского казачества на Тереке в XVII в. продолжали оставаться периодически появлявшиеся на Северном Кавказе казачьи отряды с Дона, Волги, Днепра и Яика. Особенно часто приходили на Терек отряды донских казаков, что было обусловлено, прежде всего, довольно близким расстоянием. В материалах истории русско-грузинских отношений 80-х гг. XVII в., например, отмечалось: «...а з Дону де из Черкасского степью в гребни тою дорогою ездят безпрестанно человек по сту и менши» [35]. В среднем расстояние от Дона до Терека преодолевалось казачьими отрядами за 10–14 дней [36]. Это позволяло донским казакам и их собратям с Терека поддерживать постоянные контакты, помогать друг другу и пополнять свои общины за счет прибывавших казачьих отрядов.

Сохранилось немало сведений о частом появлении на

Северном Кавказе казаков-хохлачей, т.е. запорожцев [37]. Приходили «на море» и на Терек с целью пограбить северокавказских владельцев «воровские казаки» с Яика [38], хотя «от яицких казаков до гребенских ... не блиско» [39]. Периодически прибывали на Терек казаки с Волги и жили «в крепких местах, где их сыскать нельзя» [40].

По мнению С. А. Козлова, казаки «с разных рек» приходили на Терек на непродолжительный период и лишь небольшие казачьи отряды прочно оседали в терско-сунженском бассейне [41]. При этом нужно отметить, что терские и гребенские казаки не всегда принимали в свои городки пришлые казачьи отряды и шли порой с ними на обострение отношений. Так, в 1649 г. терско-гребенские казаки отказались идти с пришедшими донскими казаками и запорожцами на ногайский аул, который разместился на Тереке «меж казачьих городков на выходи». Вольные казаки чуть даже не побили друг друга [42].

Небольшие отряды терских и гребенских казаков также периодически покидали свои городки и уходили то на Куму, то на Дон, то на Волгу. В документе 1628 г. отмечалось: «многие терские казаки, исторопясь, збежали на Дон...» [43]. В отписке 1631 г. сообщалось, что вольные казаки на Тереке «на государеву службу идти не хотят, а бредут розно на Куму реку и на Дон...» [44].

В 40–50-е гг. XVII в. терско-гребенские казаки из-за притеснений ногайских и кумыкских владельцев хотели покинуть свои городки и уйти на Дон [45]. Это свидетельствовало, во-первых, о прочных связях, которые поддерживали друг с другом ранние казачьи группы. Во-вторых, это могло быть вызвано и тем, что небольшие отряды донских казаков, осевших в терских казачьих городках, когда «де стало жить от бусурманов невозможно» [46], изъявили желание возвратиться на Дон, призывая и других казаков.

Появление на Тереке в XVII в. новых потоков беглых людей из разных уголков России во многом было связано с внутривосточными факторами. Голод 1601–1603 гг. и последовавшие за ним события Смутного времени привели к многочисленному оттоку из центра в казачьи общины беглых холопов, крестьян, служивых людей и обнищавших дворян.

Приток «беглых сходцев» из России и «воровских казаков» вновь усилился на Тереке во время походов

донских казаков под предводительством Степана Разина [47]. По сведениям астраханского воеводы, в 1668 г. «пришли з Дону казаков конных 100 человек и стоят от казачьих гребенских городков в 50 верстах, а атаман де у них Алешка Пропокин» [48]. Помимо этого, было 400 конных казаков на реке Куме «да з Дону ж де будет к ним вскоре Алешка Каторжной, а с ним конных же казаков 2000 человек» [49]. Вскоре на реку Куму пришло еще 400 казаков во главе с запорожцем Бобой, «а с Кумы де тем казаком идти будет на Терек к гребенским казакам» [50].

В дальнейшем отряды С. Разина неоднократно прибывали на Терек. Укрывались в терско-гребенских городках и остатки разинцев после их разгрома царскими войсками [51].

Не менее мощный поток русских поселенцев на Северном Кавказе составили в конце XVII в. искавшие спасение от преследований властей и церкви раскольники. Они поселились на облюбованной еще разинцами земле в низовьях реки Кумы, где построили свой земляной городок. Хлебные запасы в городок присылались кабардинскими владетелями, с которыми поддерживались дружественные отношения. Жители «кумского городка» сразу же вступили в контакты с терскими и гребенскими казаками. Гребенской войсковой атаман И. Кукля предложил беглецам-раскольникам переселиться на Терек в казачьи городки [52].

Население терских и гребенских станиц росло за счет служилых людей Терского города. Они уходили в казачьи городки из-за тяжелого продовольственного положения, сложившегося в Терках. Воеводы неоднократно сообщали в Москву, что «на Терке... ратных людей мало, и те, конечно, бедны, наги и босы, и голодны, помирают голодною смертию, а иные от голоду и от нужи бредут розно» [53]. Другие вступали в конфликт с местной администрацией и поэтому бежали к вольным казакам в надежде найти спасение от произвола терских воевод.

Находили приют и убежище в казачьих городках на Тереке и бежавшие из плена. В XVI–XVII вв. северокавказские владетели вели бойкую торговлю «живым товаром» на невольничьих рынках Дербента, Анапы, Эндери и др. Пленные, захватываемые ими во время военных акций, становились рабами. Среди них немало было и выходцев из России, которые попадали на Северный Кавказ в результате перепродажи и захвата в плен

русских людей во время военных действий в регионе. В документах XVII в. неоднократно сообщалось о русских пленниках, бежавших от своих северокавказских владетелей в казачьи городки [54].

На протяжении всего XVII в. терско-гребенские казачьи общины пополнялись за счет притока беглецов-горцев. К казакам уходили те, кого ожидали у себя на родине наказание за всевозможные проступки или кровная месть. По этому поводу северокавказские владетели неоднократно жаловались российскому правительству, что их «люди» бегают от них и «живут на Терке и в казачьих городках» [55]. Обычно поиск беглецов результата не давал, и терские воеводы лишь констатировали тот факт, что «де ушел к казакам» [56].

Бежавшие в казачьи городки горцы «крестились в православную христианскую веру», и тем самым получали покровительство и защиту со стороны российской администрации, которая предписывала терским воеводам «крещены... не отдавати» [57]. Такие казаки получали название новокрещенцев. К сожалению, анализ документов XVII в. не позволяет выявить точное количество казаков – выходцев из северокавказских народов. Вместе с тем в документах нередко упоминаются казаки явно нерусского происхождения: атаман казачий Ивашко Сунгуров и терский казак Шолох; Евлаш и Байтерек из Курдюкова городка; Бормата, Остай, Тагайпс, Илях из Попова городка [58].

Официально численность казаков на Тереке в XVII в. определялась в 500 человек [59]. В посольской отписке 1631 г. отмечалось, что дано «государева жалованья» 30 атаманам и 470 рядовым терским и гребенским казакам [60]. Из росписи, составленной терским стрелецким головой Сергеем Протопоповым, следовало, что в Шевелевом городке живет 20 казаков, в Ищерском – 25, в Оскине – 30, в Нижнечерленом городке – 33 человека [61]. Таким образом, в среднем в казачьих городках проживало по 30 человек боеспособного мужского населения.

Одновременно с упоминаниями о вольных казаках в документах XVI–XVII вв. встречались сведения и о служилых городских казаках. Это были казаки, перешедшие на государственную службу и получавшие за нее жалованье и земельные наделы. По своему положению они мало чем отличались от стрельцов, пушкарей, несших военную службу.

В 1562 г. по просьбе тестя Ивана Грозного кабардин-

ского князя Темрюка Идарова из Москвы «оберегати его от недругов...» был послан воевода Г. С. Плещеев с отрядом «стрельцов 500 человек да пять атаманов казачьих с казаки, а казаков с ними 500 человек» [62]. С помощью русских ратных людей Темрюк сумел подчинить своей власти другого кабардинского князя – Пшеапшоко Кайтукина и подвластные ему селения, на которые была наложена дань. В Москву Г. С. Плещеев с отрядом возвратился в октябре 1563 г.

В сентябре 1565 г. к Темрюку по его просьбе были направлены два отряда служилых казаков, возглавляемых воеводами И. Дашковым и Д. Ржевским. Отряды прибыли в Кабарду летом 1566 г. и «жили у Темрюка-князя» [63]. Русские ратные люди вновь разгромили владения князя Пшеапшоко Кайтукина. В Москву воеводы вернулись в октябре того же года.

Следующее упоминание о служилых казаках на Тереке относится к 1588 г., когда в устье Терека был построен город-крепость Терки, в состав гарнизона которого входили присланные казаки. Так, кроме 2000 стрельцов, которых привел с собой в Терки воевода А. И. Хворостинин, в крепость были переселены 800 городских казаков [64]. Причем в источниках их называют то жилецкими, указывая на прикрепленность к определенному месту жительства, то беломестными – свободными от выполнения феодальных повинностей.

Служилые казаки на Тереке несли царскую службу, которая для них, в отличие от вольных казаков, была обязательной. Особенность терских городских казаков состояла в том, что они были пешими воинами. Поэтому их использовали в основном как вспомогательную силу в военных акциях, предпринимаемых на Северном Кавказе русским правительством.

Войсковая организация служилых казаков Терского города во многом была схожа со стрелецкой. Те же «приказы», головы, сотники и пятидесятники. Служилые городские казаки на Тереке были беспоместными, служили за денежное и хлебное жалованье, как и стрельцы, подчинялись терскому воеводе. Неслучайно в отписках часто упоминались стрельцы и служилые казаки под общим названием «государевых ратных людей». Одним из первых казачьих голов письменные источники называют Василия Онучина [65].

Терские служилые казаки составляли значительную силу, но уже к середине XVII в. о них упоминалось в до-

кументах довольно редко. Постепенно их численность уменьшается. По «сметной росписи» 1681 г., служилых казаков насчитывалось всего девять человек, и потому было принято решение о «перечислении» их в стрельцы [66]. Это был закономерный итог, так как служилые казаки Терского города практически ничем не отличались от стрельцов и выполняли одинаковые функции.

К концу XVII в. численность казачьего населения в бассейне реки Терек возросла за счет мощного притока беглых людей из центральных районов России, Дона и Волги.

Глава II

ЗАСЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ КАЗАЧЕСТВОМ

1. Образование Терско-Гребенского казачьего войска

К началу XVII в. вольное казачество на Северном Кавказе начало оформляться организационно: складывается войско – военная, политическая и социальная форма объединения казаков.

Беглые упоминания о казачьем «войске» на Тереке встречаются в различных письменных источниках еще с начала XVII в. Сохранились посольские отписки и грамоты, в которых российская администрация обращалась с «просьбами» к казачьему войску. Так, в царской грамоте, посланной на Терек в 1615 г., отмечалось: «И вы б, терские атаманы и казаки и великое войско..., собрався шли б казыева улуса на мурз и на их улусы» [1].

Как уже отмечалось выше, большой район расселения казаков – от устья Терека и его низовьев до терско-сунженского междуречья, склонов Терского хребта и далее до правобережья Сунжи – привел к выделению двух групп: Терского низового казачества и Гребенского. Однако во многих документах XVII в. они зачастую упоминались вместе, как единое целое, и подчас трудно определить, представителем какой казачьей группы был тот или иной атаман, или казак, так как в письменных источниках их называли «терскими гребенскими». Причем это можно обнаружить как в терской отписке 1641 г., где отмечалось, что на Тереке живут «терские и гребенские казаки человек с пятьсот», а также в грамоте

1698 г., где упоминались «терские гребенские казаки атаман Богдан Андреев с товарищи» [2]. Царская администрация обращалась «по вестям к терским и гребенским вольным атаманом и казаком, что б они шли на государеву службу на перевозки» и выплачивала им вместе, не разделяя на группы, годовое жалованье [3].

Совместным у терских низовых и гребенских казаков было войсковое управление. В документах XVII в. упоминаются общевойсковые атаманы терских и гребенских казаков Федор Шевель, Федор Киреев, Леонтий Симанов, Богдан Андреев, Леонтий Лопоногой и другие [4]. Правда, иногда в письменных источниках их называли то терскими, то гребенскими атаманами, что, по сути, не имеет существенного значения. Также в письменных источниках XVII в. гребенских казаков нередко определяли терскими казаками, которые живут в гребнях [5]. Гребенские и терские низовые казаки за все время своего проживания на Северном Кавказе не смогли создать обособленные войсковые структуры. Произошло их слияние в единое Терско-Гребенское войско.

Высшим органом власти в казачьем войске был круг – собрание казаков-воинов «всей реки». На нем решались важнейшие вопросы. В результате обсуждений вырабатывалась тактика взаимоотношений Терско-Гребенского казачества с российской администрацией и северокавказскими владетелями. Как пример тому может служить обращение русских посланников к терско-гребенским атаманам и казакам в 1655 г. с просьбой «государю послужить». На что войсковой атаман Леонтий Симанов заявил, что необходимо дать сроку два дня и «они... всем войском о том меж себя совет учинят» [6].

Принимались на кругу решения в зависимости от конкретных обстоятельств. Так, в 1628 г. вольные терско-гребенские казаки отказались идти на «государеву службу», ссылаясь на невыплату им жалованья за прошлые годы [7]. А в 1691 г. на кругу постановили «для береженья» Терского города послать по сто казаков-воинов [8].

Круг посылал депутации в Москву, направлял различные отписки и жалобы, занимался дележом царского жалованья и периодически отправлял за ним небольшой отряд («станицу»). Также круг ведал судопроизводством, решал житейские вопросы, разбирал челобитные рядовых казаков, регулировал казачий круг и внутрихозяйственную жизнь, правовые вопросы и внешние сношения.

На общем собрании казаков «всей реки» избирался войсковой атаман, которому принадлежала исполнительная власть во всем войске. Обычно им становился один из станичных атаманов, пользовавшийся наибольшим авторитетом среди казаков [9]. Первый упоминаемый в документах войсковой атаман Федор Шевель в посольских отписках 30-х гг. XVII в. значился еще рядовым атаманом. Лишь источники 40-х гг. XVII в. сообщали о нем как о войсковом атамане терских и гребенских казаков [10]. На время похода казаки избирали походного атамана, которому давались неограниченные полномочия. Иногда эту должность совмещал войсковой атаман. Так, во время Азовского похода Петра I в 1695 г. походным атаманом был терско-гребенской атаман «всего войска» Федор Киреев.

Вторым по значению лицом в иерархии казачьего войска являлся есаул, которого тоже выбирали на кругу «всего войска». С. А. Козлов в своем исследовании приводит биографию одного из войсковых есаулов – Ивана Кукли. Вначале он упоминается как атаман Нижнечерленого городка. В посольской отписке 1651 г. значится уже войсковым есаулом. А в 80-х гг. XVII в. становится войсковым атаманом [11].

В отличие от своих собратьев с Дона, вольное казачество на Тереке не имело единого центра – войсковой столицы с развитой управленческой структурой. По всей видимости, роль войсковой столицы по очереди выполняли те казачьи городки, чьи станичные атаманы становились атаманами всего войска.

Управление в казачьих городках было организовано по тому же принципу, что и общевойсковое. Также созывались круги, где казаки решали различные текущие вопросы, избирались атаманы и есаулы, которые были обязаны выполнять волю казаков станицы. Решения круга становились законом для всех казаков городка. Те же, кто нарушал их, изгонялись из казачьей общины [12].

Обычно казачьи городки носили имена первооснователей или станичных атаманов. Так, в первой половине XVII в. в документах часто встречались сведения о терско-гребенских городках, носящих имена своих атаманов: Леонтьев, Шадрин, Курдюков, Уразов, Аристов, Гладков, Кириянов, Потапов, Оскин, Яковлев, Андреев, Куклин, Лопоногов, Кондратьев, Симонов и другие [13]. Изредка в память о наиболее почитаемых атаманах их

именами называли определенную местность. Отсюда Са-
рафанников Яр, Леонтьев Юрт и другие [14].

Развитие вольного Терско-Гребенского казачества как военной организации происходило в условиях ожесточенной борьбы с крымско-турецкими и персидскими захватчиками и их союзниками из числа северокавказских владетелей. Постоянная военная тревога прививала особые качества, свойственные порубежному казачеству. «Меня всегда поражала, – писал князь Гагарин, много лет живший среди казаков, – постоянная готовность казака к бою и к встрече опасности. Казаком в этом случае руководит не желание получить за то награды... в казачестве нет такого честолюбия; в его голове единственная мысль – не отстать от товарища и, если придется сразиться или умереть не иначе, как в кругу своих товарищей» [15].

Все эти качества, свойственные казакам, не могли не обратить внимания на них со стороны царской администрации. Ибо появление вольного казачества на Северном Кавказе в XVI в. совпало с активизацией политики России в регионе. После взятия царскими войсками Казани в 1552 г. и Астрахани в 1556 г. границы Российского государства основательно расширились. Выход к Каспийскому морю, с одной стороны, вел к установлению русско-кавказских связей, а с другой – к обострению отношений России с Турцией и Ираном. Северный Кавказ интересовал Россию еще и потому, что здесь проходили важнейшие военно-стратегические и торговые пути.

К середине XVI в. социально-экономическая и политическая обстановка на Северном Кавказе складывалась в пользу России. В то время, когда в России сложилось централизованное государство, игравшее большую роль в международной политике, на Северном Кавказе существовали обособленные феодальные владения, между которыми шли непрерывные войны. Помимо этого, присутствовала постоянная угроза разбойных нападений Крымского ханства и Турции. Последняя, к середине XVI в. создав на узком побережье Черного моря опорные пункты, превращенные в мощные крепости: Сухум, Гагры, Суджук и Темрюк, начинает вынашивать грандиозные планы захвата Северного Кавказа, Астрахани и Ногайских степей.

Народы Северного Кавказа оказывали крымским и турецким захватчикам ожесточенное, хотя и неорганизованное сопротивление. Понимая, что одним им не под силу справиться с натиском агрессора, они вынуждены

были в целях спасения обращаться за помощью и покровительством к России.

По просьбе кабардинских владетелей, заинтересованных в сближении с Московским государством, в 60–70-е гг. XVI в. на р. Тереке «для бережения от недругов» строились русские городки-крепости. Однако они очень быстро разрушались из-за нежелания царского правительства вступать в открытый военный конфликт с Османской империей. Но уже в 1588 г. в устье Терека был построен город Терки, который просуществовал до 1722 г. Терки стал важным военным и административным центром Северо-Восточного Кавказа. Здесь жили царские воеводы, находился военный гарнизон, снабженный артиллерией. Также была построена небольшая русская крепость в устье Сунжи, получившая название Сунженский острог. Она сохранялась до середины XVII в., причем ее неоднократно разрушали, а затем восстанавливали. Первые русские крепости на Тереке имели военно-стратегическое и политическое значение.

С началом строительства русских городков-крепостей на Северном Кавказе установились непосредственные контакты российской администрации с осевшими в бассейне рек Терека и Сунжи вольными казаками. Российские власти стремились сблизиться с вольными казаками. Конные отряды казаков имели неоспоримые преимущества перед пешими служилыми людьми Терского города. Вольные терско-гребенские казаки были опытными воинами, умело сражавшимися в конном и пешем строю, прекрасно ориентировавшимися на местности. Именно поэтому под контролем казаков оказались важные торговые и стратегические пути. Турецкие послы не раз сообщали о том, что вольные казаки стоят на Османской дороге (линия Темрюк – Пятигорье – Эльхотово – Терки – Дербент) [16]. Казаки доставляли немало хлопот Османской империи – военному сопернику России. В Москве прекрасно понимали, какую неоценимую помощь смогли бы оказать терские казаки в защите южных границ России. Заинтересовано в сотрудничестве с государством было и казачество на Тереке. Казакам нужен был надежный покровитель и союзник в лице России. Таким образом, во второй половине XVI в. начался процесс сближения Терско-Гребенского казачества с Российским государством.

Между Российским государством и казачеством на Тереке к началу XVII в. сложились отношения, напоми-

навшие контакты между отдельными равноправными сторонами. Власти по-прежнему стремились использовать казаков «с реки Терка» как проводников кавказской политики России, привлекая их для сопровождения посольств, охраны перевозов. Помогали вольные казаки царским воеводам в укреплении Терского города и сооружении Сунженского острога, держали сторожевые разъезды [17]. Участвовали терско-гребенские казаки и в военных походах царских войск на Северном Кавказе. За службу российские власти присылали вольным казакам на Терек порох, свинец, сукно, хлебное и денежное жалованье.

При этом нужно заметить, что несли службу терско-гребенские казаки лишь тогда, когда это соответствовало их интересам. Свой отказ, как правило, вольные казаки обосновывали тем, что «в городках пусто» или ссылались на притеснения «от иных иноземцов» [18]. Так, в 1631 г. терский воевода сообщал, что казаки отказались идти на «государеву службу на перевозки», «а бредут розно на Куму реку и на Дон...» [19]. Как правило, подобным образом казачество на Тереке пыталось добиться больших наград и пожалований. Российской администрации ничего не оставалось, как идти на уступки, остро нуждаясь в казаках как в значительной вооруженной силе в регионе. Терские воеводы не раз с тревогой писали в Москву: «А токмо-де казаков и в гребенях не будет и Терскому городу будет большая теснота» [20].

Таким образом, российским властям приходилось иметь дело не с отдельными группами вольных казаков, а со сложившейся к середине XVII в. организацией – Терско-Гребенским войском, что позволяло атаманам, используя его силу, более успешно противостоять давлению, оказываемому из центра, и оберегать казачьи вольности. При этом российская администрация извлекала и свои выгоды, умело используя преимущества войсковой организации при проведении кавказской политики.

Все чаще российские власти стали координировать с Терско-Гребенским войском вопросы, связанные с обстановкой в северокавказском регионе. При этом власти обращались с просьбами непосредственно «к терскому великому войску» или войсковому атаману. В «государевых» посланиях звучали призывы к казакам «учинить меж себя совет» для принятия необходимых решений [21]. Войсковые атаманы без согласования с кругом

каких-либо ответственных решений не принимали. Так, в 1648 г. в ответ на просьбы уварских мурз о поселении «своим владеньем близ гребеней» терские воеводы писали атаману Федору Шевелю, чтоб «казаки учинили меж собою совет» и сообщили свое мнение. Получив от них отрицательный ответ, российская администрация отклонила просьбы «уварских людей», которые «пошли де с того места на прежнее свое житье» [22].

Терско-Гребенское казачество стало реальной силой в регионе, с ним считались и поддерживали взаимовыгодные союзнические отношения. При этом казаки умело регулировали свои взаимоотношения с северокавказскими владетелями, что делало их положение относительно стабильным и прочным.

Все более отлаженным становился и механизм поощрения государством казачества на Тереке «за службу». Если в начале XVII в. пожалования казакам носили временный характер, то в документах второй четверти XVII в. уже упоминалось о ежегодном жалованье терско-гребенским казакам. Так, в посольской отписке 1631 г. указывалось о выдаче казакам «государевой» грамоты, по которой им полагалось «жалованье ежгод беспереводно» [23]. В грамоте предусматривалось выдавать 30 атаманам «по рублю, да по две чети муки...» и 470 рядовым казакам «по полтине, да по три осмине муки на год». Кроме того, «для службы, как их пошлют...», атаманам выделялось два рубля, рядовым казакам по рублю, «по осмине круп, по осмине толочна» [24]. В дальнейшем в источниках неоднократно отмечалось, что вольных казаков «государевым жалованьем обнадежили» [25]. Хотя регулярно годовое жалованье терско-гребенские казаки стали получать лишь со второй половины XVII в.

Как видно, из Российского государства казакам постоянно шли средства, по тем временам, без преувеличения, немалые. Достаточно сказать, что на 1 рубль тогда можно было купить многое. И все это давалось, конечно же, не просто так. Таким способом казаки постепенно, но неуклонно переводились в прямое и непосредственное подчинение царской власти.

Год от года Терско-Гребенское казачество все активнее стало вовлекаться в орбиту внешнеполитической деятельности Российского государства на Северном Кавказе. Для укрепления российских позиций в регионе был заново отстроен в 1651 г. Сунженский острог. Построенный при устье Сунжи «между двух вод», острог

был надежно защищен природными преградами, а его местоположение позволяло контролировать переправы в терско-сунженском бассейне [26]. Строительство острога имело не только военно-стратегическое значение, но и позволяло получать большие перевозные пошлины с торговых операций, так как «миноват де тово места никому будет не мочно» [27]. Во время строительства острога вольные казаки стояли «для береженья ... чтоб какова дурна не учинилось» [28].

Особая роль в создании надежной фортификационной системы отводилась терско-гребенским казакам, чьи городки прочно окружали Сунженский острог, становясь преградой на пути неприятеля [29]. Так, целая россыпь казачьих городков названа в «рописи» острога 1651 г.: «да против стоялово ж острогу за Терком-рекою казачий Оскин-городок от...острогу с полверсты..., да на той же стороне вниз по Терку-реке казачьи городки, городок Ишцемской от острогу в 2 верстах..., Шевелев городок от острогу в 3 верстах..., да Нижней Черленой городок, от острогу в 5 верстах...» [30]. В версте от острога «на Черкасской стороне» находился Шадрин городок [31].

Таким образом, российское правительство начинало создавать первую в истории Северного Кавказа укрепленную «линию» от устья до междуречья Терека и Сунжи, стремясь при этом опереться на Терско-Гребенское казачество. Река Терек как бы становится официальной русской границей, по левому берегу которой тянулся ряд укрепленных казачьих городков, а город Терки становится главным стратегическим пунктом этой линии, замыкавшей ее у устья Терека.

Закладка Сунженского острога и усиление позиций России на Северном Кавказе вызывали недовольство со стороны Ирана и шамхала Тарковского. В октябре 1651 г. иранский шах направил к Сунженскому острогу значительные силы, к которым примкнул и шамхал Тарковский. Гарнизон острога, состоявший из терских ратных людей и казаков, был усилен кабардинскими ополченцами, прибывшими сюда вместе с князем Муцалом Черкасским, который и возглавил оборону острога. Казачьи городки стали преградой на пути неприятеля. В челобитной кабардинского князя Муцала Черкасского указывалось: «с ратными людьми и с терскими и з гребенскими атаманы и казаки, которые в те поры прилучились из-за Терка-реки, перешод к государеву

Сунженскому острогу, и з братьей своею з барагунскими к Сунженскому острогу учинили крепь...» [32]. Осада острога неприятелем длилась более двух недель. Помимо терских ратных людей и служилых горцев, его защищали около 200 терско-гребенских казаков [33]. По прошествии двух недель безуспешных попыток взять штурмом острог, неприятель снял осаду и напал на незащищенные казачьи городки-станицы, где произвел полнейший разгром, перебив многих людей и захватив огромную добычу [34]. В историю это событие вошло под названием «Кызылбашского разорения». В создавшейся ситуации «государевы служилые люди» решили оставить острог и, «взяв... государев наряд, пушки, да стальное зелье и свинец, и церковные книги, и колокола, и пометав свои статки», вернуться в Терки [35].

За героическую оборону Сунженского острога 28 июля 1653 г. царь прислал казакам грамоту с подарками. Это была первая грамота царя, выданная гребенцам за боевую службу [36].

Вынужденная ликвидация важного опорного пункта в междуречье Терека и Сунжи ослабила позиции России в регионе [37]. Все эти события резко отразились на численности населения в Терках. Власти спешно направили для укрепления терского гарнизона дополнительные силы «солдатского строю, немецкие полковники и урядники, а с ними русские солдаты, многие люди с огненным боем» [38]. В 1658 г. в Терский город на «вечное житье» было послано еще 1379 стрельцов и служилых казаков с их семьями. Переселенцев наделили определенными льготами. «Таковыми мерами думали приковать этих первых представителей правительственной, иначе – принудительной колонизации на Кавказе, к их новому суровому краю, чтобы удержать их от побегов» [39].

Наиболее ощутимые потери от «кызылбашского разорения» понесли терско-гребенские казаки. В различных документах отмечалось, что «казачьи де городки по Терку-реке многие выжжены ж», причем около 10 из них так и остались невозстановленными. Среди них Курдюков, Шадрин, Гладковский, Аристов и др. Из 200 вольных казаков, защищавших «государев» острог, в Терки возвратилось всего 108 рядовых казаков с атаманами [40]. Немало казаков было захвачено неприятелем в плен [41].

В 1656 г. на войну с Швецией были вызваны воль-

ные казаки Дона и Терека. Гребенцы и терцы принимали участие во взятии ряда крепостей в Ливонии: это Данибург и Кокенгауз, а затем и Рига, «в сражениях, пожалуй, впервые проявились мощь и потенциальные возможности казачьей конницы» [42].

С 1633 г. южные границы Российского государства постоянно начали подвергаться набегам Малой Ногайской орды, которая к этому времени была вассалом Крымского ханства. В 1636 г. Московским правительством был организован военный поход против беспокойного соседа. Объединенное войско во главе с князем С. Волконским, куда входили 200 стрельцов, служивые дворяне, кабардинская конница, «окоченцы» и, конечно, вольные казаки Терского и Гребенского войск, «у которых лошади есть и которые похотят» [43], выступили в поход.

Хан Малой Ногайской орды Казы-мурза выставил против войск Волконского 20-тысячную конницу. На помощь войскам Волконского должны были прийти донские казаки, но они вовремя не прибыли в условленное место.

Воевода князь Волконский не стал дожидаться донских казаков, а напал на 20-тысячное войско и наголову его разбил, затем разорил ногайские улусы и ушел в Астрахань.

Разгром Малой Ногайской орды встревожил Крымское ханство, и Крым стал готовиться к походу против России. Но состоялся поход лишь в 1645 г., когда огромная армия крымского хана предприняла осаду казачьего города на Дону – Черкаска. На помощь донцам прибыло подкрепление из России: из Астрахани прибыл со стрельцами князь С. Пожарский, «к нему присоединились 1200 терских и гребенских казаков и кабардинцев во главе с кабардинским князем Муцалом Сунчалеевичем [44]. В ходе завязавшейся битвы крымское войско было разбито, в плен попало более 7000 крымцев.

К концу 60-х гг. XVII в. отношения вольного казачества на Тереке с российским правительством стали напряженными. Как писал С. А. Козлов, «несмотря на относительную лояльность Терско-Гребенского казачества к государству, в нем сохранялся бунтарский дух, тлели искры будущих народных выступлений» [45]. Церковная реформа Никона, приведшая к расколу в русской православной церкви, вызвала новый приток беглых сходцев из разных уголков России на Терек.

Весной 1667 г. до Терского воеводы дошел слух, что на Дону казак Степан Тимофеевич Разин поднял большую массу казаков, увлек их вверх по Волге, творя разбой и погромы [46].

К лету 1668 г. между рекой Кумой и казачьими городками терско-гребенских казаков сконцентрировалась внушительная сила – около 3000 запорожских и донских казаков, что было связано с Каспийским походом Степана Разина [47]. «Пришлые» казаки пытались склонить на свою сторону собратьев «с Терка». Документы сообщают о том, что к терско-гребенским казакам «с уговорами» приезжали «де из войска» пять донских казаков. И терцы не только не оказали им сопротивления, но и снабжали лошадьми [48]. Все это вызвало тревогу у царской администрации, которая относилась к Терско-Гребенскому казачеству с явным недоверием.

В 1668 г. Степан Разин подошел к устью Терека и обратился к Касбулату Черкасскому с предложением присоединиться к его восстанию против Московского правительства. Черкасский ответил отказом и убедил терцев и гребенцов не вступать в ряды Разина. С глубокой симпатией к Касбулату пишет в своей книге историк Терского казачества В. А. Потто: «И Терское и Гребенское войско, сдерживаемые умной политикой князя Касбулата, по наружности были спокойны» [49]. И это несмотря на то, что Терский город примкнул к разинцам. Так, в отписке 1670 г. указывалось: «и терченя де великому государю изменили и город ворах здали, а воевод держат на Терке за караулом». При этом терские «непослушники» переписывались с разинцами и получали от них инструкции [50]. Укрылись в терско-гребенских городках и остатки разинцев после их разгрома правительственными войсками.

Однако, несмотря на открытое выступление части Терско-Гребенского казачества на стороне Степана Разина, большая часть сохранила лояльность к царскому правительству. Более того, в ноябре 1671 г. Касбулат Черкасский во главе отряда из терско-гребенских казаков и кабардинцев принял участие в освобождении Астрахани от разинцев (к этому времени Степан Разин был уже казнен 6 июня 1671 г.). Таким образом, конница из Терков сыграла решающую роль в разгроме остатков войск Разина [51].

В 1674–1675 гг. в Москву приезжала «станица» гребенских казаков во главе с атаманом Данило Губиным.

Кзаки отрицали участие в действиях на стороне Степана Разина и просили о награждении их за службу. Они уверяли, «что... к воровским казакам, к Стеньке Разину, и к терским жителям, к вора, не приставали, и служили великому государю, и терских жителей от воровства уговаривали..., и... казны, которую воры пограбили не имали» [52].

С 1677-го по 1682 г. Россия отражает походы Крыма и Турции на свои территории. Так, например, в 1677 г. крымский хан при поддержке Турции и Польши двинул свои войска к Чигирину. «На помощь русской рати из Терека был вызван Касбулат с его узденями, терскими и гребенскими казаками. Отряд Касбулата вместе с русскими войсками разгромил татар и турок под Чигирином, противник отступил и затем вовсе ушел» [53]. Таким образом, сборный отряд Касбулата был важной ударной силой при разгроме крымско-турецкого войска под Чигирином. Заслуга Касбулата в этом сражении отмечается царем Алексеем Михайловичем в грамоте, выданной князю [54].

После этих событий ни Турция, ни Крым не осмеливались начинать крупномасштабные военные акции на Северном Кавказе. России же открывались новые перспективы для более прочных взаимоотношений русского народа с народами Северного Кавказа [55].

В 70–90-е гг. XVII в. в Москву периодически отправлялись «станции» терско-гребенских казаков «с просьбами» о выдаче государева жалованья, которое направлялось им ежегодно. В 1680 г. казакам на Тереке послали денежного жалованья более чем на 1357 рублей, а в 1691 г. было выдано 2020 рублей. При этом атаманам выделялось по три рубля, а рядовым казакам по два [56]. Снабжали терско-гребенских казаков и различными «припасами». Каждый год на Терек посылалось более 192 кг. пороха и свинца, причем атаманам полагалось около 800 гр., а рядовым казакам 400 гр. С челобитными терско-гребенских казаков о выдаче жалованья и «об иных своих нуждах» нередко отсылались книги и счетные списки, в которых указывалась численность терцев и гребенцов. Исходя из «списка» и выделялось жалованье и «припасы» [57]. Подобным способом российская администрация пыталась контролировать приток новых поселенцев и поощрять «особливым» вознаграждением «старых», «верных» атаманов и казаков. А за «крымские службы» – участие в Крымских походах 1688–

1689 г. – из Москвы было прислано для раздачи 100 казакам 150 рублей «с полтиною», из них атаману два рубля, рядовым по полтора [58].

Таким образом, по мере усиления зависимости Терско-Гребенского казачества от Москвы, шаг за шагом казачье войско включалось в новую структуру, превращаясь в составную часть русской армии. Российские власти использовали вольных казаков в качестве надежного гаранта российского влияния в регионе. При этом взаимоотношения между Московским правительством и Терско-Гребенским казачеством долгое время напоминали контакты между равными субъектами.

2. Терско-Кизлярское и Терско-Семейное казачьи войска

На рубеже XVII–XVIII вв. Терско-Гребенское казачество все активнее вовлекалось в орбиту внешнеполитической деятельности Российского государства на Северном Кавказе. Казаки участвовали в военных акциях, которые предпринимало правительство в регионе (Азовский поход Петра I в 1695 г.), их использовали в качестве гаранта защиты северокавказских владетелей пророссийской ориентации. Причем если в XVII в. Москва обращалась к терцам и гребенцам с просьбой «о вспоможении», а казаки, созывая круг, решали, оказать помощь или нет, то с начала XVIII в. уже следовали царские указы, требующие беспрекословного выполнения. Так, 29 мая 1706 г. на Терек был направлен указ Петра I атаману Лукьяну Дементьеву и всему Гребенскому войску об охране ими от «кумыцких владетелей и от иных стран» барагунского владетеля Кучука мурзу Росланбекова «со всеми при нем будущими людьми». И казачье войско выполняло царский указ [1].

Вместе с тем Терско-Гребенское казачество само нуждалось в помощи и поддержке Российского государства, о чем свидетельствуют челобитные и отписки, направляемые казаками в Москву. В них, в частности, сообщалось об усилившихся набегах на городки ряда северокавказских владетелей, что было связано с активизацией в регионе Оттоманской Порты [2].

Российское правительство привлекало терско-гребенских казаков как надежную военную силу и для участия в кампаниях и походах за пределами Кавказа. Особен-

но это проявилось во время Хивинского похода 1717 г. под руководством гвардии капитана князя Александра Бековича-Черкасского, когда погибло 500 терско-гребенских казаков [3]. Сам поход, его цели и итоги достаточно подробно изучены в исторической литературе [4].

В 20-е гг. XVIII в. Россия перешла к активной политике на Северном Кавказе. Так, Петр I, продолжая свою политику расширения торгово-экономических и культурных связей с другими народами, заключает в 1720 г. торговый договор с Персией, но в скором времени до него доходит слух о поражении персидского шаха Гусейна в битве с афганцами, и, опасаясь вторжения Турции на Кавказ, он отдает приказ о походе. Цели похода были определены следующие: «крайняя нужда будет, береги по Каспийскому морю овладеть, понеже... турков тут допустить нам невозможно» [5]. Прикаспию отводилась важная экономическая роль, для чего следовало «о меди... подлинное свидетельство учинить... нефти... выслать 1000 пуд или сколько возможно...», а также позаботиться о шелководстве [6].

Готовясь к «прикаспийскому походу», Петр I стремился использовать в нем, помимо регулярной армии, Терско-Гребенское войско, для чего официально ликвидировал его «вольный статус». Так, из именного указа за 1720 г. следовало, что гребенские казаки переходят в подчинение астраханского губернатора, а указом от 3 марта 1721 г. – в ведение Военной коллегии [7]. На протяжении почти двух столетий Терско-Гребенское казачество строило свои отношения с государством через Пособольский приказ, отныне оно официально было включено в военную структуру России.

В июле 1722 г. русские регулярные войска, усиленные донскими казаками, отправились из Астрахани по суше и морем на юг, по пути к ним присоединились терские и гребенские казаки, а также кабардинские ополченцы. 27 июля 1722 г. Петр I высадился в Аграхани, заливе Каспийского моря. Вскоре подошла и шедшая «сухим путем» из Астрахани конница, испытывавшая в дороге немалые трудности «от безводицы и худых трав» [8].

Первые столкновения русского корпуса произошли с эндереевскими владетелями, совершавшими частые набеги на Терки и городки терско-гребенских казаков. В результате деревня Эндери была разорена и «3 тысячи дворов... выжгли без остатку» [9]. В августе объединен-

ное войско Петра I без боя овладело Дербентом. На этом поход был завершен. Благодаря этому походу, а также договору с Ираном (сентябрь 1723 г.), Россия простерла свое влияние на Дагестан, Ширван, Мазендеран, Гилян и Астрабат [10].

Таким образом, благодаря военным и дипломатическим успехам Русского государства, а также значительной помощи кабардинцев и казаков, Россия открыла новые перспективы для установления более прочных взаимоотношений русского народа с народами Кавказа, что способствовало более активному заселению русскими казаками и переселенцами обширных Предкавказских степей.

Коренная перестройка во взаимоотношениях государства и казачьих групп на Тереке началась с 1721 г., когда Гребенское, а затем и другие войска стали переводиться с подчинения военной коллегии и стали частью вооруженных сил России. При этом казакам определялся постоянное хлебное и денежное жалованья.

С середины XVIII в. делаются первые шаги по осуществлению контроля за самоуправлением гребенских казаков. В Терско-Кизлярском войске и Моздокском казачьем полку, созданных правительством из народов Северного Кавказа и переселенцев с Дона и Волги, выборы с самого начала были признаны нецелесообразными. В это же время определены и повинности казаков, чего ранее не наблюдалось.

После подчинения казаков в 1721 г. военной администрацией, царское правительство приступило к реорганизации, направленной на укрепление единоначалия и ликвидации демократизма, в частности, связанного с выборностью должностных лиц. По своей организации казаки теперь были приближены к регулярным войскам и получили полковую организацию во главе с полковником и хорунжим. В 1723 г. терско-низовые казаки были полностью лишены самостоятельности, их разделили на две части по «четыре капральства в каждой, с тем, чтобы у каждого ста быть командирам: у прежних казаков – голове Степану Татумревскому, при нем голове Максиму Уске и сотнику ж одному» [11]. В дальнейшем по приказу Петра I из числа терских казаков были сформированы четыре конные роты: две дворянские и две казачьи. Во главе их были поставлены, вместо голов, ротмистры. Командиром первой роты поставили Максима Уска. В роту было включено 14 дворян, 39 новокре-

щенцев и один «кормовой» иноземец. Вторая рота состояла из 4 князей, 25 узденей и 40 служилых оконченцев. Казачьи роты были организованы из сотенных команд. Капралы были заменены десятниками и в каждую роту введены по одному писарю и хорунжему. Через несколько лет было зафиксировано незначительное изменение Терско-Низового казачества. Так, в списках за 1725 г. в войске числилось 13 дворян, 39 новокрещенцев, 25 князей с узденями, 34 оконченца, 192 казака, и с «чиновными людьми» – по 102 человека в каждой роте [12]. Такая организация терских казаков сохранялась вплоть до 1735 г., когда к ним были присоединены кабардинские переселенцы, перешедшие на службу России вместе с князем Эльмурзой Черкасским и составившие совместно единое Терско-Кизлярское казачье войско.

Возвращаясь из Персидского похода в 1722 г., Петр I остановился в 20 верстах от устья реки Сулак, впадавшей в Аграханский залив, и приказал на этом месте заложить крепость, назвав ее крепостью Святого Креста. Старую крепость Терки при этом полагалось оставить. Петр лично сделал чертеж этой крепости. Крепость Святого Креста по своему назначению должна была стать опорным пунктом России на Северном Кавказе. Крепость была снабжена высокой стеной с шестью бастionsами и крепостной артиллерией, состоявшей из 35 медных и чугунных пушек [13]. Кроме этого, крепость окружали глубокие рвы, что делало ее почти неприступной. Гарнизон крепости состоял из солдат регулярной армии, а также переселенных из города Терки жителей и терских казаков со своими семьями, домашним скарбом и скотом.

Основная тяжесть работ по строительству крепости Святой Крест легла на гребенских казаков, которые занимались заготовкой леса, угля, сена и других строительных и продовольственных припасов [14].

9 апреля 1723 г. у казаков было взято 200 арб, а в октябре 1724 г. им уплатили деньги за 61 взятый каюк, т.е. речные грузовые суда барочного типа для строительных работ. Кроме того, они конвоировали почту, курьеров, давали подводы, а в казачьих городках квартировали роты гарнизонных солдат [15].

Терско-Гребенское казачество, участвуя в военной кампании 1722 г., наделялось помимо жалованья дополнительными привилегиями: 100 терским и 175 гребенским казакам дали по 3 рубля каждому [16]. Позже

последовал Указ Петра I от 29 августа 1723 г. «О населении гребенских казаков у крепости Святого Креста» [17], согласно которому казаки должны были оставить места постоянного жительства, осваиваемые ими в течение столетий. Это вызвало недовольство в среде казаков, сопровождавшееся открытым неповиновением. Гребенские казаки стали покидать родные места и уходить к своим братьям, некрасовским казакам на Кубань. Вскоре стало известно, что казаки совместно с горскими владетелями участвовали в нападениях на крепость Святого Креста.

Ситуация становилась критической, если учитывать, что гарнизон крепости был малочисленным, а терско-гребенские казаки являлись единственно реальной силой в регионе, да к тому же последовательными проводниками российских интересов на Кавказе. Власти были вынуждены отказаться от планов переселения гребенских казаков в крепость Святой Крест. Указ Петра I был невыполнен. Более того, казакам, «которые ушли с Гребней», было дано прощение и позволено возвратиться в свои городки [18].

Для усиления границ от крепости Святой Крест до моря Донским войсковым атаманом Андреем Лопатыным по приказу Петра I от 20 мая 1724 г. было переселено 1000 семей казаков из числа донских, хоперских, бузулукских и медведевских городков «на вечное житье» [19]. В результате этого события в дальнейшем и ведется название семейных казаков. Эти переселенцы с Дона образовали новое казачье войско, получившее название Аграханское, имевшее по штату 500 человек конных и 300 пеших. «Им было установлено годовое жалованье в размере 12 000 рублей деньгами, 6000 четвертей муки, 375 четвертей круп, 5000 четвертей овса и 1200 пудов соли» [20].

К новой крепости был переведен гарнизон города Терки, и «терским дворянам и новокрещеным казакам, и мурзам, и окоченам на подъем и на строение домов» выдали по 2 рубля [21]. Численность гарнизона Терки в тот период, согласно исследованиям П. Л. Юдина, определялась в 167 городовых казаков и 39 «новокрещен» [22].

Все перечисленные переселенцы составили основу Аграханского войска, ставшего одним из первых опытов правительственной колонизации Северного Кавказа. Создавая новое казачье войско, Петр I ставил следующие

цели: с одной стороны, создать новую укрепленную линию по Сулаку и Аграхани, усилить влияние России на Кавказе, с другой – полностью подчинить своей власти Гребенское войско путем «размывания» его состава за счет «верных» казачьих отрядов, направляемых на Северный Кавказ.

Астраханскому губернатору было велено сделать для Аграханского войска печать по образцу донской, а для войскового атамана оправленную серебром насеку, являющуюся неременной принадлежностью верховной атаманской власти. Тем самым подчеркивалась значимость войска и утверждалось его равенство в привилегиях со старейшим Донским войском.

Денежное жалованье агроханцев также периодически повышалось, и к 1735 г. они получали его в следующем размере: войсковые – атаман 30 рублей, есаул 20 рублей, писарь 19 рублей и знаменщик 18 рублей; станичные – атаман 17 рублей, есаул 16 рублей, хорунжий 13 рублей, рядовые казаки по 12 рублей [23].

Сверх того, казакам были предоставлены рыбные ловли на Каспийском море. Указом от 8 марта 1734 г. Военная коллегия постановила: «Так как казакам в таком нужном месте без рыбных ловель пробыть невозможно, и надлежит оныя... казакам... отвести, дабы они, имея из того довольство, исправнее могли службу отправлять» [24].

Попытка России закрепиться на реке Сулаке, переселив казаков на Аграхань, окончилась полной неудачей. Не успели еще аграханцы обустроиться на новом месте, как в 1727 г. по Прикаспийским областям пронеслась чума. Чума быстро достигла крепости Святого Креста и Сулакской линии. Потери были колоссальными. Из состава переселившегося в крепость Святого Креста терского гарнизона к концу 1730 г. осталось 145 человек, из них «шестеро больных». Но наибольшие беды постигли Аграханское войско – из 1000 донских казаков, поселившихся на Сулакской линии, к 1735 г. осталось всего 452, остальные «померли, бесследно пропали и бежали» [25]. Таков оказался итог правительственной колонизации Северного Кавказа и создания укрепленной линии по Сулаку.

В 30-х гг. XVIII в. политическая обстановка на Ближнем Востоке сложилась не в пользу России. По Ганжинскому договору между Россией и Ираном в 1735 г. упраздняясь граница по реке Сулак и отодвигалась на Терек.

По договору крепость Святой Крест должна была быть оставлена. Вскоре было найдено удобное место для строительства новой крепости «на истоке Кизляра-реки». Так, 16 апреля 1736 г. последовал Высочайший указ на имя астраханского губернатора, в котором повелевалось «вместо крепости Святого Креста сделать на реке Кизляр траншамент» [26]. Новый город-крепость решено было назвать Кизляром [27].

После переселения на Терек Аграханское войско было разделено на две части: одна часть из терско-низовых казаков и горских выходцев, поселенных отдельной слободой на окраине города Кизляра, была преобразована в Терско-Кизлярское войско, а из другой части переселенцев, состоящих из семейных донских и гребенских казаков, сформировано Терско-Семейное войско.

Для Терско-Кизлярского войска были составлены особые штаты с учетом их национального происхождения. Войсковым атаманом Терско-Кизлярского войска был назначен генерал-майор князь Эльмурза Черкасский [28]. Устройство этого войска отличалось особым своеобразием: с одной стороны, признавалась организационно-хозяйственная структура казачьих войск, а с другой – сохранялась феодальная сословность, державшаяся на наследственном, привилегированном положении выходцев из княжеской и дворянской среды. Кроме того, большинство казаков были выходцами из горских обществ и, будучи на русской службе, в той или иной мере сохраняли свои родовые и полупатриархальные порядки. Старшин в Терско-Кизлярском войске назначали, а не выбирали, как это было принято в других войсках. По сравнению с Гребенским и Терско-Семейным, Кизлярское войско было малочисленным и не превышало 170 человек. Интересен состав войска. Так, в его состав входили: один майор, три ротмистра, четырнадцать дворян, шесть «мурз кавказских», два есаула, два сотника, два хорунжих и два писаря. Особую группу составляли новокрещенные казаки, которых насчитывалось 24 человека. В отдельный список были включены так называемые «окоченские» казаки мусульманского вероисповедания, численность которых колебалась в разные годы от 16 до 18 человек. Самым же значительным в Кизлярском войске был отряд служилых казаков, переселившихся в Кизляр из крепости Святого Креста. Они были названы «Терскими», количество их определялось в 100 человек [29].

Российскими военными властями Терско-Кизлярское войско первоначально не привлекалось к сторожевой и охранной службе, а использовалось в качестве разведчиков, проводников, переводчиков и для сопровождения послов [30]. Состав Терско-Кизлярского войска отличался высокой грамотностью и прекрасным знанием кавказских языков.

С образованием Терско-Кизлярского войска российская администрация пыталась придать своей политике по отношению к казачеству на Северном Кавказе новое направление. Наряду с правительственной колонизацией северокавказского региона, созданием «искусственных» казачьих войск за счет переселения служилых казаков из России, государство стремилось опереться на горцев, привлечь их на российскую службу. И хотя первоначально количество горцев в Кизлярском войске не превышало 50 человек, но то, что возглавлял его кабардинский князь Эльмурза Бекович-Черкасский, говорит уже о многом. По мнению С. А. Козлова, «разноплеменное и разноязычное» Кизлярское войско было для властей надежным противовесом как слишком независимому Гребенскому войску, так и «пришлым» и плохо ориентировавшимся в северокавказских «конъюнктурах» служилым казакам с Дона, составлявшим Терско-Семейное войско» [31].

За «верную службу» кизлярские казаки получали высокое денежное жалованье. Оно было дифференцированным: майорам войска платили 186–200 рублей, ротмистрам и мурзам 30–50 рублей, дворянам 20–30 рублей, есаулам, сотникам, хорунжим и писарям 15–20 рублей. Рядовым казакам «по новокрещенному списку» выплачивали 12–14 рублей, казакам «окоченного списка» 12–17 рублей и, наконец, терским казакам «ста человекам» всем одинаково по 12 рублей [32].

За свою службу, помимо жалованья и провиантского пайка, терско-кизлярские казаки получали право пользования земельными угодьями и рыбными промыслами в устье реки Терек и в Каспийском море [33].

Таким образом, российская администрация в 30-е гг. XVIII в. создала на Северном Кавказе принципиально новую казачью структуру – Терско-Кизлярское войско, ядро которого составили выходцы из северокавказских народов. Тем самым государство использовало самих горцев при проведении «кавказской политики».

Терско-Семейное войско, чей численный состав в

1736 г. едва достигал 826 человек обоего пола [34], после переселения на Терек основало на отведенных для поселения местах три станицы: Бороздинскую, названную по бывшим вблизи станицы лощинам; Дубовскую – по огромному дубу, росшему на том месте, и Каргалинскую – по реке Каргинке [35]. Поселения стояли на землях, совершенно непригодных для земледелия, и поэтому здесь казаки стали заниматься разведением скота, огородничеством и виноградарством. Во главе войска стоял выборный войсковой атаман, которому подчинялись войсковой старшина, дьяк, есаул и знаменщик. Помимо этого, в каждой станице ежегодно выбирались атаманы и станичное правление.

Настоящим бедствием для терских семейных казаков стали частые пожары, в результате которых в 1742 г. сгорела станица Каргалинская, а в 1744 г. Бороздинская. Желая как-то смягчить ситуацию и улучшить положение Терско-Семейного войска, российская администрация приняла решение о повышении денежного жалованья казакам. Войсковому атаману выдавалось 30 рублей, есаулу – 20, писарю – 19, знаменщику – 18, станичным атаманам – по 17, есаулам – по 16, сотникам – по 15, писарям – по 14, хорунжим – по 13, рядовым казакам – по 12 рублей [36]. Повышение жалованья не улучшило положения казаков, да к тому же привело к трениям и неприязни со стороны соседей – гребенских казаков, выполнявших те же службы, но получавших за них в два раза меньше – по 6 рублей [37].

Для улучшения материального положения в Терско-Семейном войске и дабы пресечь попытки побегов казаков на Дон и Кубань, царское правительство предприняло ряд мер. Во-первых, казакам разрешено было ловить рыбу и продавать ее в Кизляре и Астрахани. Во-вторых, казаков наделили пашенными землями по обе стороны реки Терек.

Самой многочисленной и наиболее боеспособной силой в регионе по-прежнему оставалось Гребенское войско, которое сохраняло многие казачьи привилегии, оставаясь при этом относительно независимым от государственной власти.

Согласно спискам, ежегодно направляемым в Военную коллегия для выплаты гребенским казакам денежного жалованья, их численность колебалась от 450 до 500 человек [38]. В действительности Гребенское войско порой достигало 2000 человек. В 1744 г. войсковой

атаман докладывал: «если потребно будет..., то они без труда, способны к войне, могут тысячу пятьсот человек и до двутысяч собрать, и хотя онаго числа из описи их не видно» [39].

Гребенские казаки не скрывали тот факт, что в их станицах живут беглые люди, а также то, что «много по лесам в горах и по степям гулебщиков находится, которых они в нужде призвать могут» [40]. Правительство было вынуждено смириться с этим явлением, и единственное, что оно могло сделать – это ограничить Гребенское войско в денежном жалованье.

Гребенцы получали денежное довольствие в среднем в два раза меньше по сравнению с другими казачьими войсками, и это касалось как рядовых казаков, так и войсковых старшин. Так, войсковым старшинам Гребенского войска Военная коллегия выделяла на всех 70 рублей денежного жалованья, в то время как в Терско-Семейном войске только войсковой атаман ежегодно получал 60 рублей денежного жалованья [41].

Ущемляя гребенских казаков в денежном жалованье, российская администрация тем самым проводила традиционную свою политику «разделяй и властвуй» в отношении казачества на Северном Кавказе, разобщая и противопоставляя казачьи войска друг другу. Но подобными мерами подчинить Гребенское войско правительству не удалось. Гребенские казаки ощущали себя коренными жителями, а Кавказ, не входивший еще в состав Российской империи, рассматривали как свою Родину. К тому же у гребенцов в течение столетий сложилась хозяйственная структура со своими отличительными чертами и особенностями, что позволяло им существовать автономно, не завися от царского жалованья.

Выход из сложившейся ситуации правительство видело в объединении Терско-Семейного и Гребенского войск. Другими словами, правительство вновь обратилось к методам, которые оно уже использовало в 20-е гг. XVIII в., когда создавало Аграханское войско. Тогда эта попытка оказалась безуспешной. В новых условиях государство использовало для реализации своих планов Терско-Семейное казачество. «Подобными мерами, – пишет С. А. Козлов, – российская администрация хотела разрешить сразу две задачи – с одной стороны, постепенно подчинить своей власти гребенцов, а с другой, – повысить боеспособность Терско-Семейного

войска, которое не справлялось с возложенными на него службами и все более становилось обузой для государственной казны» [42].

По указу императрицы Елизаветы Петровны, для усиления военной и административной власти на местах, было велено объединить Гребенское войско с Терско-Семейным. Это повеление было узаконено Указом Военной коллегии от 6 июня 1745 г., где астраханскому губернатору предписывалось соединить «Семейное казачье войско с Гребенским в одно ведомство и впредь именовать их одним званием – гребенскими казаками» [43]. Обязательными при этом стали выборы в присутствии кизлярского коменданта должностных казачьих лиц на неограниченный срок, чего ранее не практиковалось. По-видимому, российская администрация не надеялась, что объединение казачьих войск пройдет без волнений и протестов со стороны казаков.

Однако все опасения царской администрации оказались напрасными: и гребенцы, и терские семейные казаки спокойно восприняли весть о слиянии их войск. 20 ноября 1745 г. на объединенном Войсковом круге первым несменяемым атаманом был избран Иван Борисов из гребенских казаков [44]. Войсковой атаман наделялся неограниченными полномочиями, что было закреплено в царской грамоте, направленной объединенному Гребенскому войску 10 июня 1748 г. В ней, в частности, отмечалось: «как старшины, так и казаки... настоящему войсковому атаману, во всяких случающихся, по интересной надобности делах, нарядах и исправлениях были бы послушны, и исполнение чинили без всякого прекословения...» [45].

На войскового атамана возлагалась также обязанность «всех старшин и казаков содержать в надлежащей команде и в строгом смирении, и самому вершить над ними суд, хотя и при участии казачьего круга». Лишь о «важных» делах, затрагивавших государственные интересы, войсковой атаман обязан был доносить в Военную коллегию [46].

Отныне казаки становились независимыми от кизлярского коменданта, которому предписывалось «от сего времени ни в какие собственные их казачьи дела не вступаться, чтоб в том от оногo войска жалоб происходить не могло...» [47]. Правительство пошло на сохранение казачьих вольностей, будучи уверенным, что усиление власти войскового атамана позволит обуздать

казачью стихию без вмешательства извне. Войсковой атаман, получивший из рук государства неограниченные полномочия, объективно должен был выполнять его волю.

В объединенном Гребенском войске в 1747 г. насчитывалось 906 человек, из них 48 старшин и 858 человек [48]. Но, объединив два войска организационно, власти не спешили уравнивать их в выплате жалованья, ущемляя, как и прежде, гребенских казаков. В «рописи», составленной Военной коллегией в 1747 г., денежное жалование в Гребенском войске распределялось следующим образом: «войсковым атаману одному – 30 рублей, станичным трем ... каждому по 24 рубля, есаулам – по 20 рублей, писарю одному – 19 рублей, знаменщику одному – 18 рублей, станичным атаманам восьми ж – по 17 рублей, есаулам восьми – по 16 рублей, сотникам восьми ж – по 13 рублей, а рядовым казакам как бывшего Семейного..., так и Гребенскаго войска по прежним окладам, какие кто получал» [49]. Все это вызывало недовольство в среде гребенских казаков.

В свою очередь войсковой атаман Иван Борисов, будучи из гребенских казаков, использовал свои неограниченные полномочия для притеснения терско-семейных казаков. Постоянно нарушая очередность в службах, он бесцеремонно направлял терцев в наряды и вмешивался в их хозяйственную жизнь.

Терско-семейные казаки в своих челобитных, направляемых астраханскому губернатору, в Военную коллегию и Сенат, просили защитить их от произвола войскового атамана. Началось следствие, в ходе которого раскрылись все новые факты произвола войскового атамана. Однако 17 декабря 1751 г. Иван Борисов скоропостижно умер. Смерть войскового атамана приостановила следствие, но она не могла разрешить противоречия внутри войсковой организации. Наоборот, выборы нового атамана лишь обострили борьбу за главенство в войске, которая с новой силой разгорелась между гребенскими и терско-семейными казаками. Так, избранный на внеочередном войсковом кругу из гребенских казаков сроком на один год, войсковой атаман Лукьян Борисов не был признан терско-семейными казаками.

Не стабилизировало обстановку внутри войска и уравнение казаков в жалование. Как следовало из «государева» указа: «гребенским рядовым казакам за их многия службы денежное и хлебное жалование с 1750 г.

производить надлежит, какое прежде именовавшиеся семейные терские казаки получают, чтобы впредь жалоб происходить не могло» [50]. По-новому «рописанию» Военной коллегии, с 1751 г. все казаки объединенного войска получали жалованье: «денежного – по 12 рублей, муки и овса – по 6 четвертей, соли – по пуду по 8 фунтов...» [51].

Не помогла и взятая Военной коллегией с войскового атамана Лукьяна Борисова подписка о том, чтоб «бывшаго Семейного войска старшинам и казакам обид, налогов и никаких напрасных приметок не чинил...» [52]. Но власти не учли одного – амбиции Лукьяна Борисова постоянно росли. Его не устраивало атаманство на годичный срок и он добивался избрания «навечно», не останавливаясь ни перед какими преградами. Так, войсковой атаман направил «отписку» кизлярскому коменданту Л. И. Дебеугобрию, в которой утверждалось, что якобы «при собрании полного войскового круга с общего старшин и казаков согласия он, Лукьян Борисов, в вечные атаманы выбран». Кроме того, он написал донос в Военную коллегию на своего соперника старшину Ивана Иванова, обвиняя его в растрате войсковой казны, а также в «прелюбодеянии» [53].

Незаконные действия войскового атамана встретили отпор в казачьей среде, и, объединившись, старшины Татаринцов и Ковалев, есаулы Петров и Иванов направили жалобу на него, требуя «учинить достойную удовлетворению сатисфакцию». Следствие показало, что эта отписка об единодушном избрании Лукьяна Борисова в пожизненные атаманы является обычным подлогом. Была установлена и полная лживость обвинений в адрес старшины Ивана Иванова. Решение Военной коллегии последовало незамедлительно: «за его (Лукьяна Борисова) непорядки от атаманства вовсе отрешить, а вместо него в правление того войска, впредь до указа, определить наказным атаманом войскового старшину Ивана Иванова» [54].

Результаты следствия окончательно убедили власти в неразрешимости противоречий, возникших между терско-семейными и гребенскими казаками. Слишком яростным было их противостояние и слишком большим оказалось стремление к обособленности друг от друга. Как впоследствии писал исследователь Терского казачества В. А. Потто, «упущено было из виду то, что между гребенцами, стародавними обитателями Кавказа, и

агроханцами, переселенными с Дона, не было никакой внутренней связи ни по характеру, ни по духу самого населения. Поэтому объединение этих войск не принесло тех результатов, которых от нее ожидали. Войска соединились так сказать механически, но общей нравственной спайки между ними не было. Каждое из них продолжало жить своей особой жизнью, хотя они и носили одно общее имя Гребенского войска» [55]. После длительного обсуждения в Сенате (11 ноября 1754 г.), в Военную коллегию был направлен Указ следующего содержания: «разъединить оба войска и каждому из них быть, по прежнему, самостоятельными и именоваться: одним – старинным званием – Гребенскими, а другим – Терско-Семейными» [56].

Так неудачно закончилась вторая попытка государства подчинить своей власти гребенских казаков за счет слияния их со служилыми казаками, переселившимися с Дона. Старейшему на Северном Кавказе Гребенскому войску на протяжении первой половины XVIII в. удалось отстаивать и сохранять внутреннее самоуправление и многие вольности. Правда, ненадолго.

Таким образом, к середине XVIII в. по Тереку существовало три самостоятельных казачьих войска: Терско-Кизлярское, Терско-Семейное и Гребенское.

Глава III

КАЗАЧЕСТВО ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА

1. Образование Моздока и переселение волжских и донских казаков

Казачье население Северного Кавказа складывалось на протяжении длительного времени в различных социально-экономических условиях. Отдельные группы казаков на Северо-Восточном Кавказе, известные в письменных источниках с XVI в., формировались преимущественно из рязанских, волжских и донских казаков, а также из беглых крепостных, давших начало Гребенскому казачеству. Причины и обстоятельства появления казачества на Северном Кавказе различны. Различен также характер такого рода переселений, разделяющихся на две группы: 1) стихийные миграции, при которых переселялись преимущественно небольшими по числен-

ности группами семьи или одиночки; 2) движения, направлявшиеся и осуществлявшиеся государством.

Для Восточного Кавказа такого рода миграции в значительных масштабах происходили уже с первой четверти XVIII в., а для Центрального Кавказа со второй половины того же века.

До вступления на престол Екатерины II положение России на Северном Кавказе было далеко непрочным. Историк Терского казачества В. А. Потто писал: «В последние двадцать лет после кончины Анны Ивановны все действия русских на Кавказе ограничились исключительно защитой Терской линии. И в Петербурге мало интересовались тем, что происходит на этой отдаленной границе, оберегаемой гребенскими, кизлярскими и терско-семейными казаками» [1]. По восшествии на престол Екатерина II приказала генерал-майору Потапову, бывшему тогда комендантом в Кизляре, «укрепить на Тереке урочище Моздок» [2]. Поводом к этому послужили следующие обстоятельства.

Во второй половине XVIII в. заметно усилилась тенденция некоторых горских народов к установлению более тесных связей с Россией и переселению их на равнину. Так, сообщая о причинах, побуждавших осетин обращаться к Российскому правительству с просьбой о переселении их на равнину, тагаурские старшины писали, что они живут «внутри гор тесно и неисправно. Поэтому они просили отвести им место «близ тех же гор», где они живут, между двумя реками, «едуци из Кизляра Тартупа в Осетию в левой стороне» [3].

Одновременно к русскому правительству обратились и кабардинские владельцы, просившие разрешения на поселение около «Теплого колодца» в 5–6 километрах от станции Червленной на правом берегу Терека.

Эти кабардинцы, – говорилось в прошении, поданном в Коллегию Иностранных Дел полковником Арсланбеком Шейдяковым, – имеют у себя подвластных 500 человек «... жительство имеют за Терекком между гор от Червленной расстоянием 150 верст, а с Большой Кабардою никакого они дела не имеют, и живут особо по своей воле» [4].

Движение, вызванное стремлением переселиться на Российские пограничные равнины, наблюдается также в Дигории и Ингушетии.

Российское правительство, безусловно, понимало необходимость поддержания кабардинцев, ингушей и

осетин в их желании поселиться на равнине. В то же время международная обстановка не позволила России заняться открытым переселением горцев. В эти годы еще был в силе Белградский мирный договор (1739), и только в 1753 г. Коллегия иностранных дел предписала кизлярскому коменданту, в секретном порядке, разведать местность «между реки Терека и устья речки Курпы», удобное ли «оное к обитанию и построению крепостцы» [5].

В конце 1753 г. посланный из Кизляра инженер – капитан-поручик Деколонг «со знающим то место гребенским казаком» представил доклад, в котором он сообщил, что «вверх помянутого места, промеж рек Черной и Терека, имеется способное место для строения крепости или ретраншемента, по обеим сторонам устья реки Курпа, которое имеет быть для закрытия от Кубанской стороны и от набегов горских татар, а для закрытия куманикацы до Червленого городка подлежит на удобных местах по берегу реки Терека построить редуты» [6]. Доношение Декалонга завершило, по сути дела, процесс подготовки к переселению горцев на равнину и предредило вопрос о строительстве российской крепости на границе с Кабардой. Однако произошло непредвиденное обстоятельство, а именно, осложнение русско-турецких отношений из-за Польши, которые вынудили Россию временно отказаться от задуманного плана и перенести строительство на более поздний срок. В дальнейшем решение этого вопроса было ускорено, и, как писал П. Г. Бутков, «главнейший к сему повод подали некоторые владельцы Малой Кабарды» [7].

В августе 1759 г. владелец Малой Кабарды Кургоко Кончокин прибыл в Кизляр, где принял православное крещение, получив имя Андрей Иванович Кончокин-Черкасский. После совершения таинства крещения 26 ноября 1759 г. Кургоко Кончокин в письме на имя кизлярского коменданта просил направить его «ко двору ее императорского величества и, когда оттуда возвращусь, то бы для жительства мне с показанными желающими креститься, месте между Моздока и Мекеня по сю сторону реки Терка» [8]. Коллегия иностранных дел разрешила выезд Кургоко Кончокину в Петербург, и 25 июня 1760 г. он, в сопровождении трех узденей и одного служителя, выехал из Кизляра в российскую столицу. В Петербурге его тепло встретили и обещали удовлетворить все его просьбы. Однако ему пришлось

задержаться в столице, где он пережил смерть Елизаветы Петровны, свержение Петра III и воцарение Екатерины II, и только в 1762 г. по поручению сената Коллегия иностранных дел подготовила доклад «по прошению крещенного Малой Кабарды владельца Кургоки Кончокина» [9].

На основании этого доклада сенат разрешал Кургоко Кончокину занять под «поселение ... место на Моздоке или на Мекене или ин-де где в тамошней стороне, по усмотрению кизлярского коменданта и по соглашению с ним, владельцем, причем запотребно быть видитца, построить тут современем, когда какое-нибудь начало здедаецца, к переселению его и крепость небольшую, имянуя по урочищу, при котором заложена будет, а в ней церковь и для владельца хоромы. В той же крепости при церкви быть может и архимандрит Пахомий с духовными персонами, езда оттуда и в горы по времянем.

Сверх же того, можно позволить для усиления Кизлярского краю о поселении и всякой нации людей, т.е. чеченцев, кумык и других из горских народов и нагайцов, креститься желающих, поручая введение одного ж владельца; а для размножения шелку и мануфактур, о дозволении селитца и всех христианских наций людям, как-то грузинцам, армянам и другим, находящимся за границами Российской Империи, располагая их селении по реке Терку между новой крепости и гребенского казачьего Червленого городка; и каждой нации особливими слободами, давая волю в строении церквей для отправления службы божией каждому по своему закону, а магометан не селить» [10]. Для поощрения горских переселенцев Сенат установил вознаграждение: «... помянутого крещенного владельца Андрея Иванова (Кончокина) наградить чином подполковника и позволить писаться князем Черкасским-Кончокиным с производением ему жалованья такого, какое в рассуждении по пребыванию его в разных местах назначено к ... службе привести к присяге и отпустить в дом его, удовольствовав при отпуске дачею, а именно ему, владельцу, — 500 рублей, узденям его, креститься желающим, по 40, а не желающим — по 30 рублев.

Да сверх того, для лучшего поощрения на предыдущее время, к поселению в здешнюю сторону помянутых народов, также и кабардинцев, подвластных означенному кабардинскому владельцу Кургоке Кончокину, и других, которые креститься пожелают, давать им при

первом случае единожды из казны из кизлярских доходов, а в случае оных недостатка и из астраханских, так как на нужное и со временем существенную пользу приносящее дело старшинам и узденям единожды по десяти, а рядовым – по пяти рублей на семью; а холостым, против того, вполь (половину)» [11].

Комендантом будущей крепости Сенат назначил подполковника Петра Ивановича Гака, поручив ему одновременно вести агитацию среди горцев и приглашать их на поселение в Моздок. С этой целью ему предлагалось «по каким-либо причинам, прежде того, в Малую Кабарду съездить, можно не однажды, заводя не только с подвластными сему владельцу людьми, но и с прочими тамошними жителями беседу, и искусным образом внушать им «преимущества христианской веры, и о приобретенных при таком их переселении выгодах» [12].

Перед отъездом из Петербурга Кургоко Кончокин был призван, с находившейся при нем Коллегией иностранных дел, в публичную экспедицию и «учтено ему объявление в присутствии господ членов оной экспедиции, также к присяге он приведен 17 декабря 1762 г.» [13]. После принятия присяги Кургоко Кончокин покинул столицу и 9 апреля 1763 г. возвратился в Кизляр. В беседе с кизлярским комендантом генералом Ступишиным Кургоко Кончокин заявил о своем желании начать строительство Моздокского поселения сразу же после возвращения в Малую Кабарду. Однако Ступишин отложил начало строительства до приезда подполковника П. И. Гака и назначил встречу в урочище Моздок на 1 мая 1763 г., после чего он отпустил Кургоко Кончокина к семье и одновременно сообщил в Астрахань подполковнику Гаку о предполагаемой поездке в Моздок. «Для чего, – писал Ступишин Гаку, – и оказия сия едино только для вашего сюда поспешного прибытия сделана... И ежели Ваш приезд к первому числу мая не устроить, то я несколько дней еще в Червленом казачьем городке Вас обожду» [13].

По прибытии в урочище Моздок генерал Ступишин осмотрел прилегающую местность, леса, пастбища, состояние берегов и наличие возможных переправ через Терек, и здесь же составил план строительства будущего города. Позднее в своем распоряжении полковнику Дебольцбергу генерал Ступишин предлагал Гаку и Кургоко Кончокину начать строительство города «на осмотренном мною способном месте».

14 июня астраханский губернатор известил кизлярского коменданта о выезде подполковника П. И. Гака «из Астрахани в Кизляр к порученному ему делу... и для препровождении его туда, дано ему в конвой, из назначенного к отправлению из Астрахани Царицынского полка, солдат с оружием шесть человек, и выдано ему в дорогу провианта на полмесяца» [15]. Из Кизляра Гак выехал в урочище Моздок и, как сообщает в отчетной ведомости о расходе на строительство Моздокской крепости кизлярский комендант генерал-майор Потапов, 5 июля 1763 г. он начал строительство Моздока [16].

Как известно из источников, первыми строителями крепости были русские солдаты: они строили казармы, магазины, гостиный двор, возводили крепостную стену. Кургоко Кончокин находился в это время в Кабарде, и положение его, по-видимому, оставалось тяжелым. Так, 8 июля по распоряжению Гака секунд-майор Ярцев отправил «для охранения крещеного подполковника Андрея Кончокина ... в Малую Кабарду ... при одном старшине казаков двадцать человек» [17]. По требованию Гака в Моздок прибыла строительная команда «в числе урядника одного, рядовых тридцать, в том числе колесников – четыре, плотников – четыре, каменщиков – два, бондарей – два, портных – два человека» [18]. Для обеспечения этой команды строительным инструментом в Моздок доставили собранные в Кизляре «сорок топоров, десять лопат железных и 20 казачьих лопат малых, кос сенокосных шестьдесят шесть ..., и прочие требуемы инструменты, – сообщили Гаку из военной канцелярии, – все здесь вскоре исправить велено, чего ради благоволите из команды вашего высокоблагородия для свозу, по делании тех инструментов, оставить по рассмотрению вашего, что все по делании без замедления исполнено будет» [19].

Для охраны лагеря в распоряжение подполковника Гака прикомандировали «по ордеру его превосходительства господина генерал-майора и бывшего здесь комендантом Ступишина», Симбирского полка секунд-майора Ярцева с командою, которая состояла из одного обер-офицера, трех унтер-офицеров, двух капралов, одного ротного писаря, одного барабанщика, двести солдат и сорок казаков Терско-Семейного и Гребенского войск. Кроме того, 21 июля по приказу кизлярского коменданта Ангетерского форпоста дворянин Киреев покинул пост и перешел в Моздок для усиления состоящего там гарнизона» [20].

Само же заселение Моздока производилось за счет местных переселенцев независимо от того, где они проживали – в горских ли обществах или же на территории Российского государства. В объявленном приглашении говорилось, что в Моздоке на постоянное местожительство приглашаются «осетины, киштынцы и кабардинцы, а также всякой нации люди, как то: чеченцы, кумыки и другие горцы, нагайцы, желающие принять святое крещение, а притом и христианской науки люди, как то грузинцы и армяне, кроме русских» [21]. Для поощрения горских выходцев, а также с целью подъема и развития сельского хозяйства и торговли Коллегия иностранных дел утвердила следующую инструкцию «О таможенных привилегиях для горских народов, поселенных при Моздоке». По данной инструкции местные жители, поселившиеся в Моздоке, получали широкие права для беспошлинной торговли и производства шелка и хлопчатобумажной мануфактуры. Поселенцам разрешалось: «Всякой хлеб и фрукты из гор и отсюда взаимно в горы пропускать беспошлинно... Собственных лошадей и всякой рогатый скот в Кизляре и гребенских городках продавать и менять беспошлинно... И для того все, что не предписанного, будучи в переселении в границах ими сделано, будет продавать, и менять в Кизляре и гребенских городках беспошлинно... Когда же пожелают с теми своими товарами и вещами ехать в прежние свои жилища, в Кабарду, Кумыки и другие горские места, в том дать им волю, а привозимые оттуда товары, ежели оные между собой похотят продавать, пошлину не брать... Грузины и армяне, которые вышедшие из-за границы, здесь поселятся, и размножать шелк и хлопчатую бумагу к заведению разных мануфактур, те по силе состоявшегося прошлого 1762 г. июля 31 и 1763-го июля ж 25 высочайших манифестов имеют быть ото всех податей и налогов освобождены, и остатца на положенное время на таком основании, как в тех манифестах высочайше конферновано» [22]. «А когда сей дикий народ, – говорилось далее в «Инструкции», – несколько к новому сему переселению привыкнет, то и обыкновенную пошлину собирать от них не невозможно будет» [23]. Одновременно поселенцы получали «земли для пашен и садов, по обширности здешнего места... сколько потребно», хотя в дальнейшем администрация отказалась от практики вольного надела и в 1767 г. произвела раздел земли, по которому «пашенная, сенокосная и огород-

ные места всем размежеваны по нациям, и, для домово́й потребности, в лесе, во всех сторонах особливые засеки отведены» [24].

Прибывающие на поселение горцы, беглые люди с семьями и холостые селились, как правило, отдельными слободами, придерживаясь национального признака (кабардинцы, осетины, грузины, армяне и др.), совершенно не соблюдая порядка застройки. Многие жилые дома, будь то хаты или сакли, ставились в бессистемной связи друг с другом, и каждый, пользуясь правом первого поселенца, выбирал себе место наиболее удобное, оставляя худшие участки своим согражданам, которые прибывали позднее. Улицы были узкими и кривыми и подчас на них не могли разъехаться две повозки. Такая застройка города заметно выделяла Моздок из среды других городов России, и облик его долгое время оставался каким-то «старомодным» и внешне непривлекательным и только в середине XX в., с появлением новых жилых и служебных построек, он начал принимать вид вполне современного города.

Широкая практика «открытых дверей», не делавшая исключения и «для подлых людей», т.е. холопов, позволила создать из числа переселенцев в 1765 г. Моздокскую горскую казачью команду, имевшую по штату: ротмистров – 1, сотников – 1, есаулов – 1, хорунжих – 1 и рядовых казаков – 100. Кроме этого состава, в штат команды вводились без должности 1 подполковник и 1 майор. За особые заслуги, оказанные российскому правительству, разрешалось иметь сверх штата вакантные должности: есаулов – 1, хорунжих – 1 и казаков – 22, с выплатой им жалованья, независимо от того, проживали ли они в Моздоке или же оставались на прежнем местожительстве, есаулу и хорунжему – по 15 рублей, муки – по 6 четвертей, овса – по 4 четверти; казакам по 10 рублей, муки по 6 четвертей и овса – по 4 четверти [25]. Командование горской казачьей командой возложено было на находящегося в Моздоке подполковника, крещеного кабардинского князя Андрея Кончокина-Черкасского, при прежнем жалованье 500 рублей.

Строительство Моздока, а, следовательно, и связанные с этим случаи бегства кабальных людей, всколыхнуло владельцев Большой Кабарды, начавших непосильную борьбу с Россией [26]. В переговорах с представителями царского правительства они непременно требовали ликвидации Моздока, в противном случае

угрожали начать войну. Для предотвращения военного конфликта царское правительство в декабре 1763 г. направило в Кабарду ротмистра Мещерякова. Он на собрании кабардинских владельцев решительно заявил, что «они урочище Моздок к своим местам причитают несправедливо, ибо оно точно российское». В то же время Мещеряков указал на выгоды, которые получает Кабарда в связи с возведением Моздокской крепости, во-первых, уверял Мещеряков, в Моздоке разрешено селиться только крещеным, и «никто некрещеный при том жить равно и беглые от них люди не допустятся»; во-вторых, какого-либо утеснения или опасности им ожидать со стороны России «не следует, и иметь того не могут, и, в-третьих, российское правительство берет на себя обязательство постоянно и надежно защищать Кабарду от посягательства Турции и крымского хана. Но раздраженные владельцы отказались принять условия, изложенные ротмистром Мещеряковым, и решили послать свою депутацию в Петербург. А, «будя же на сие их прошение удовольствия не получают, – заявили они с угрозой, – то будут рассуждать о себе иное и не минуют отдаться в послушание хана крымского» [27]. Депутатами в Петербург они избрали князя Кайтуко Кайсинова и одного из знатных узденей Шабаз-Гирея Куденетова.

В Петербурге депутаты потребовали срытия Моздока, выплаты денег за бежавших крестьян и холопов, а также уменьшения пошлин, взимаемых с товаров, привозимых для продажи в Кизляр. Царское правительство удовлетворило только последнее требование: оно обещало снизить пошлины на товары, привозимые в Кизляр. Что же касается первых двух требований, то в этом им категорически было отказано. Причем депутатам довольно твердо разъяснили, что требования владельцев Большой Кабарды признаются необоснованными и несостоятельными, а потому строительство Моздока будет продолжаться. Что же касается их ссылок на пользование этой землей в прошлом, то им опять-таки разъяснили, что пользование этими пастбищами и лесами, где земля принадлежит России, разрешалось им исключительно по доброте российского правительства. А так как земля, на которой основан Моздок, не принадлежит кабардинским владельцам, то, следовательно, и утеснения им «нет никакого от одного селения». Пытаясь несколько сгладить впечатление от отказа, российское правитель-

ство вручило депутатам 3000 рублей для раздачи кабардинским владельцам, якобы за участие в походе против чеченцев в 1757 г. Но владельцы отказались принять эти деньги и взялись за оружие, чтобы силой отстоять свое право на владение Моздоком.

Владельцы Большой Кабарды, готовясь к войне против России, решили заручиться поддержкой крымского хана, и с этой целью они направили к нему своих представителей. Но крымский хан, этот постоянный враг Кабарды, и на этот раз остался верен себе. Он потребовал от кабардинцев, пользуясь их безысходным положением, по одному сыну от каждого владельца в аманаты, да за двух убитых «салтанов тысячу пятьсот ясырей, да за Дударуку-бека еще по одному ясырю со двора. Только потом он – хан о Моздоке, об их аманатах и о своем вышеписанном их кабардинском деле стараться будет, а ежели не дадут, то никакого дела с ними, кабардинцами, иметь не будет» [28]. Ясно, что эти условия не были приняты, и кабардинские владельцы, для умножения своих сил, пошли на союз с закубанскими татарами.

В конце 1763 г. на пути в Астрахань, в урочище Алабуге, большой купеческий караван, шедший под защитой российского флага, неожиданно подвергся нападению, а вскоре стало известно, что караван разграблен, а сопровождавшие его лица убиты. Подозрение пало на кабардинцев, и российское командование истолковало этот акт как открытый вызов, брошенный России, и тотчас же приступило к укреплению всей линии от Кизляра и до Моздока. Подполковнику Гаку предлагалось в самый короткий срок окопать город рвом, в том числе и посад, установить дополнительные наряды пушек и готовиться, на случай войны, к обороне. «Крещеным калмыкам», кочевавшим между реками Терек и Кумой, предписано было быть у стен Моздока, а в помощь драгунской команде, которая находилась в Моздоке, из Астрахани перевели один гарнизонный батальон и доставили 40 пушек [29]. Все работы, не связанные с укреплением города, приказано было прекратить, отложив «ненужные работы до удобнейшего времени» [30]. «Однако, – пишет В. А. Потто, – подполковник Гак принялся за дело с такой энергией, что к 1765 г. успел перестроить Моздок в значительную крепость, а форштадт, где жили крещеные горцы, окопал валом. Сюда же стали переселяться из Кизляра армяне и грузины с чисто коммерческими целями, и скоро население его достигло

таких размеров, что в 1765 г. моздокское поселение переименовано было в город» [31].

Население Моздока стало быстро расти. По переписи 12 сентября 1777 г., в городе уже проживало: греков – 21, осетин – 95, кабардинцев – 180, армян – 565 и грузин – 674 человека обоого пола [32]. В 1785 г. «по открытии Кавказского наместничества» Моздок был назван уездным городом со всеми присущими городу функциями» [33].

К 1765 г. остро встал вопрос об усилении Линии между Моздоком и старыми гребенскими станицами. Так, указом на имя графа Панина от 2 июля 1765 г. предлагалось переселить с Волги 517 семей волжских казаков и расселить их между Моздоком и станицей Червленной пятью станицами – «равными далями» [34]. Переселенцы основали станицы: Галюгаевскую, Ищерскую, Наурскую, Микенскую и Калиновскую и по предписанию Коллегии иностранных дел из них составили Моздокский казачий полк, командовать которым назначили не атамана, как было заведено в казачьей среде, а армейского полковника, переданного в подчинение Моздокскому коменданту [35].

Переселенцам отводили земли столько же, сколько они имели на Волге, они получали «свободы и вольности, которыми пользуются семейные и терские казаки», а на обзаведение и на переселение им выдавали из казны по 12 рублей, «да на содержание их в первый год муки – по 6, овса – по 3 четверти, круп – по 3 четверти» [36].

Для охраны вновь основанных станиц во время походов и для действия станичной артиллерии (каждая станица была снабжена четырьмя трехфунтовыми* пушками) было дополнительно переселено по 50 семей донских казаков в каждую станицу. Донским казакам, как и волжским, нарезалась земля на равных основаниях, выдавались ружья, порох и свинец, но верховых лошадей иметь не полагалось. В дальнейшем артиллеристы комплектовались исключительно за счет казаков и их детей, «к езде уже неспособных», а самих донских переселенцев включили в штатное расписание Моздокского казачьего полка, и они выполняли службу наравне с остальными казаками. Одновременно с Дона для обслуживания моздокской крепостной артиллерии переселили еще 100 семей донских казаков, основавших в 1770 г. на окраине Моздока станицу Луковскую [37].

*Русский артиллерийский фунт равен 494 граммам.

С переселением на Терек волжские казаки по-прежнему занимались земледелием и скотоводством, но заметное место в их хозяйстве начинает занимать виноградарство и овощеводство. Этому способствовали земельные угодья, которые ближе к Тереку, начиная от станицы Ищерской, «для хлебопашества, и для сенокосу» были пригодными, «но далее в степь или так называемые буруны, больше песчаные» [38], и их использование возможно было только с искусственным орошением. Однако повседневная тяжелая служба отнимала казаков от занятия домашним хозяйством, и вся тяжесть полевой работы ложилась на плечи стариков, женщин и подростков. Это, безусловно, подрывало основы хозяйства, разоряло маломощные семейства, существовавшие только на царском жалованье, усиливало социальное и политическое неравенство. Особенно тяжелое положение сложилось в первые годы после переселения, когда нужно было ставить жилье, готовить землю к будущему урожаю и в то же время нести службу по охране границ. Многие казаки окончательно разорались, лишены средств производства и возможности вести самостоятельно хозяйство, оставляли службу и возвращались на Волгу или Дон [39].

После поражения крестьянского восстания под предводительством Е. И. Пугачева (1773–1775), царское правительство начало проявлять особый интерес к освоению и захвату южных плодородных земель, особенно в Северном Причерноморье и в Приазовье [40]. Осуществлению этих планов способствовали и внешнеполитические успехи России. По Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. Россия добилась провозглашения независимости от Турции Крымского ханства, юридического присоединения Кабарды, а также «по соседству с кубанскими владениями крымского хана Россия имела теперь обширную область, простирающуюся между реками Доном и Еей» [41].

В 1777 г. князь Г. А. Потемкин представил императрице Екатерине II докладную записку с контрастным планом колонизации Северного Кавказа и Предкавказских степей. По этому плану предполагалось сомкнуть линию от Азова и до Моздока путем строительства по этой линии укреплений и заселения их новыми поселенцами-казаками. С осуществлением этого плана, – утверждал Г. А. Потемкин, – России представится возможность отделить «разного звания горских народов ... от

тех мест, коим нашим подданным пользоваться следует; положением же мест своих подает способ учредить виноградные, шелковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, сады и хлебопашество... Сверх того, открывает способ войти в тамошние горы и жилища осетинские, и со временем пользоваться их рудами и минералами» [42]. По поручению Потемкина генерал Якоби совместно с подполковником Генерального штаба Германом осмотрели предполагаемую Линию, условно названную Азово-Моздокской, и представили проект ее заселения. Эта Линия должна была пройти от Моздока по рекам: Малка, Кура, Золка, Подкумок, Карамык и Калаусу и далее по землям Войска Донского, через крепость Святого Дмитрия (впоследствии город Ростов-на-Дону) и до Азова. Линия эта, по проекту генерала Якоби, «должна была заключать в себе десять крепостей или, правильнее, укрепленных селений, с промежуточными между ними редутами» [43]. Исследования, составленные Якоби и Германом, дали Потемкину обширный материал для доклада императрице Екатерине II.

24 апреля 1777 г. Екатерина II утвердила Проект Потемкина, и летом того же года силами солдат и казаков начались строительные работы по всей Линии. Для заселения свободных земель к западу от Моздока было решено переселить хоперских и оставшуюся часть волжских казаков. Решение перевести на новые места хоперских и волжских казаков Потемкин мотивировал тем, что хоперские городки находились всего в 27 верстах от донских станиц и, следовательно, в обороне края не имели существенного значения, а Волжское казачье войско «в нынешнем своем расположении бесполезно занимает внутренние границы с другими губерниями и, пользуясь исключительными привилегиями, вовсе не несет настоящей военной службы» [44]. Кроме того, желание переселить волжских казаков подальше от центральных губерний было вызвано тем, что они принимали активное участие в крестьянском восстании под предводительством Е. И. Пугачева в 1773–1775 гг. 6 июля 1777 г. первая колонна из 700 семей была отправлена на места нового поселения [45]. Казаки уходили с насиженных мест крайне неохотно, порой оказывали прямое сопротивление и, только принужденные силой, шли осваивать новые земли на далеком для них Северном Кавказе. Хотя были и такие, кому удалось уклониться от перехода на Кавказскую линию. Как писал В. А. Потто,

200 волжских казаков «остались на прежних местах, под видом немощных старцев, раскрыто это было только впоследствии, и все эти казаки, собранные в особую команду, причислены были к Астраханскому войску» [46]. Для расселения переселенцев, достигших предгорий Кавказа, было поставлено три станицы-крепости: Екатериноградская на реке Малка, Павловская на реке Подкумок и Александрийская на реке Кума. На северо-западе между реками Тамузловка и Егорлык в станицах Андреевской, Ставропольской, Московской, Северной и Донской разместили хоперский полк. В каждой станице поселено было по 100 семей. Им сохранили кое-какие старые привилегии, которые они принесли с собой, но в остальном они получили новую организацию по штату обычных регулярных войск.

Колонна волжских казаков из Царицына была направлена к Моздоку, но от урочища Моджар на Куме генерал Якоби приказал им двигаться прямо к урочищу Бештамак, которое находилось при слиянии Малки и Терека, и расселяться по станицам, получившим название при урочище Бештамак – Екатерининская, на реке Кура – Павловская, на реке Золка – Марьевская, у слияния Куры и Подкумка – Георгиевская и на реке Карамык – Андреевская [47]. В каждую из этих станиц поселено было по 100 казаков, что составило 500 человек, из числа которых был образован Волжский Казачий полк, штат которого окончательно утвержден был 2 июня 1781 г. Так, согласно штату полка, в нем значились: командир полка полковник – 1, 5 станичных атаманов и в каждой станице по 1 есаулу, сотнику и хорунжему; квартирмейстер – 1, полковой писарь – 1 и казаков – 514. Вместе со строевым составом полка переселилось тогда же 25 отставных старшин, 368 внутренне служащих казаков и 416 стариков и неспособных малолеток 3917 [48]. Таким образом, Волжский казачий полк имел не только нужный для несения кордонной службы численный состав, но и задел на будущее в лице подрастающего поколения.

Создание Кавказского наместничества в 1785 г., включившего Моздокский и Кизлярский уезды, поставило проживавших здесь казаков в двойственное подчинение военной и гражданской властям. Все отставные, не служащие казаки, женщины и малолетки были изъяты из подчинения военных властей и находились в ведении губернских или уездных учреждений. Граж-

данские власти также постепенно регламентировали права на землю, рыболовные угодья, добычу полезных ископаемых, продажу вина и прочее. Таким образом, правительство как бы разделило военную и гражданскую жизнь казачьих социумов, в которых подобных различий не наблюдалось.

В 1816 г. генерал Алексей Петрович Ермолов был назначен командиром Отдельного Грузинского (с 1820 г. Кавказского) корпуса и управляющим по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии. На этом посту ему предстояло пробыть до 1827 г. и положить начало фактическому вхождению Кавказа в состав России. Здесь судьба прочными узами связала его с кавказским казачеством, наряду с русской армией обеспечивавшим безопасность южных рубежей империи.

К моменту появления А. П. Ермолова в крае сложилась катастрофическая ситуация. В связи с нехваткой личного состава регулярных войск казаки испытывали невероятную нагрузку при охране границы на Кавказской линии. Гребенское, Терско-Семейное и Терско-Кизлярское войска, Кубанский, Кавказский, Хоперский, Волжский, Моздокский полки и Моздокская горская команда вынуждены были выставлять на службу ежегодно до 8550 человек. В связи с этим генерал Ермолов приложил немало сил и старания, чтобы увеличить число казачьего населения в крае. С момента основания Азово-Моздокской кордонной линии правительство стремилось укрепить этот стратегический рубеж, переселяя сюда как казаков, так и крестьян. Но беспокойная ситуация на границе делала казачью колонизацию более предпочтительной. Ревизовавший Кавказскую губернию в 1818 г. сенатор Д. Мертваго говорил, что «край граничит с народами, хищнически воинственными», а потому необходимо «границу укрепить людьми военными». Лучше всего, по его мнению, на эту роль подходили казаки. Еще 6 марта 1817 г. в рескрипте императора на имя Ермолова содержалось требование создать комиссию для наделения «землями казаков, по Кавказской линии поселенных», а 6 марта 1819 г. вышел соответствующий указ.

11 марта 1821 г. Ермолов обратился к Александру I со следующим предложением: заселить район «от Кисловодска вниз по Подкумку до Горячих вод», перевести в звание казаков казенных крестьян из селений Николаевское, Павлодольское, Солдатское, Прохлад-

ное, Приближное и деревни Александрийской, а также часть «разных азиатских племен». Правительственный Указ, узаконивший предложение А. П. Ермолова, вышел лишь спустя два года, 11 декабря 1823 г. Следить за переселением казаков на новые места жительства возложили на начальника штаба Кавказского корпуса генерал-майора Вельяминова. Помогать ему в этом должны были коллежский советник А. Ф. Ребров и представители от переселяемых станиц.

В процессе освоения Предкавказья российская колонизация носила военный характер, и часть земель, захваченных у горцев, оставались для постройки казачьих станиц. Опираясь на казачество, военное командование выносило вперед кордонные укрепления и постепенно отгоняло в горы коренное население Северного Кавказа, особенно в его восточной части. С этой целью в 1825 г. генерал Ермолов, «признавая полезным занять несколько передовых пунктов и заселить их новыми станицами», приказал из Александрийской станицы выселить 385 семей, из числа которых 100 семей образовали станицу Кисловодскую, 50 – положили начало станице Бургустанской, а остальные основали на реке Бугунте станицу Эссентукскую. Из Георгиевской станицы выселены были 250 семей, из которых 200 поселились около Горячих Вод (нынешнего Пятигорска) и образовали станицу Георгиевскую, а 50 семей переселили в аул Бабуковский, где они составили вместе с проживавшими там кабардинцами и абазинами станицу Бабуковскую. Станицы Марьянская и Павловская были передвинуты в 1829 г. на реку Малка и названы по имени бывших там военных постов – Беломечетской и Приближной [49].

Далее последовал Указ сената от 2 декабря 1832 г., когда были обращены в казаки и причислены к Волжскому полку четыре гражданских селения, лежавшие на Куме: Нижнеподгорное, Верхнеподгорное, Александрийское и Незлобное, в которых насчитывалось 629 дворов с населением до 4050 душ обоего пола, а также поселения Курское и Государственное [50]. С увеличением численности населения Волжского полка, в 1829 г. из его состава был выделен Горский полк со станицами: Прохладная, Приближная, Екатериноградская, Чернорская, Новоосетиновская, Павлодольская, Курская, Луковская и Государственная [51]. Из оставшейся части Волжского полка было тогда принято решение сформировать два полка: 1-й Волжский и 2-й Волжский со ста-

ницами: 1-й полк: Георгиевская, поселок Чураковский, станицы: Александровская, Незлобная, Подгорная, Новопавловская и Зольская; 2-й полк со станицами: Марьянская, Горячеводская, Эссентукская, Кисловодская, Бургустанская, Бабуковская и Железноводская.

За десять лет, с 1824-го по 1834 г., было приписано в казачье сословие путем принудительного обращения государственных крестьян 36 575 человек из 37 селений Кавказской области [52]. Политика «оказачивания», проводимая царским правительством на Северном Кавказе, направленная на обращение в казачье сословие русских переселенцев, привела к быстрому увеличению численности казачьего населения.

Так, согласно отписке астраханского губернатора Кречетникова, в 1775 г. на Северном Кавказе насчитывалось всего казаков: в Терско-Кизлярском войске – 131, в Терско-Семейном – 452, в Гребенском – 500 и в Моздокском казачьем полку – 767, «окромя оконченцев и новокрещеных, которых 104 человека», при общей численности 1954 человека [53]. А в отчете за 1860 г. в Терском войске проживало 53 906 мужчин и 51 253 женщин казачьего сословия [54].

Для удобства управления вновь приобретенными Предкавказскими землями указом Екатерины II от 5 мая 1785 г. было образовано специальное Кавказское наместничество в составе Астраханской и Кавказской областей [55]. Граница Кавказской области проходила по Каспийскому морю, далее по границе с «Персией, Грузией, турецкими владениями, Азовским морем, Тавгической областью и землей Донских казаков» [56]. Центром наместничества и области была объявлена станица Волжского казачьего полка – Екатериноградская [57], которая до этого в 1783 г. была преобразована в город Екатериноград, но уже через семь лет, в 1790 г., город Екатериноград был упразднен и переименован обратно в станицу, а административные учреждения переведены в Астрахань [58]. Сама же огромная территория Кавказской области была разделена на шесть уездов: Кизлярский, Моздокский, Ставропольский, Екатериноградский, Георгиевский и Александровский.

С учреждением Кавказского наместничества усиливается двойственная подчиненность терско-гребенских, волжских и моздокских казаков гражданским военным властям. «До этих пор войсковые атаманы или полковые командиры были полными хозяевами своих частей, а

теперь все, что относилось к внутреннему быту станиц, все отставные или не служащие казаки, женщины и малолетки изъяты были из их подчиненности и ведались уже общими губернскими или уездными учреждениями. За войсковыми атаманами остался только служилый состав полка, то, что сидело на конях, очередные наряды на службу да военные действия. Обо всех происшествиях в станицах, о смертных случаях, пожарах, падеже скота, посевах и урожаях, о заводимых вновь запасных хлебных магазинах и т.п. станичные атаманы доносили уже прямо земской полиции, и полиция сама назначала, и руководила следствиями» [59]. Атаманы, как войсковые, так и станичные поддерживали постоянную связь с губернским правлением, а также выполняли все их распоряжения, отчитывались перед ними и, по сути, «очутились в ... зависимости от гражданских властей» [60]. При этих условиях защищать общие казачьи интересы было уже некому. А кроме этого, казакам предложено было передать часть пастбищ и сенокосных угодий, пожалованных им ранее, обратно государству, «откуда эти земли перешли в руки помещиков и царских чиновников» [61].

2. «Сунженская линия» и динамика ее населения

В конце XVIII в. Российское государство значительно упрочило положение в Северном Причерноморье и после блистательных побед в русско-турецкой войне (1768–1774 гг.) границы были расширены за счет присоединения Крыма и «всей Кубанской стороны». Само же присоединение Крыма и Кубани способствовало тому, что Россия получила полную возможность непосредственно напрямую общаться с народами горских районов Большой Кабарды и Закавказья. Разумеется, это не замедлило принести свои плоды. Так, 24 мая 1783 г. в Георгиевской крепости было подписано соглашение между Россией и Грузией, по которому Грузия, по просьбе царя Ираклия II, принималась в русское подданство. Примеру грузинского царя последовали многие правители Северного Кавказа и Закавказья. Так, к 1790 г. в Российское подданство перешли земли имеретинского царя Соломона, азербайджанского хана Фамали Кубинского и дагестанского шамхала [1].

На основании соглашения с царем Ираклием II, рос-

сийским военным командованием было решено улучшить пути сообщения с Закавказьем, доступ в которое в те времена был возможен лишь по прибрежной полосе Каспийского моря, мимо Дербента, находившегося под контролем дагестанских владельцев, не всегда признававших власть России, и через перевалы Главного Кавказского хребта. Причем движение здесь было возможно лишь в летнее время. Поэтому наместником на Северном Кавказе генерал-поручиком П. С. Потемкиным – двоюродным братом светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического, было принято решение о строительстве дороги на Тифлис, проходящей через Дарьяльское ущелье. С этой целью в 1783 г. 800 русских солдат, совместно с жившими там осетинами, начали работы по расчистке дороги. «Работы продвигались настолько успешно, – писал В. А. Потто, – что два батальона егерей с четырьмя орудиями и колесным обозом в ноябре месяце свободно прошли в Тифлис для защиты царя Ираклия. Вслед за ними и сам Потемкин без затруднений проехал в Грузию восьмириком в коляске» [2]. В его конвое находились и команды от всех линейных казачьих полков. Это был первый путь, проложенный через Главный Кавказский хребет, получивший первоначальное название как «Тракт, ведущий с Кавказской линии в Грузию», позже он был переименован сначала в «Александров путь», а в 20–30-х гг. XIX в. приобрел новое название – «Военно-Грузинская дорога» [3].

Для защиты нового «тракта» от Моздока и до входа в Дарьяльское ущелье было сооружено три редута: Григориполисский в Малой Кабарде, Камбилеевский на реке того же названия и Потемкинский на реке Терек у Татартупа. Все три редута были построены и снабжены гарнизонами в том же 1783 г., постройку четвертого, самого сильного укрепления (крепости), запиравшего вход в Дарьяльское ущелье, пришлось отложить до весны 1784 г. При строительстве этой крепости российское военное командование исходило из чисто стратегического ее назначения. Поэтому при выборе места обращалось внимание, в первую очередь, на окружающий рельеф, который бы при необходимости открывал возможности для использования военного маневра в случае нападения противника, создание надежной обороны, а также на наличие источников воды, пастбищ, дорог и т.д. Строительство будущей крепости поручили полковнику Нагелю [4].

29 апреля 1784 г. Селегинский пехотный полк, два егерских батальона с артиллерией, под общим командованием Нагеля, выступили из Моздока к Григориполисскому редуту. К ним присоединились еще 70 гребенских и 70 терско-семейных казаков, находившихся в Моздоке для содержания форпостов. Сводный отряд, дойдя до осетинского селения Заурова, остановился у входа в Дарьяльское ущелье. Здесь 6 мая 1784 г. на девственной долине у самого Терека, «после торжественного молебствия с водоосвящением, при громе русских пушек было заложено четвертое, последнее укрепление, названное Владикавказом» [5]. Крепость была сравнительно большая, вооруженная 12 орудиями, и по повелению императрицы Екатерины II от 9 мая 1785 г. в ней воздвигнута православная церковь. Безопасность на дороге обеспечивалась гарнизонами этих укреплений. Немалую помощь в этом им оказывали жители восьми горских селений – Иналова, Джанхотова-Ларс, Габисова, Тасолтанова, Е. Шанаева, Н. Алдатова, И. Дударова, Заманкула, основанных на правом берегу Терека до середины 30-х гг. XIX в.

Незадолго до основания Владикавказа, а именно 2 февраля 1784 г. Павел Сергеевич Потемкин был назначен Кавказским и Саратовским генерал-губернатором. Новый генерал-губернатор хорошо понимал, что одними военными силами Кавказ ему не удержать, поэтому он принимает решение о водворении за казачьими линиями «деревни мирных хлебопашцев». В этот момент на первый план выдвигается вопрос о колонизации края русским элементом. Этому вопросу П. Потемкин отводит важное место в своей деятельности. С этой целью он, прежде всего, обратился во внутренние губернии с воззванием к однодворцам и казенным крестьянам, приглашая их на новые места, находящиеся под прикрытием военных укреплений. Воззвание увенчалось успехом. В течение 1784 г. на Северный Кавказ переселилось 12 500 душ обоего пола. Переселенцы основали за Линией десять новых селений, четыре из которых впоследствии были обращены в станицы Терского казачьего войска: Прохладная – на Малке, Незлобная – на Золке, Курская и Государственная – на реке Куме.

Строительство укреплений по линии от Моздока и до Владикавказа проходило в сравнительно благоприятной для России военной обстановке. Военные выступления кабардинских феодалов против строительства Моздока и

требования о выдаче беглых подвластных людей закончились в 1779 г. решительным их поражением. «Замечательно, – пишет В. А. Потто, – что в этом бою сражались против нас только одни князья со своими вассалами, уорками и узденями. Простой народ почти не участвовал в битве, толпы его стояли особым лагерем, верстах в шести или семи, и при первых выстрелах бежали в горы. Вся тяжесть потери легла, таким образом, на одних князей и дворян, благородных представителей кабардинского народа» [6]. Генерал Якоби продиктовал условия побежденным феодалам, которые были безоговорочно приняты. Основное содержание этих условий сводилось к следующему: кабардинские феодалы признают себя рабами и подданными русской императрицы, покоренными силой оружия, и в случае измены, возмущений и нарушения клятвы кем-либо из владельцев подданные его тотчас получают свободу и делаются вольными; за причиненные убытки кабардинцы должны были заплатить 10 тысяч рублей и 12 500 голов скота, и сверх того они не имеют права ни с кем и ни под каким предлогом вести войны без разрешения на то российского правительства, которое, в свою очередь, будет защищать их от нападений соседних с ними народов. Отказываясь от всяких притязаний на земли, занятые под русские укрепления, кабардинцы признавали реку Малку границей своих владений. Территория от станицы Екатериноградской и до входа в Дарьяльское ущелье по Тереку, ранее принадлежавшая владельцам Большой Кабарды, отходила «по праву войны» России, тогда как «владельцы не должны ни роптать на водворение поселений, ни требовать вознаграждения за землю» [7].

В первой половине XIX в. завершается формирование военно-служилого сословия с четким и жестким законодательным оформлением его прав и обязанностей и полным подчинением государственной власти. Так, в 1819 г. Проконсул Кавказа генерал А. П. Ермолов лишил возможности гребенских казаков избирать себе войсковых атаманов, заменив избрание назначением на эту должность кадровых армейских офицеров. В условиях военных действий на Северном Кавказе в 1-й половине XIX в. правительство взяло на себя заботу о пополнении казачьих войск на Тереке, в частности, А. П. Ермолов стал практиковать приписку к казакам переселенцев из России и отдельных групп представителей кавказских народов.

В 30-х гг. XIX в. в связи с разрастанием Кавказской войны российское военное командование приступило к укреплению границ по линии Военно-Грузинской дороги. На участке от станицы Екатериноградской и до Владикавказа по Тереку тянется полоса земли, которая разделяется притоками Терека: Черная, Архон, Гизельдон, Ардон, Белая, Дур-Дур, Змейка, Урух, Шекер, Лескен, Аргудан, Черек, Урвань, Баксан, Яман-Су и Малка. Нелишним также будет отметить и то, что с 1822-го по 1861 г. на территории Большой Кабарды существовала «Кабардинская линия», которая представляла собой комплекс военных укреплений. Сюда входили Черекское, Чегемское, Мечетенское, Пришибское, Урухское, Баксанское, Урванское военные укрепления. Военный и административный центр Кабардинской линии располагался в крепости Нальчик (1822), где и было образовано управление Кабардинской линии, которая подчинялась начальнику Кавказской линии [8].

В 1823 г. Военно-Грузинская дорога была перенесена на левый берег Терека генералом А. А. Ермоловым. С этого времени значение старой Моздокской дороги упало. Интенсивность движения по ней резко сократилась. Утратили былую значимость и вышеупомянутые укрепления. С этого времени стало угасать и значение города Моздока [9].

Пальма первенства перешла к другому населенному пункту – станице Екатериноградской. Именно этим был продиктован перенос дороги до Владикавказа с правого берега Терека на левый. Здесь вдоль дороги от Владикавказа до Екатеринограда с 1822-го по 1830 г. было построено множество новых военных укреплений: Архонское, Ардонское, Дур-Дурское, Минаретское, Урухское, Аргуданское, Пришибское, Заречное, Нальчикское [10].

Ермолов планировал привлечение к охране дороги осетин, ингушей и кабардинцев. С этой целью с середины 20-х гг. XIX в. началось активное заселение левой части Владикавказской равнины осетинскими и ингушскими селениями. К началу 30-х гг. XIX в. горцами-переселенцами здесь было основано более 20 селений.

Активные охранные меры были приняты в указанное время и в горной части Военно-Грузинской дороги, от Владикавказа и дальше на юг, в глубь Дарьяльского ущелья. Значительно были усилены укрепления Редант, Балта, Ларс, Дарьял и др.

До поры до времени такие меры правительства, его

кавказской администрации вроде бы обеспечили желаемую прочность правительства здесь и безопасность движения на дороге. Но с усилением Кавказской войны положение на Военно-Грузинской дороге меняется. Оно стало беспокойным, тревожным, часто не контролируемым. Лидер освободительного движения горцев Чечни и Дагестана – Шамиль был осведомлен о том, какое значение имеет эта дорога для царской администрации, и не раз пытался нанести ущерб своему противнику именно здесь. «С весны 1835 г., как указывает И. Л. Омельченко, стали часто прорываться партии горцев в наши пределы, вследствие этого необходимость заставляла усилить воинские посты и казачьи команды, расположенные на тракте» [11].

Так, с середины 30-х гг. XIX в. вопросы охраны Военно-Грузинской дороги, территории, по которой она проходила, снова оказались в центре внимания кавказской политики правительства Николая I. Боевыми действиями были охвачены правое и левое крыло Кавказской линии. Для правительства это стало крайне нежелательно. Кроме того, военными действиями был охвачен район Военно-Грузинской дороги, имеющий важное стратегическое значение.

Создавалась чрезвычайно нежелательная для России обстановка. «При первом же взгляде на средства обороны Кавказской линии от набегов удобно видеть можно, что соразмерность пространства линии, силы наши совершенно недостаточны» [12], – с тревогой докладывали местные военные власти в центр. Для укрепления границы по линии Военно-Грузинской дороги, для ее защиты нужны были дополнительные силы. Тогда и возникла идея сформировать два Малороссийских казачьих полка и перебросить их на Кавказ.

История Малороссийских полков началась в 1831 г., когда в Польше вспыхнуло национально-освободительное восстание. В самый разгар польского восстания правительство Николая I сформировало в Малороссийских губерниях 12 конных полков, из которых 8 в августе 1831 г. были направлены в Польшу для борьбы с восставшими. Остальные 4 полка оставались в пределах Малороссии «в резерве». Полки эти были сформированы только из украинских крестьян. Исключение составлял офицерский состав, представлявший дворянское сословие.

Восстание в Польше было подавлено в 1832 г. Украинские полки возвращались домой, «представляя в

своём воображении радостную встречу с семьей и полный отдых в родной хате», – пишет современник тех событий Патрикий Ницик. «Но не знали они, что многим из них придется разочароваться в мечтах» [13]. Без их ведома и согласия правительство сделало распоряжение о сформировании из возвращавшихся полков двух новых, уже казачьих полков, для отправления теперь навсегда «на самый беспокойный район державы» – на Кавказ [14].

Такое распоряжение правительства вызвало сильное возмущение среди крестьян. В ноябре 1832 г., указывают документы, в ряде губерний произошли «большие беспорядки», очагами которых стали Полтавская и Черниговская губернии, для подавления которых в Малороссию срочно были вызваны регулярные войска.

Отправляясь в Польшу, украинские крестьяне-казаки надеялись, что, подавив восстание, они вернутся домой, уезжая же на Кавказ, такой надежды на возвращение к родному очагу не было. Именно эта безысходность и служила главной причиной недовольства крестьян. Слово Кавказ наводило в то время «страх почти на всех и каждого». Кроме того, надо полагать, крестьяне выражали свое резко отрицательное отношение к той обязанности, которую насильно возлагало на них правительство Николая I.

Усмирив крестьян-казаков Полтавской и Черниговской губерний, правительство пообещало им: во-первых, до 15 лет сократить для них пожизненную службу на Кавказе; во-вторых, формировать и пополнять в дальнейшем полки исключительно жителями Полтавской и Черниговской губерний, и, в-третьих, офицеры у них также будут всегда из малороссиян и из тех же мест.

Успокоив, таким образом, крестьян, власти приступили к формированию указанных двух полков, получивших название – Малороссийские казачьи полки №1 и № 2. Каждый полк состоял из 4 эскадронов, то есть 800 человек, исключительно из жителей Полтавской и Черниговской губерний. Возраст казаков колебался от 19 до 30 лет. Архивные документы свидетельствуют, что большинство всех новобранцев были семейные. Впоследствии это сыграло существенную роль в решении правительства оставить казаков на вечное поселение.

Преодолев сложный и трудный путь, оба полка в январе 1833 г. прибыли в г. Ставрополь. Первый полк, где командиром был полковник А. Я. Рашевский, остался

на Кубанской военной линии в Ставропольской губернии, а второй полк, во главе со своим командиром, полковником И. Г. Стоцким, был расквартирован на территории Кабарды [15].

Указание же разместить эти полки на Военно-Грузинской дороге дал сам император Николай I осенью 1837 г., когда он «осчастливил Кавказ своим посещением». Командованию Малороссийских полков было сообщено, что в октябре император будет проезжать из Тифлиса в Ставрополь через Владикавказ, Екатериноград, Пятигорск и Георгиевск «и удостоит осмотром войска на пути следования». Полкам поручалось встретить монарха в Ларсе и сопровождать его до Екатеринограда [16].

На время проезда Николая I на Военно-Грузинскую дорогу были выдвинуты все эскадроны полков для конвоирования. Вся дорога была разделена между ними на участки. Были устроены дополнительные казачьи посты. От каждого эскадрона в конвое участвовали 14 офицеров и 97 казаков. Это сверх 55 казаков, составлявшие Собственный Его Императорского Величества конвой, прибывший из Петербурга и неотлучно сопровождавший монарха на всем пути Кавказского путешествия.

Следует также отметить, что сопровождавшие императора местные военные чины довольно подробно объясняли исключительное значение в стратегическом отношении здешней местности. Указывалось, что охрана дороги здесь уязвима, и поэтому «испрашивалось разрешение поселить в этих местах несколько аулов из мирных горцев» кабардинцев и осетин.

Проводив гостя (Николая I) до границы Кавказа, командир Отдельного Кавказского корпуса генерал барон Розен на обратном пути из Ставрополя в Тифлис собрал во Владикавказе все местное военное начальство, ознакомил его с теми мерами, которые приказал срочно «осуществить государь император для устройства центра Кавказской линии и безопасности на Военно-Грузинской дороге» [17].

Приказывалось немедленно восстановить и значительно укрепить все бывшие военные укрепления на правом берегу Терека, то есть Константиновское и Елизаветинское, «дабы более прикрыть главную дорогу, идущую по левому берегу Терека». Обратить военные поселения в станицы, «заселяя их женатыми казаками малороссийских полков». Образовать военные поселения из женатых нижних чинов 4, 5, 6 линейных батальонов.

«Для вящего обеспечения Военно-Грузинской дороги, поселить на правом берегу Терека несколько аулов из осетин и кабардинцев» [18]. Речь шла о будущих селениях: Эльхотово – в Осетии и Анзоровых – в Кабарде.

Далее планировалось объединить оба малороссийских казачьих полка в состав одного под названием Владикавказский и разместить казаков на дороге между Екатериноградом и Владикавказом. Составление подробного плана этих преобразований генерал Розен возложил на полковника Стоцкого. «Поручение барона Розена, – писал позднее Стоцкий, – было в высшей степени серьезно: оно требовало от составителя проекта всестороннего обсуждения подробностей дела и предвидения, по возможности, последствий из него вытекающих» [19].

И. Г. Стоцкий отлично справился с поручением и уже 9 ноября 1837 г. представил корпусному командиру такой проект [20]. После незначительных дополнений и изменений из Тифлиса проект поселения Владикавказского казачьего полка на Военно-Грузинской дороге был отправлен в Петербург на утверждение, где «удостоился высочайшего одобрения, и в мае месяце 1838 г. препровожден к Стоцкому для немедленного приведения в исполнение» [21]. «Проект положения начертан, кажется, очень удовлетворительно, – гласила собственноручная резолюция императора на проекте, – засим остается приводить его в исполнение с должною настойчивостью, дабы не остался на одной бумаге. Повелеваем. Не тревожить присем соседей, разве сами задирают будут и тогда сильно наказать, не начиная наугад, а с определленною целью и с несомненным успехом» [22]. Правительство решило навечно поселить на Кавказе малороссийских казаков и основать из них станицы.

С самого начала Стоцкий придерживался того принципа, что создаваемые станицы выгоднее было поместить в бывших военных укреплениях, а потому они и получили название этих укреплений. Началась энергичная работа по созданию Владикавказского полка путем объединения двух малороссийских.

Малороссийскому полку № 1 было приказано сняться с берегов Кубани и явиться в крепость Владикавказскую, куда он прибыл 7 ноября 1838 г. Здесь он сменил Донской казачий полк № 5 и занял его место, то есть разместился в Константиновском и Елизаветинском укреплениях, а также занял посты Радантский, Балтий-

ский, Ларский, Дарьяльский, Казбекский и Кубанский. Штаб полка разместился во Владикавказе [23].

Для отвода земли станицам, «по примеру Кавказских линейных казаков», и установлению границ, а также для разбивки мест под станицы, из Тифлиса был прислан офицер корпуса, топограф Горшков, который и произвел свои расчеты под наблюдением Владикавказского коменданта-полковника Широкого [24].

По проекту Стоцкого о поселении женатых казаков на Военно-Грузинской дороге, первым делом нужно было строить в предполагаемых станицах жилые дома, затем разные «необходимые во дворах хозяйственные службы». Когда же произойдет заселение станиц, заняться «распашкою полей для земледелия, разведением скота, а потом, когда окончены будут все постройки, приступить к окопу станиц», то есть обнесению станиц канавами и плетнями [25].

Летом 1838 г., обозначив места для станиц в виде четырехугольников, «ни мало немедля приступили к обнесению их рвами и бруствером (валом) с плетнем и колючкой, и в то же время строились дома для женатых казаков и казармы для холостых, а также офицерские помещения. Около домов сажали деревья, по большей части фруктовые (вишни, яблони) [26], женатые казаки были уволены от службы, они занялись исключительно постройками домов. Кордонную службу несли одни холостые казаки, на помощь которым привлекались донские и линейные казаки. Для более успешного хода дела по возведению казачьих построек отпущено было от казны полковнику Стоцкому 10 тыс. рублей» [27]. За период 1838–1839 гг. в станицах было построено домов: Ардонской – 41, Архонской – 46, Урухской – 29 и Пришибской – 35 [28]. Строительство этих станиц осуществлялось под руководством не только высшего военного начальства, но и под пристальным наблюдением центрального правительства. По настоянию императора, о ходе этого строительства корпусной командир ежемесячно отправлял рапорт в Петербург. Хотя темпы строительных работ были высокие, они все же не удовлетворяли правительство. Малейшая неурядица, срыв в работах, задержка с поселением Владикавказского полка в станицы вызывали гнев самого императора, так как «это неудобно в политическом отношении, ибо окружающие горцы могут смотреть на это с невыгодной стороны ... Неудобно еще и потому, – писал в Тифлис во-

енный министр, – что станицы эти находятся на линии главного сообщения нашего с внутренними российскими губерниями и потому необходимо, чтобы подобные места отличались особенным благоустройством» [29].

Император считал, что план заселения Владикавказского казачьего полка, утвержденный еще в 1838 г., претворяется в жизнь плохо, медленно. «Положение дел наших на Кавказе в военном отношении, – писал он на одном из докладов генерала Нейдгарда, – представляется мне в следующем виде, что все наставления и приказания по охране Центра линии и Главной дороги весьма дурно, или даже вовсе не исполнены» [30].

В 1840 г. военное министерство на благоустройство вышеперечисленных станиц, то есть для строительства в них церквей, лазаретов, базаров, школ, мельниц, питейных и игорных заведений дополнительно отпустило 35 тыс. рублей [31]. Каждому женатому казаку на создание хозяйственного подворья отпущено пособий в размере 250 рублей, холостым казакам – 150 рублей.

Военное командование особенно заботила проблема поселения в указанных станицах представителей офицерского состава, изъявивших желание остаться на Кавказе, поэтому оно их отличало и активно поощряло. Прежде всего, им строились дома улучшенной планировки. Далее, земля отмежевывалась офицерам, по существу, без ограничения – «столько десятин, сколько желала душа». Будущим офицерам-станичникам после выхода в отставку сохранялось офицерское жалованье. Кроме того, назначалось единовременное пособие от 500 до 1000 рублей. Но несмотря ни на что, желающих, как свидетельствуют документы, было «досадно мало» [32].

По мере того, как строились в станицах казачьи хаты, росла необходимость в хозяйках. Нужно было поскорее привести семейства женатых казаков из Полтавщины и Черниговщины. Для этого, – писал П. Ницик, – командирован был специальный отряд из холостых казаков: 4 офицера и 16 казаков от каждого из двух полков под командованием поручика И. М. Тарнавского. Из Ардона отряд выступил по назначению 7 октября 1838 г. Командиру отряда были вручены подробные сведения о составе семьи каждого казака. Одновременно с этим командиром Отдельного Кавказского корпуса были отправлены генерал-губернатору Полтавской губернии графу Строганову 32 тыс. рублей, назначенные из каз-

ны на подъем казачьих семейств. «Сборные пункты для отправляемых семей, – писал далее участник этих событий П. Ницик, – были: черниговских – город Нежин, а для полтавских – город Полтава» [33].

По прибытии отряда в Украину поручик Тарнавский произвел сверку имевшихся у него списков семейств казаков, подлежащих отправлению на Кавказ. По окончании этой процедуры начались сборы в дорогу. Крестьянские семьи, кто имел, стали продавать земельные участки, домашнюю утварь и скот. И лишь летом следующего (1839) года переселенцы потянулись длинными вереницами (по воспоминаниям участников тех событий, «три партиями») к ожидавшим их мужьям, захватив с собой нехитрый домашний скарб. Прибыли к месту в августе 1839 г. После 8-летней разлуки радость мужей была неопишуемая: многие плакали от избытка чувств. Рассказам о пережитом не было конца. Тот же Патрикий Ницик в своих воспоминаниях так передает встречу: «Прибытие жен доставило во всех четырех станицах такое сердечное удовольствие, какое, казалось бы, трудно возбудить при флегматичности малороссов» [34]. С прибытием казачьих семейств и размещением их в четырех станицах число жителей в них составило 581 двор [35].

По описанию 1844 г., станица Пришибская построена на реке Терек в 20 км от станицы Екатериноградской по плану прапорщика Горшкова. Для хозяйственных нужд станице отмежевано было в надел 9033 десятины и 54 саженьей земли. Станичные земли пересечены реками Терекон, Деменюком и Черною, «большою частью удобны к сенокосам, к произрастанию разного хлеба и огородных овощей» [36]. В станице проживало «74 казачьих семейства, из них 67 душ мужского пола и 109 – женского» [37].

Станица Архонская расположена была на правом берегу реки Архонки в 17 км от города Владикавказа и занимала территорию, равную 6914 десятинам и 642 саженьям. В станице проживало «79 казаков, их жен и детей 139 душ. Почва хорошая и удобная к хлебопашеству и сенокосам» [38].

Станица Урухская располагалась на реке Урухе и занимала 9777 десятин и 1034 саженьей земли, поступившей в надел казакам. Земли пересечены реками Урухом, Шекером, Лескеном и Аргуданом. «Почва для занятия хлебопашеством малопригодна, и казаки в ос-

новном занимаются скотоводством и огородничеством» [39].

Станица Ардонская находилась между реками Ардон и Тархадоном и имела 7460 десятин и 1050 сажень земли. Почва малопригодная для земледелия, преимущественно каменистая [40].

Царская военная администрация с самого начала считала, что для охраны 105-километровой дороги, и «решительного сношения горцев Восточного Кавказа с Западным» четыре станицы с их нынешним населением были недостаточны, «ибо между четырьмя станицами оставались огромные интервалы, через которые легко принимали партии горцев». Это обстоятельство побудило командование о водворении между вышеупомянутыми станицами военных поселений, которые возникали по примеру Новгородских и Чугуевских. Предназначались военные поселения для заселения женатых солдат, прослуживших в частях Кавказской армии 15 и более лет. Поселенцы обязаны были совмещать военную службу с занятием сельским хозяйством [41].

На Северном Кавказе к созданию военных поселений на основании утвержденного 10 октября 1837 г. Николаем I «Положения о военных поселениях на Кавказе» [42] приступили уже весной следующего (1838) года.

Для военных поселений отводились земли на левом берегу реки Сунжи, от крепости Грозной до впадения Сунжи в реку Терек и далее от слияния этих рек на юго-восток во владениях Кумыкских до гор Качалыковских; в Большой и Малой Кабарде: на Кабардинской и Кисловодской линиях [43]. Так, близ Дур-Дурского укрепления, что при урочище Баксан на берегу Белой речки, а именно, при впадении ее в Терек, поселено 111 семейств, а между Пришибом и Урухом на речке Лескен 113 семейств женатых солдат, переведенных из Грузии. «Первое из селений, согласно Высочайшей воле, названо Николаевским, второе – Александровским» [44].

В 1839 г. представилась возможность учредить поселение и при Владикавказской крепости, посему здесь были водворены ушедшие в отставку женатые солдаты из Владикавказских линейных батальонов в числе 81 семьи. Владикавказское военное селение расположилось на западном форштадте крепости, на левом берегу Терека [45].

В 1840 г. основано было Погорелодубское военное селение в Кабарде, между станицей Пришибской и во-

енным поселением Александровским, названное впоследствии Котляревским [46].

Жителям военных поселений за счет казны были построены добротные дома, отмежеваны земельные угодья из расчета 15 десятин на мужчину [47].

Занятие земледелием чередовалось у поселян с воинскими обязанностями. Так, командованию 1-го Владикавказского казачьего полка приписывалось включить население этих поселений в штатное расписание полка. Вскоре последовал приказ командира отдельного Кавказского корпуса за № 40 от 12 сентября 1840 г., который предписывал мужскому населению всегда быть готовым к защите своего поселения, постоянно проводить военные занятия. «Для приучения ... к отражению неприятеля», содержать оружие в исправности, «готовить сыновей к цельной стрельбе и вооружать их кинжалами и шашками» [48].

Приказом военного министра от 22 ноября 1842 г. военные поселения были присоединены к Владикавказскому казачьему полку с переименованием их в казаки, а сами поселения в станицы тех же названий. Одновременно в состав полка был включен 1-й Малороссийский полк, располагавшийся до этого на постах Военно-Грузинской дороги в полном его составе. Усилив, таким образом, Владикавказский полк, он был переведен в ведение наказного атамана Кавказского линейного войска, как боевая единица, имея по списку общее число населения 2704 души обоего пола, проживавших в 8 станицах [49].

На казаков вновь образованных станиц налагались военные повинности, связанные в первую очередь с несением полевой и внутренней службы, за что на общих основаниях им было установлено денежное жалованье [50]. Одновременно были сделаны первые попытки к размежеванию земли для передачи их в надел казакам. Так, например, 1 сентября 1844 г. станицам Александровской, Котляревской и Пришибской было выделено 17 770 десятин и 1699 саженьей земли [51], которые, в свою очередь, были отрезаны от наделов кабардинских феодалов. В 60-е гг. XIX в. царское правительство, как бы осознавая за это вину, компенсировало бывшим владельцам земли потерю новыми угодьями и деньгами [52].

Заселяя районы Военно-Грузинской дороги казачьими станицами, правительство, кроме охраны дорог,

стремилось, во-первых, прикрепить поселенцев к земле и тем самым не дать возможности со временем им покинуть эти края. Во-вторых, правительство и кавказские военные власти считали, что проходящие в Грузию и обратно военные команды и путешествующие найдут в этих станицах надежный приют в пути.

В первые годы своего поселения казаки и их семьи из-за непривычного для них климата страдали от различных болезней и несли большие потери. При выборе места под Николаевское поселение топограф, он же поручик С. Г. Семенов (присланный из Тифлиса и прикомандированный от Владикавказского коменданта Широкова), лекарь, «хорошо знающий местность», избрал местом поселения урочище Татартуп, или Бекхан, которое представляло «господствующий над округом холм, омываемый с северо-востока Терекон, а с юга рекой Белой и многими родниками». «Надо удивляться тому, — пишет О. П. Пономарев, — кто посоветовал Семенову выбрать именно это место для поселения, которое имело значение лишь в стратегическом отношении, а что же касается климата, то он представлял пагубу для жителей. От разлива Терека и действующих родников вокруг поселения постоянно стояли болота, порождающие зловещую лихорадку и другие болезни. Люди умирали, как мухи, и, несмотря на добавление жителей новыми поселенцами, население не увеличивалось» [53]. Так, за первые три года в Николаевском поселении умерло 212 человек [54]. И только по прошествии 40 лет было доказано статистическими данными, что вскоре может вымереть все население. Это послужило толчком к тому, что станица Николаевская с этого места была передвинута на юг к реке Дур-Дурке [55]. Не лучше обстояло дело и в других станицах. Так, только по данным за 1839 г., в военных госпиталях находилось на излечении 211 мужчин и 240 женщин, из них умерло 27 мужчин и 61 женщина. А после холеры в 1847 г. в станицах Владикавказского полка осталась едва ли половина всего населения [56].

Для пополнения казачьих станиц царское правительство в 1848 г. переселило большую партию харьковских, черниговских и воронежских крестьян и увеличило, таким образом, численность населения более чем вдвое. В то же время, несмотря на недостаток людей при комплектовании полка, военное командование принимает решение о строительстве еще одной станицы. В 1848 г.,

когда Шамиль двинулся в Большую Кабарду и дважды пересекал Терек в удобном для него месте, позднее выяснилось, что проводником у него был кабардинский князь Магомет Мирза Анзоров, аул которого находился в шести верстах выше Урухской станицы. Тогда «за измену, побег и вероломство» Анзоров был лишен всех владений, и на его земле, там, где была переправа, основана новая станица, названная Змейской [57]. Заселение ее произвели за счет прибывших крестьян из тех же губерний. Таким образом, благодаря переселению крестьян из губерний была восстановлена боеспособность полка. В дальнейшем численность населения постоянно увеличивалась, преимущественно за счет переселенцев. В 1858 г. оно составило 8233 человека мужского и женского пола [58], а по списку на 1 января 1878 г., в станицах 1-го Владикавказского полка проживало 9930 душ обоего пола [59].

На первоначальном этапе, когда казаки-поселенцы занимались устройством своего станичного быта и находились полностью на довольствии у государства, вопрос о земле не стоял так остро, и при низком уровне развития земледелия и скотоводства они довольствовались близлежащими к станице угодьями. Однако в дальнейшем, по мере расширения хозяйственной деятельности, казаки все больше и больше начинают «испытывать потребность в плодородной земле, а пределы ее были ограничены владениями поселившихся здесь осетин, вышедших с гор [60]. Во время переселения горцев на равнину, принявшего стихийный характер, раздела земельных угодий не производилось, осетинские общества занимали их по праву первозаселения, то есть захвата. Царское правительство, поощряя переселение осетин, практически не занималось их размещением, и, как правило, признавало законным право на владение занятыми под поселения землями. Но после размещения станиц на этом пространстве и численного роста казачьих обществ остро встал вопрос о нехватке земли. Особенно остро земельный вопрос встал в местах расположения станиц Ардонской, Архонской и Николаевской, где плотность осетинского населения была особенно высока [61]. Чтобы разрешить эту проблему, военная администрация приняла решение о переселении осетин в другие места, а освободившиеся земли передать казакам. Для переселенцев-осетин царским правительством были отведены лучшие земли «между Терским и Кабардинским хреб-

Терский казак.
Фото конца XIX в.

Казачи на сборах

Казачья семья из ст. Пришибской

Конвойцы из ст. Александровской

Наказной атаман ТКВ А. Колюбакин (в центре) с казаками ст. Сунженской. 1908 г.

Офицеры Императорского Конвоя в парадной форме на юбилее Конвоя. 1911 г.

Полный георгиевский
кавалер
Н. А. Мишанин

Учителя и учащиеся Пришибского двухклассного училища.
1912 г.

**Казачи станицы
Александровской**

Офицеры 2-го Кизляро-Гребенского полка ТКВ

Терский казак.
Фото XIX в.

Полковник Н. Баратов и сотник Филипов (в центре) с казаками ст. Архонской

**Император Николай II поздравляет казаков с Пасхой.
1915 г.**

Казаки на Западном фронте. 1916 г.

Казачи 2-го Горско-Моздокского полка. 1916 г.

Офицеры 2-го Горско-Моздокского полка ТКВ

том... куда входила и часть владений князя Бековича-Черкасского, а также пространство между Терекком и предположенной границей Владикавказского Казачьего полка» [62]. Царское правительство для оказания помощи «переселенцам, лишаящимся не только земли, но и домов, домашних заведений, мельниц и т.д., а также в виде поощрения ... выдавало на каждое семейство, смотря по расстоянию, от 20 до 40 рублей серебром» [63]. Всего подлежало выселению на указанные места 433 двора Тагаурского, Алагирского и Куртатинского обществ и 40 дворов аула Алхаста Кундухова.

Решая вопрос о наделении землей казаков и осетин, царское правительство связывало его со строительством новой укрепленной Линии, получившей впоследствии название Сунженской.

Первоначальная идея создания этой укрепленной линии принадлежала генералу князю Цицианову, который предлагал еще в 1803 г. занять казачьими поселениями линию от Екатеринограда до Владикавказа и от Владикавказа по реке Сунже, включая обширное пространство Сунженского предгорья. Однако после гибели Цицианова этот проект остался забытым, и только в 1813 г. было заложено укрепление Преградный Стан, а 10 июля 1818 г. по приказу генерала Ермолова построили крепость Грозную.

Начиная строительство Сунженской укрепленной линии, Ермолов исходил из стратегических соображений. «Устроив на Сунже крепости, – писал Ермолов, – неподалеку от деревень их (имеются в виду чеченские), удобно будет делать внезапные нападения, ибо не могут они предварительно знать о намерении и угадывать опыт, как прежде, по немедленному сбору войск из многих мест. Оттеснив ближе к горам и непрерывно содержа в страхе, можно заставить их помышлять о собственной защите более, нежели в нападениях, которые тем затруднительнее сделаются, что надобно будет далеко проезжать позади цепи постов наших» [64].

К середине 30-х гг. XIX в. система укреплений получила определенное устройство под названием «Сунженской кордонной линии», командир которой полковник Пулло имел штаб-квартиру в крепости Грозной. Оставалась теперь последняя и самая важная задача – продолжить Линию по бассейну реки Сунжи до впадения ее в реку Терек для соединения крепостей Владикавказа и Грозной «и даже до пределов Дагестанской области»

и заселение ее казаками. Общий порядок устройства и заселения этой Линии окончательно был разработан комендантом Владикавказа полковником Нестеровым. Так, в своей записке «Об устройстве станиц на Сунженской линии» полковник Нестеров предлагал, прежде чем начать строительство новой Линии, решить вопрос о наделении землями назрановцев (ингушей) и осетин, а также жителей гарнизона г. Владикавказа. Нестеров считал, что «водворение станиц на Сунже тесно связанным с вопросом о наделении земель назрановцев и осетин и об определении в настоящее время положительным образом между их владениями и землями Сунженского и Владикавказского полков» [65]. Также Нестеров высказал мнение о том, что начальником строительства и размещения станиц должен быть в перспективе начальник Сунженской укрепленной линии, а «для необходимого единства в действиях и во избежание мелких затруднений при исполнении, поручить возведение станиц между Назраном и Казак-Кичу тому лицу, которое будет командовать войсками во Владикавказском округе» [66]. Таким образом, решив вопросы о заселении пространства по линии Военно-Грузинской дороги, о наделении землями казаков, осетин, ингушей, жителей гарнизона Владикавказа, военное командование приступает к строительству Сунженской укрепленной линии и заселению ее казаками.

Что же касается местоположения самих станиц, то полковник Нестеров предлагал разместить их «между бывшим аулом Малою Яндыркою и укреплением Казак-Кичу и влево до большой дороги, проходящей между обоими кабардинскими хребтами, а вправо до Блашевских гор» [67]. «Эти земли, — писал он далее, — для хлебопашества наилучшего качества такого только вообразить можно, и близость отличного строевого леса дает возможность к скорому возведению строений. Общее пространство земли составляет четверугольник, имеющий около 25 верст как в широту, так и в длину, но на окоп легко поселить можно от 1000 до 1200 дворов, разделяя их на три или четыре станицы» [68].

Заселение станиц предполагалось осуществить за счет терских, донских, ставропольских и кубанских казаков, направляемых на Сунжу по жребью или добровольно.

подавляющую массу составляли молодые казаки с семьями. Возраст колебался от 20 до 35 лет. Представители старших поколений выезжали как члены семей.

Командующим новой Линией и командиром полка был назначен Николай Павлович Слепцов, которому в то время едва исполнилось 30 лет.

В мае 1845 г. Слепцов прибыл в укрепление Волыньское с офицерами и урядниками Моздокского полка и приступил к приему прибывающих казаков Ставропольского полка, Кубани и части войска Донского, а всего должно было прибыть: из станиц Кавказского Линейного войска – 2273 и из войска Донского – 637 семей.

Первыми казаками-переселенцами, изъявившими желание поселиться на Сунженской линии, были представители III и IV военных округов войска Донского. Состав переселенцев от каждого округа был неодинаков: так, из III военного округа прибыло 300 семей [69], а из IV округа всего 64 семьи [70].

Места, предназначенные под новые станицы, располагались по правому берегу реки Сунжи верстах в 18 от Назрановского укрепления, которое тогда считалось достаточно сильным, так как в нем имелась крепостная артиллерия, а гарнизон его составлял 7-й Кавказский линейный батальон. Распланировкой вновь строящихся станиц по реке Сунже занимался саперный офицер Свиридов, а расселением переселенцев – полковник Бруннер, который принял решение заселять станицы по 250 дворов, при этом отмежевывать на каждый двор по 15 сажень в длину и 10 сажень в ширину [71].

Строительство первых трех станиц – Михайловской, Троицкой и Сунженской (последнюю впоследствии переименовуют в Слепцовскую) – было закончено 21 ноября 1845 г. Станица Сунженская была определена как штаб-квартира полка. В дальнейшем строительство станиц происходило в такой последовательности: в 1847 г. – станицы Ассиновская и Магомет-Юртовская; в 1851 г. – Самашкинская и Алхан-Юртовская; в 1859 г. – Сунженская (вторая), Карабулакская, Тарская и Камбилеевская; в 1860 г. – Фельдмаршальская, Галашевская и Алкунская; и в 1861 г. – Аки-Юртовская и Нестеровская [72].

Таким образом, заселение Сунжи, начатое в 1845 г., затянулось почти что на 16 лет. В конце концов, на берегах Сунжи и ее притоках образовались три казачьих полка: 2-й Владикавказский, занявший семью станицами – Владикавказская, Камбилеевская (обе они в 1859 г., соединившись, образовали станицу Терскую), Ново-Сунженская, Аки-Юртовская, Фельдмаршальская, Нестеровская и впоследствии упраздненная Гала-

шевская – верховья Камбилеевки, Сунжи и Ассы; 1-й Сунженский, по среднему течению Сунжи с боковым сообщением к Моздоку в семи станицах: Магомет-Юртовская, Карабулакская, Троицкая, Сунженская (впоследствии Слепцовская), Михайловская и Ассиновская; и 2-й Сунженский, сомкнувший Сунженскую линию с Гребенскими городками по нижнему течению Сунжи до Брагунов и Горячих Вод восемью станицами – Самашки, Закан-Юрт, Алхан-Юрт, Грозненская, Петропавловская, Джалкинская, Умакан-Юрт и Горячеводская [73].

Одновременно со строительством новых казачьих станиц по Сунженской линии увеличивается и численность населения этих станиц. Как правило, увеличение казачьего населения происходило за счет казаков-переселенцев и крестьян. Так, в 1861 г. дополнительно было переведено 100 семей терских казаков и 400 семей государственных крестьян, которых обратили в казачье сословие и расселили по станицам [74].

Стабилизация численности казачьего населения произошла к середине 60-х гг. XIX в. Так, по отчетной ведомости за 1866 г., в станицах 2-го Владикавказского Казачьего полка проживало: 1587 семейств с 2566 служащими казаками, 1865 малолетними до 18 лет, 3918 женщинами-казачками и 100 человек не казачьего сословия [75].

Численность казачьего населения была связана с окончанием Русско-Кавказской войны и сокращением потерь на полях сражений. Терское казачество, сыгравшее огромную роль в хозяйственном освоении Предкавказья, царская администрация предполагала использовать в роли надежного стража внутренних основ государственной власти. И именно с этой целью, начиная с 1865 г., практически полностью прекращается приписка в казачье сословие лиц иного социального происхождения. Одновременно с этим был положен запрет на выход из казачьего сословия без надлежащих на то причин. Все эти меры завершили процесс превращения казачества в замкнутое служилое сословие, находившееся на особом положении в государстве.

3. Представители народов Кавказа в составе Терского казачества

В ходе колонизации Северного Кавказа российская военная администрация провела ряд мероприятий, направленных на увеличение численности казачьего насе-

ления, в том числе и за счет местных кавказских народов. Первая такая попытка была связана с основанием Моздока, когда в 1765 г. была сформирована горская казачья команда из числа беглых осетин и кабардинцев. Эти казаки вместе со своими семьями составили в Моздоке свободное общество, ставшее известным под названием «казачьей братьи». Сообщая о происхождении этого общества, майор Кудинов писал: «По преданию общество казачьей братьи составилось в Моздоке из бежавших кабардинцев и осетин, кои, учиня побег от своих владельцев, поселились в Моздоке, а по разыскании их владельцами были им возвращаемы, во избежание чего сии переселенцы по прибытии в Моздок, один из семейства записывался в казаки, и тем избавлял остальных от возврата их владельцам. От сего случая семейство определенное в казаки именовалось казачьей братьею» [1].

В январе 1827 г. последовал приказ генерала А. П. Ермолова зачислить всех казачьих братьев в числе 110 человек в казаки и передать их командиру Горской казачьей команды капитану Дыдомову. Казенная же палата, спеша исполнить приказ командующего Кавказскими войсками, передала в военное ведомство не только «казачьих братьев», но и всех осетин, живущих в Моздоке. В Моздоке к тому времени уже жили осетины, переселившиеся «из Тагаурского ущелья и из Алагирских и Куртатинских гор» [2]. По списку коменданта Моздока Цыклаурова, в 1825 г. их численность составляла 88 семейств, в том числе 233 человека обоего пола. Однако эти осетины выступили против обращения их в казачье сословие и в прошении на имя Тифлисского губернатора просили «избавить их от казачьей службы, к которой ни они, ни предки их не привыкли». Несмотря на просьбу, 15 июля 1829 г. генерал Паскевич потребовал от начальника Кавказской области генерала Эммануеля объяснения, почему «вместо предназначенных к поступлению в казачье сословие из моздокских осетин и черкес, заключающихся в числе 771 души, поступило только 110 новокрещенных черкес.., от чего это произошло и кто виноват, что 661 душа азиатцев до сего времени не принята в военное ведомство» [3]. С получением данного предписания генерал-лейтенант Эммануель приказал полковнику Верзилину принять в Горский полк моздокских осетин и переселить их на земли, «тому полку принадлежащие». Вскоре Верзилин сообщил,

что «упомянутые осетины и черкесы, по их упрямству еще в полк не приняты, а в октябре 1830 г. они подали в Моздокскую горскую управу прошение, в котором жаловались что они зачислены в казачье сословие без испрашения на то Высочайшей воли и, что с того времени им воспрещена всякая отлучка из города, чем они лишены средств к заработкам, а тем самым и способам к выполнению лежащих на них городских повинностей. Они просили разрешения на кратковременные отлучки из города, для извоза главнейшего их промысла» [4]. В 1834 г. генерал Эммануель прибыл в Моздок, «желая заставить осетин и черкесов, там живущих, повиноваться станичному начальству, по случаю обращения их в казаки» и потребовал собрать и объявить им об этом. Однако собравшиеся подняли всеобщий крик: что они не хотят быть обращенными в казаки, и генерал Эммануель, «не успевший уговорить их», представил, по-прежнему, состоять им под ведомством моздокского коменданта [5]. На этом эпопея с обращением в казаки моздокских осетин и черкесов не закончилась. Через пять лет, несмотря на требование генерала Головина об исполнении «давно существующего намерения правительства обратить в казаки моздокских осетин и черкес», генерал Граббе предложил моздокскому коменданту подполковнику Ильяшенко подготовить свое заключение «со всей подробностью: могут ли они обращены быть в казаки без употребления тех мер, какие предлагал генерал Вельяминов» [6], то есть без применения силы оружия. В рапорте подполковник Ильяшенко сообщил, что моздокские осетины «не уклоняются совершенно от воли правительства и просят о своем выше предписании довести до сведения начальства, которое, войдя в их положение, исходатайствовало бы им ... соизволение на прежних правах с тем, что, в случае военных действий с соседственными народами, они обязываются выставить из среды себя 60 человек конных во всем вооружении» [7]. И если же «Его Императорскому Величеству угодно будет отказать им в просьбе, то они по первому объявлению соделаются покорными Высочайшей воле переходом в казачье сословие» [8]. Однако, как оказалось впоследствии, – пишет И. Бентковский, – рапорт подполковника Ильяшенко пришелся лишним потому, что 24 апреля 1839 г. Тифлисский военный губернатор уведомил генерала Граббе о решении по докладу: «о неудобствах обращения моздокских осетин и черкес в

казаки, Государь Император Высочайше повелеть соизволил: «Дело о сем оставить в настоящем положении, не давая ему ни гласности, ни ходу» [9].

Подобная попытка обращения в казацье сословие местных северокавказских народов предпринималась российским военным командованием и раньше. Так, еще до основания Кизляра в 1733 г. кабардинскому князю Эльмурзе Бековичу-Черкасскому было поручено зазывать на казацью службу черкесов, осетин, грузин и армян. За это каждому было обещано по 15 и более рублей годового жалованья на человека [10].

Казацье общество Кизлярского полка, как свидетельствуют архивные материалы, состояло из 188 мужчин и 189 женщин из армян [11]. Закавказские армяне, спасаясь от произвола шахских властей, в 1798 г. приняли подданство России и поселились около Кизляра в трех селениях: Дербентское, Каражалинское и Малахалинское, занимаясь торговлей и садоводством. Однако 38 лет спустя после их поселения на Северном Кавказе правительство подняло вопрос об обращении их в казачество. Связано это было с вооруженными выступлениями горцев против колониальной экспансии царского правительства на Кавказе и необходимостью укрепления Кавказской оборонительной линии, когда указом от 2 декабря 1832 г. жители более 30 близлежащих селений были обращены в сословие линейных казаков, с переименованием селений в казацьи станицы. В число этих станиц попали и армянские селения – Малахалинское, Каражалинское, Дербентское и Парабичевское. Однако через семь лет, в 1838 г., царское правительство исключило упомянутых выше армян четырех станиц из казацкого сословия и обратило их «в гражданское, с обязательством переселиться в окрестности строящегося на реке Куме городе – Святой Крест». Предыстория отмены ранее вышедшего правительственного решения такова: 25 марта 1835 г. поступило прошение на имя командующего Кавказскими войсками, в котором армяне, отказываясь вступить в казацье сословие, писали, что они не чувствуют «себя совершенно сродственными казацкой службе», и что «мы умоляем правительство избавить нас от казацкого сословия; оставить нас в правах и обязанностях коим мы были до состояния указа 2 декабря 1832 г., а если правительству угодно будет занятие нашими поселениями земли... очистить, то мы на все охотно согласимся» [12]. За прошением последо-

вало предписание командующего Кавказским корпусом от 17 августа 1835 г. за № 772, разрешающее армянам переселяться во внутренние области, «где бы они не могли служить стеснением казачьим станицам и казенным селениям» [13]. Их поселили на землях, лежащих на правой стороне Мокрой Буйволы, Грязнушки и Грушевки, наделив при этом 30 десятинами земли на человека [14]. Всего из казачьего сословия были исключены 559 армянских семей в составе 1625 лиц мужского и 1385 – женского пола. Однако 250 семей все же под разными предложениями оставалось в казачьих станицах Кизлярско-Гребенского полка и со временем растворилось среди казачьего населения, занимаясь, как и прежде, виноградарством и садоводством [15].

Во второй половине XVIII в. царское правительство предпринимает меры к обращению в казачество кочевников-калмыков, принадлежащих к племенной группе ойротов и кочевавших когда-то по берегам Тобола и Ишима. В XVII в. они проникли на Урал, а затем перешли Яик и появились в Нижнем Заволжье, оттеснив ногаев, кочевавших в этих местах. В конце царствования Михаила Федоровича калмыки подчинились российскому правительству, а в 1673 г. их хан Аюка вступил под покровительство России. В борьбе против агрессивной политики Турции и Крыма калмыки всегда находились на стороне России и неоднократно принимали участие в походах против крымских и закубанских татар. Царское правительство выплачивало жалованье калмыцкой феодальной верхушке, а также поощряло и разрешало грабежи во время военных походов и набегов на соседние народы. В середине XVIII в. более 200 семей Ака-Цатонина рода, кочевавших по северо-западному побережью Каспийского моря, пытались избавиться от притеснения своего зайсанга, отделились от своих сородичей и согласились принять христианскую веру. С согласия правительства российская администрация на Северном Кавказе и духовенство совершили в 1764 г. таинство крещения, и с этого времени они стали в документах именоваться как «крещенные калмыки» [16].

3 марта 1777 г. Г. А. Потемкин приказал астраханскому губернатору Якоби переселить их на вновь основанную укрепленную линию по реке Терек и присоединить к Моздокскому казачьему полку, «дабы они были русскими в станицах, могли познавать существо закона и забыть кочевую жизнь» [17]. Однако распоряжение

Потемкина осталось невыполненным, и до 1833 г. они кочевали в пределах Астраханской губернии между реками Кумой и Гайдуком [18].

В 1832 г. было создано Кавказское Линейное казачье войско, куда вошли Терский, Гребенской, Кизлярский и Моздокский полки. Они находились в подчинении наказного атамана, сосредоточившего в своих руках военное и гражданское управление. Линия на двойное подчинение казаков себя не оправдала. Был ограничен срок службы. «Положение о Кавказском Линейном войске» 1845 г. четко определяло права и обязанности казаков и предусматривало формирование войсковых единиц из равного числа жителей. Станичные органы управления были поставлены под жесткий бюрократический контроль. Таким образом, правительство законодательными актами четко регламентировало статус вновь образованного сословия.

В 1833 г. калмыки обратились к наказному атаману Кавказского Линейного войска с прошением о наделении их землею между Маджарской и Гайдуковской соляными заставами. При рассмотрении этого прошения специально собранная комиссия, ссылаясь на Генеральный проект размежевания по Кавказской линии, отказала им в наделении просимых земель и отвела пусто-порожные земли в Пятигорском округе между реками Тамузловкой и Карамыком, на территории Линейного войска [19]. Против решения комиссии выступил генерал Вельяминов, который, ссылаясь на приказ Г. А. Потемкина 66-летней давности, предлагал расселить калмыков по станицам Моздокского казачьего полка. «Для ближайшего надзора за их поведением, нежели там, где поселение целыми обществами, они продолжали бы безнаказанно свои привычки, шалости, как это было бы при назначении им земли в Пятигорском округе» [20].

Предложенный генералом Вельяминовым Проект расселения калмыков был одобрен специальной комиссией. В станицы Моздокского казачьего полка предполагалось расселить: в Наурскую, Ищерскую и Галюгаевскую по 10 семейств, Стодеревскую – 5 семейств, в станицы Волжского казачьего полка – Незлобную 15 семейств, в Приближную и Беломечетскую по 10 семейств, в станицы Горского казачьего полка – Курскую 14 и в Государственную – 25 семейств. Калмыки, узнав о предполагаемом расселении их по станицам, прислали в Ставрополь 14 делегатов просить «об оставлении их в

настоящих местах жительства по тому уважению, что переход от кочевой жизни к оседлой, перемене климата и употребление пресных вод на новых местах водворения, неминуемо подвергнут их смертности. А скотоводство – совершенному истреблению» [21]. Они соглашались вносить в казну Моздокского казачьего полка вместо повинностей налог со своего скота из расчета: с рогатого скота по 15 копеек, с лошади по 25, с барана по 5, с верблюда по 35 копеек, а также держать караул из 50 человек на Можарской соляной заставе. По докладной записке ротмистра Власова, численность калмыцкого населения составляла 384 семьи, насчитывающих 1020 душ мужского и 1071 женского пола. Они по-прежнему оставались ламаитами и, по переписи 1840 г., у них было 2 священных хурала с 117 лицами духовного звания, в том числе 45 гелюнгов, 2 гецуля и 65 манжиков [22].

Понимая полную безнадежность задуманного плана по обращению кочующих калмыков в казаки, царское правительство вынуждено было оставить «их в прежнем первобытном состоянии», разрешив кочевать между реками Кумою и Гайдуком, на землях, отошедших в 1861 г. от Астраханской губернии Ставропольской.

Еще одной неудачной попыткой царского правительства «оказачить» коренное население Северного Кавказа было связано с обращением в казачье сословие кабардинцев и абазин аула Бабуковского. В 1790 г. Российское военное командование разрешило горским переселенцам – кабардинцам, абазинцам и закубанским татарам – в числе около 200 дворов основать близ Георгиевска особое поселение, названное аулом Бабуковским. До 1821 г. бабуковцы не привлекались к службе в Российской армии и не несли никаких военных повинностей. Однако в 1821 г. по приказу генерала Ермолова из бабуковцев сформировали военную сотню и подчинили ее командиру Волжского полка. В августе 1822 г. эту сотню переименовали в казачью сотню Екатериноградской станицы и ввели в штат Горского полка. Одновременно аул Бабуковский переименовали в станицу, а жителей обязали выполнять квартирную повинность. Мужское население призывалось на службу с присвоением им форменной одежды Волжского казачьего полка.

Зачисление бабуковцев в казачье сословие встретило решительное сопротивление со стороны последних. В 1828 г. знать бабуковцев (уорки) обратилась с

просьбой вернуть им 100 холопов, которые были у них забраны во время усмирения Кабарды в 1822 г. Владельцев возмущало то, что холопов зачислили без их ведома в казаки; они требовали либо возврата их, либо возмещения убытков. Длительная переписка по этому делу закончилась в 1836 г. отказом, мотивированным военным командованием тем, что бабуковские казаки не имеют права держать у себя холопов, так как они не российские дворяне, а дворяне в туземном понимании. В декабре 1840 г. было подано очередное прошение о решении проблемы дворянства и возврате холопов. Ответ на это прошение бабуковцы получили только в 1844 г.: им отказали в принятии в российское дворянство, но в виде исключения военное командование вынуждено было предоставить им частичные льготы, какими не пользовались другие казаки. Они освобождались от постоянной повинности, получили право владеть холопами, сохранялся местный суд, и число служащих казаков сокращалось до 120 человек. Однако эти полумеры не остановили бабуковцев, и они по-прежнему требовали полного освобождения от казачьего звания и воинских обязанностей. Начались массовые побег бабуковцев за Кубань. Часть из них властям удалось арестовать. В 1858 г. для устрашения было выслано несколько семей наиболее открытых противников и публично наказаны другие при полном собрании всех жителей. Начальник Кисловодской линии полковник Султан Казы-Гирей направил две роты пехоты при двух орудиях и сотню казаков, которые штурмом взяли станицу и арестовали 15 человек из числа так называемых «ослушников» [23].

Несмотря на принятые меры, бабуковцы продолжали настаивать на освобождении их от казачьего сословия и добивались разрешения на выселение их в мирные аулы по рекам Зеленчуку, Кубани и в Кабарду. Эти требования привели военное командование к согласованному решению, и в 1861 г. более половины населения станицы Бабуковской были «освобождены от казачьего ведомства» и расселены, согласно их желанию, по мирным аулам.

Наиболее успешно протекала агитация по переходу в казачье сословие среди осетин-дигорцев и осетин-иронцев, переселившихся на моздокскую равнину и основавших два селения: Черноярское и Новоосетинское. Эти осетины, известные под названием «ерашти»... были вы-

ведены из гор в 1804 г. «в крайней бедности» и на Тереке занимались хлебопашеством и скотоводством. Их переселение происходило под прикрытием русских войск и казаков, о чем сообщал в своем рапорте генерал Булгаков на имя кавказского наместника генерала Тормесова: «Осетины, страдающие от кабардинских владельцев и жительствоющие по обе стороны реки Урух, изъявили мне желание переселиться в кордонной линии Кавказской и быть водворенными между Екатериноградом и Ерашти – селе Осетинском, на Тереке лежащем. Почему я определил часть войск для вывода их, под прикрытием которых они в числе 266 душ вчера взяты и препровождаются к Прохладненскому карантину. Они объявили желание, равно и ныне там жительствоющие, отправлять казачью службу» [24].

На новом месте им отвели участки: «одни – на земле казенной, другие – смежною с нею на даче, взятой в казну в 1812 г. у помещика Реброва» [25]. Учитывая их исключительную бедность, царское правительство не стало с них брать никаких податей, равно как и не принуждать к выполнению повинностей. Еще одним штрихом к сказанному может служить то, что переселенные осетины – «ерашти» – исповедовали в равной степени и ислам и христианство.

Политика военного командования, направленная на переход в казачье сословие осетин-ерашти, была постепенной и уравновешенной в отличие от моздокских осетин, где правительство форсировало события. Так, в 1816 г. генерал Ермолов в письме генерал-майору Дельпоццо писал: «прошу, не упустить из виду, приготовить осетин самым осторожным образом к тому, чтобы со временем составить из них некоторое ополчение, первоначально для внутренней стражи, дабы испытать их способности, а потом для охранения кордона» [26]. В 1824 г. во время формирования Горского казачьего полка осетины-ерашти официально вошли в состав полка, а их селения – Черноярское и Новоосетинское – были переименованы в станицы. В дальнейшем они участвовали в колониальных войнах Российской империи, в заграничных походах и в войне с Турцией 1877–1878 гг. «Непрерывные войны, – писал историк-краевед З. Социев о жителях Черноярской, – выдвинули из станицы несколько имен, скромных чинами, но славных делами, беззаветным мужеством и честным исполнением долга перед отчизной. Не знатность рода, а любовь к бранному

полю, способность отдаваться всем существом ратному делу, увлекая за собой и других, выдвинули их из среды своих станичников. Лица эти следующие: подполковник Моисей Хоруев, подполковник Гокинаев, подполковник Егор Бкинаев, генерал-майор Косьма Занкисов, войсковой старшина Захар Валаев, войсковой старшина Гуржибеков и др.» [27]. Также совершенно безболезненно произошло обращение в казачье сословие и грузин, проживающих в слободе Александровской около Кизляра. В 1838 г. они вошли в состав Терско-Кизлярского полка, слобода Александровская была переименована в станицу, обнесена вокруг плетнем и рвом и «находится в хорошем состоянии» [28]. Станица Шелковская Гребенского войска также раньше была населена грузинами, обращенными в казачье сословие [29].

Исследователь терского казачества С. Писарев приводит процентные отношения казаков-«инородцев» в полках Терского войска на период середины XIX в. Так, в Кизляро-Гребенском полку – 7,2%, Горско-Моздокском – 4,3% [30].

Помимо казачьих общин, где население полностью состояло из казаков-осетин и грузин, в списках терских станиц русско-украинского населения встречаются упоминания и о казаках других национальностей. Так, в посемейном списке станицы Михайловской за 1890 г. есть три семьи казаков из цыган, которые «имущество имеют в шатрах» [31]. А в списках «Племенного состава населения в станицах Сунженского отдела» за 1910 г. значилось в станице Котляревской 6 казаков-осетин, Змейской – 9, Ардонской – 2 казака-осетина и 3 кумыка и в станице Терской – 1 казак-осетин [32]. Подобные примеры не были единичны в казачьих станицах Терского войска. Что же касается большого процентного отношения местного коренного населения в Кизляро-Гребенском полку, то это можно объяснить тем, что образование станиц данного полка происходило в конце XVI – в первой половине XVIII в., когда особенно упрочивались дружеские отношения между казаками и местными народами, а царское правительство еще не помышляло о колониальной экспансии. В состав гребенских казаков, как показывают этнографические материалы, вливались также группы чеченского населения, а также гуноевцы, проживающие в станице Червленая (чеченцы называли ее «Камышовой крепостью»), те, кто не хотел принимать ислам, уходили из горной Ичкерии

в Гудермес, откуда часть их переселилась в Червленую, а часть – в Зибир-юрт и Старый Юрт [33].

Кроме гуноевцев, в гребенских станицах в наши дни живет немало потомков чеченцев, одновременно переселившихся к гребенским казакам из других районов Чечни. Это Егоркины, Бусунгуровцы, Титкины – в станице Червленной, Закаевы и Костиковы – в станице Гребенской и др. В станице Петропавловской жили чеченцы из села Шикарой, не захотевшие принимать мусульманство [34].

Была также попытка князя Барятинского обратить в казачье сословие часть чеченского народа. После того, как в 1852 г. чеченцы «стали переходить в значительном числе и теперь беспрестанно являться с желанием переселиться под покровительство России, князь Барятинский предложил особое положение об управлении чеченцами. Он предлагал, во-первых, назначить начальника чеченского народа с предоставлением ему помощников и необходимых средств; во-вторых, при этом начальнике создать народный суд в составе главного кадия и трех старшин, избранных обществом; и, в-третьих, учредить округа под управлением местных старшин-наибов, а в каждом ауле – аульных старшин, подчиненных окружным старшинам. Но, как отмечал Н. А. Смирнов, эта «нелепая по смыслу и нереальная директива не могла быть выполнена. Она свидетельствует о полнейшем непонимании образа жизни, быта и культуры чеченского народа, равно как и условий существования на Кавказе казачьих станиц» [35]. Поэтому предложение об обращении чеченского народа в казачье сословие не получило дальнейшего развития и было отвергнуто, едва появившись на свет.

Изучая же причины, побуждавшие многоязычных обитателей Предкавказья отказываться от перехода в казачье сословие, в первую очередь, безусловно, просматриваются причины, связанные с коренными изменениями в их образе жизни и хозяйственной деятельности. Так, моздокские осетины, «вышедшие из Тагаурского ущелья и Алагирских и Куртатинских гор», на новом месте поселения получили полную свободу, возможность заниматься любой хозяйственной деятельностью. Они полностью находились под защитой российского оружия и хотя номинально подчинялись в административном порядке местным городским властям, те не мешали им жить по своим национальным законам, обычаям и

нравам. И вот этот идеалистический образ жизни резко нарушается новой политической конъюнктурой, которая полностью изменяет их внутренний уклад жизни, а именно: они должны взять в руки оружие, нести постоянную службу, отбывать постоянную и другие повинности. Именно поэтому предложение о вступлении в казачье сословие по-другому и не могло быть воспринято, и, благо, царское правительство вовремя изменило свое решение и оставило моздокских осетин в «первобытном их состоянии». Такие же причины заставили и Дербентских, Малахалинских и Каражалинских армян отказаться от вступления в казачье сословие, и по их просьбе они были переселены в Ставропольскую губернию, где по-прежнему продолжали заниматься земледелием и торговлей.

Бесперспективным было и волевое решение администрации о зачислении «крещеных калмыков» в казачество с одновременным расселением их по станицам. При этом царская военная администрация совершенно не брала в расчет национальные особенности калмыцкого народа, не учитывала их кочевой образ жизни, полупатриархальный, полуродовой строй, без чего невозможно было рассчитывать на безропотное исполнение «высочайшей» воли, когда одним росчерком пера они превратились бы в казаков.

Что касается выступления бабуковцев – кабардинцев, абазинцев и закубанских татар – против зачисления их в казачье сословие, то здесь надо, видимо, согласиться с мнением дореволюционных историков Кавказа, которые считали, что именно причины внутреннего характера играли здесь решающую роль. Во-первых, при вступлении в казаки бабуковцев обещали уравнивать в правах с российскими дворянами, что не было исполнено. Во-вторых, они не могли принять оскорбительные для них постоянные повинности, когда массы солдат вселялись в жилища и занимали «мужские и женские половины». В-третьих, не могли отвыкнуть от «азиатской свободы», при которой выполнение какой-либо служебной обязанности становилось крайне тягостным; в-четвертых, открытое проявление религиозной нетерпимости, особенно в разгар Кавказской войны. Все эти причины, а именно они в основном доминируют в документах, привели к открытому неповиновению, и «правительство убедилось в том, что бабуковцы положительно доказали совершенную их неблагонадежность и лишили

всякой надежды иметь в них когда-либо полезных слуг России» [36].

Формирование казачьего населения по бассейнам Терека и Сунжи осуществлялось в несколько этапов на протяжении веков, и распределение казаков по войскам не было случайным. Оно обусловлено особенностями последовательного распространения по бассейну Терека и Сунжи все новых неоднородных контингентов пришельцев из разных мест и в разное время.

Несмотря на неизбежное смешение добровольческих пришельцев и переселенцев, а также сильное нивелирующее воздействие на них особого служилого сословного состояния в составе казаков Терской области, прослеживались локальные группы русского и украинского происхождения со значительным влиянием кавказских элементов. Кроме того, выделялись также станицы переходного этнокультурного состава. Следует также учитывать, что за время длительного проживания на Северном Кавказе казаки не только сближались в культурно-бытовом отношении с коренным населением, но и неоднократно бывали сослуживцами по войску.

Глава IV

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ В УПРАВЛЕНИИ ТЕРСКИМ КАЗАЧЬИМ ВОЙСКОМ

1. Формы подчинения в Терском казачьем войске

В историческом контексте, равно как и в плане государственного строительства, среди множества проблем, задач и вопросов, связанных с казачеством, обособленно стоят вопросы интеграции казачества в структуру российской государственности и трансформация его в замкнутое служилое сословие.

Именно военный аспект отношений между российским государством и казачеством послужил впоследствии поводом для государственного закабаления казачества и превращения его в замкнутое военное сословие. Такая постановка вопроса позволяла правительству самостоятельно формировать свою политику в отношении казачества, часто не учитывая его мнение. Это и пре-

доопределило взаимоотношения с обеих сторон. Баланс независимости от государства и государственной инициативы в жизни казачества изменялся в течение XVIII в. в пользу государства, и в XIX в. принял односторонний порядок государственного влияния. Это влияние в отмеченный период приняло особые формы, связанные с введением все большего единообразия казачьих и регулярных армейских частей, и обособление казачьего сословия от остальных сословий страны.

Мероприятия, направленные на реализацию этих задач, принимали все более целенаправленный и унифицированный характер. Хотя правительство видело, что в результате такой политики казачество начинает утрачивать важные черты самобытности, это не меняло общей направленности государственного влияния.

В XVI–XVII вв. Москва все больше обращает внимание на казачество – малороссийское, донское, терское, волжское, яицкое – как естественную силу, способную обеспечить безопасность ее границ. Однако, будучи не в силах сразу подчинить его себе, относится к нему осторожно, снисходительно прощает жалобы как турецких, крымских, ногайских и других правителей, так и частые набеги на свою территорию, всевозможные «шалости» с торговым людом и прямое неподчинение царским грамотам. Один из современных исследователей казачества – В. П. Баканов так формулирует суть такого поведения и его выгодные последствия: «Только политический такт, дипломатическое умение, колоссальное терпение русского правительства помогли прибрать к государственным рукам непокорную вольницу, ее боевую мощь, и поставить себе на службу» [1].

Окончательное подчинение казачества государству приходится на XVIII в. Оно практически совпало с решением основных внешнеполитических задач России.

Как известно, Петр I воспринял от предшественников две главные задачи: завершение политического объединения русского народа и укрепление южных и западных границ. Но лишь Екатерина II завершила решение этих национальных и территориальных задач.

К началу XIX в. территория российского государства в европейской части континента достигла естественных географических границ. В связи с этим закономерно изменяется содержание внешней политики, она начинает выходить за эти границы. Каждый существенный поворот внешней политики России закономерно открывал

качественно новый этап взаимоотношений государства и казачества.

Первая попытка регламентации казачьей службы была предпринята в 1571 г., когда боярин Воротынский составил подробный Устав сторожевой станичной службы. В нем он делил казаков, находившихся на службе у государства, на городских, обязанных обеспечить защиту городов, и станичных, или сторожевых, предназначенных нести охранную службу в степи. Последние, в свою очередь, делились на станичников, вождей-проводников и сторожей. Сторожевые казаки получали более высокое жалованье, чем городские, а также компенсацию за все убытки в разъездах. Для этого лошади, сбруя, вооружение оценивались воеводами, и эта оценка заносилась в особые книги. Подчинялись казаки воеводам в городах, а в степи – выборным атаманам [2].

До конца XVIII в. в отношениях с основной массой казачества, то есть с вольной его частью, государство вынуждено было маневрировать. Ставя задачу ограничить самостоятельность казачьих формирований, подчинить их себе, государство действует то «кнутом», то «пряником»: то дарует земли, то жестоко подавляет всякое недовольство. В начале XVIII в. казаки еще не разделяют в полной мере судьбу стрельцов, но после Булавинского восстания началось решительное ограничение казачьих вольностей – назначенные атаманы и старшины образуют слой войскового чиновничества, послушного правительству, и к нему постепенно переходит власть с одновременным ограничением прав казачьего круга. При этом разрушение самой казачьей демократии шло с двух сторон:

– с внешней, то есть централизованная политика государства, которая тем не менее носила отпечаток действительности из-за желания в какой-то мере сохранить «особость», замкнутость сословия;

– изнутри, поскольку казацкая верхушка, добываясь прав и привилегий дворянства, армейского офицерства, не могла не стремиться к узурпации реальной власти в войсках, делая ее своеобразным залогом в торге с государством.

В первой четверти XVIII в. в положении казачества происходят изменения, и самые важные из них – ликвидация политической самостоятельности вольного казачества и автономия служилых образований. Со времен Петра I казачество стало рассматриваться как один из

элементов вооруженных сил. В соответствии с этим строилась и государственная политика. Так, в 1719–1721 гг. вольное казачество передается в ведение Военной Коллегии. Сущность данной реформы сводилась к тому, чтобы привести вольную казачью силу в надежный государственный «порядок». На это же были направлены и реформы местного управления, которые призваны были следить за отменой выборности атаманов и старейшин в войсках и за введением порядка их назначения. Так, в середине XVIII в. на Северном Кавказе с целью усиления военной и административной власти на местах решено было объединить Терско-Семейное и Гребенское войска в одно. Выступая за объединение этих казачьих войск, кизлярский комендант князь Оболенский в своем рапорте как бы между прочим писал, что гребенские казаки, «хотя и почитаются за лучших воинов», однако «в великом беспорядке находятся, да и выбрать атамана надежного и к правлению способного некого.., что атаману никакого почтения и страха не имеют». Поэтому, считал князь Оболенский, нужно «выбирать в войсковые атаманы от Донского войска знатного и доброго человека, дабы мог он их содержать в добром порядке» [3]. Однако в Петербурге не согласились с мнением кизлярского коменданта, и указом Военной Коллегии от 6 июня 1745 г. астраханскому губернатору было предписано немедленно соединить «для лучшего порядка... семейных казаков в одно ведомство с Гребенским и именовать их одним званием гребенскими казаками, а семейными не называть» [4]. Одновременно с докладом Военной Коллегии Сенат дал согласие во вновь организуемом Гребенском войске навсегда установить атаманов и старшин «непременными», то есть несменяемыми по воле войска, а атаманов избрать из числа гребенских или семейных казаков. Первым войсковым атаманом был назначен Иван Борисов, которому особым указом от 10 июня 1748 г. предоставлялись неограниченные права по примеру атаманов Донского войска. Теперь, согласно указу, все казаки и старшины объединенного Гребенского войска должны были беспрекословно подчиняться войсковому атаману, и «были послушны, и исполнение чинили без всякого прекословия под страхом за противные поступки жестокого истязания», а войсковому атаману «всех старшин и казаков содержать в надлежащей команде и в строгом смотре» [5].

Предоставляя терской командной верхушке негра-

ниченные права (на основании указа от 10 июня 1748 г.), царское правительство формально не возражало против выборов войсковых и станичных атаманов, которые избирались на сходах в присутствии Кизлярского коменданта. В действительности же эти выборы превращались в чистейшую фикцию и нередко сводились к узаконенным махинациям зажиточного казачества для прикрытия своего самоуправства при выборах удобных им кандидатур. Должности, несмотря на ежегодные переборы, занимались отдельными лицами в течение многих лет, и, как правило, передавались по наследству, о чем свидетельствуют письменные источники [6].

Добываясь должностей, званий и привилегий, старшина и зажиточные казаки прибегали к различным обманным подлогам, даже взяткам, поискам рекомендательных писем и аттестатов. Так, бывший атаман Терско-Семейного войска Дементий Ковалев, претендуя на получения звания «подполковника», предъявил рекомендации от генерал-майора князя Черкасского, бригадира и кумыцкого владельца Гирея Ахмет Ханова и аксайского владельца Хаплана Салтамутова. В рекомендациях, восхваляя заслуги Ковалева, они писали, что «атаман Дементий Ковалев ... повышением ранга и к пожалованию знаком достоин» [7]. Для обоснования своего права на получение офицерского звания и дворянства отдельные зажиточные казаки прибегали к легендам о своем «аристократическом» и даже царском происхождении. Так, казак Тихонов, получивший звание полковника, утверждал, например, что его отец, умирая, открыл семейную тайну: предки их якобы происходили из Касимовского владетельного рода, перешедшие на Северный Кавказ вместе с казаками. Интересно, что этой явной небылице поверил и один из исследователей терского казачества Г. Ткачев, убежденный сторонник «аристократического» происхождения казаков, и, комментируя этот вымысел, писал: «Действительно, такой родовитый казак ... не мог появиться на Тереке одиноким; с ним, очевидно, должна быть семья, и даже не малая, приличная царскому Касимовскому роду» [8].

Широкая практика раздачи должностей зажиточной верхушке сократила до минимума выборность в казачьи войска и свела на нет роль когда-то всесильного Войскового круга. Казачья беднота практически отстранялась от избрания ее на руководящие должности, что, естественно, вызывало недовольство рядовой массы и

обостряло борьбу при переизбрании войскового и станичных атаманов.

В 1819 г. генерал А. П. Ермолов окончательно упраздняет выборность как институт самоуправления и придает Терскому войску полковую организацию. По его распоряжению выборные должности атаманов упразднились, а командирами войск и линейных полков были назначены офицеры регулярных войск и линейных полков. Им предоставлялось право заменять и выборных станичных атаманов, по своему усмотрению назначать угодных им станичных начальников [9].

Процесс интеграции терского казачества в систему российской государственности во второй половине XVIII в. проходил болезненно, поскольку казаки не могли оставаться равнодушными к ограничению их вольностей, ужесточением условий государственной службы. А насильственное переселение казаков с насиженных мест в процессе формирования новых казачьих полков не могло не вызывать протеста, который чаще всего принимал формы бойкота и побегов.

Судьбоносным для казачества стал XIX в. Процесс, начавшийся еще при Петре I, вылился в формирование из казаков военно-служилого сословия, подчиненного правительству и верного царскому престолу. Дополнительным импульсом, ускорившим этот процесс, были не только российские события, но и западноевропейские революции, началом которых стала Французская революция. Николай I, потрясенный дворянским восстанием, вынужден был искать защиты в других социальных группах Российской империи.

Правительство было заинтересовано в централизации управления казачеством. При этом оно осознавало необходимость создания свода законодательных постановлений о порядке управления казачьими войсками, казачьим населением, о существе и границах их прав и обязанностей. Этого требовало и состояние внутри сословных отношений, поскольку значительно возросла власть войсковой верхушки, сосредоточившая все управленческие функции в войсковых канцеляриях.

О реформах первой четверти XIX в. трудно сказать, что они носили системный характер и проходили по какому-то определенному плану. По-видимому, это объясняется как известной последовательностью во внутренней политике Александра I, так и меняющейся ситуацией накануне и после Отечественной войны 1812 г.

Тем не менее тенденция к укреплению централизованного управления казачьими войсками явно прослеживалась. Если раньше делами разных войск и казачьих формирований ведали инспекции, будь то Оренбургская, Кавказская или Сибирская, то с образованием Военного министерства (1802 г.) непосредственное руководство казачьими формированиями перешло к нему, а административными, судебными, гражданскими, уголовными делами казачьего населения ведали или Кабинет Министров, или Правительствующий Сенат.

Преобразования в военной сфере были направлены на усиление единообразия различных видов войск, включая и казачество, на максимальное сближение правил службы в казачьих и регулярных войсках. С этой целью был увеличен штатный состав казачьих полков, созданы казачьи артиллерийские части, принят ряд постановлений по обеспечению отставных и раненых казачьих офицеров. Наконец, на казачьи войска были распространены некоторые правила, предусмотренные для регулярных войск: установления жалования для казачьих офицеров и чиновников; выдача казачьим офицерам патентов на чины; установление форм отчетности казачьих полков.

Более целенаправленный и системный характер правительственные реформы казачества приняли во второй четверти XIX в. Так, в 1832 г. началась общая реформа военного управления, еще более ужесточившая условия государственной службы казаков. Примечательно, что в 1833 г. все дела по иррегулярным войскам были переданы в Департамент Военных поселений. Позже, в 1836 г., в «Наказ» при учреждении Военного министерства включены параграфы 396–398, гласившие, что «влияние Военного министерства на войска иррегулярные, состоящие на службе, основывается на тех же началах, какие предписаны по заведованию войсками регулярными» [10]. Это означало, что строевая служба, подготовка, снабжение, вооружение, размещение, передвижение казачьих частей должны находиться в ведении Департаментов министерства, а предметы внутреннего благоустройства войск (дела полицейские, судные, экономические) – в ведении учреждений и лиц, установленных для этого в общем порядке государственного управления.

Военное устройство, порядок управления и службы регламентировались специальными положениями об отдельных видах войск. Но ряд общих постановлений

рассматриваемого периода свидетельствует о сближении казачьих войск с регулярными войсками. В 1828 г. выходит Высочайшее повеление «в видах единообразия в названиях офицерских и нижних чинов казачьих войск» (казак – рядовой, урядник – унтер-офицер и т.д.), а в 1838 г. утверждены правила для состава и построения казачьих войск. Наконец, в 1844 г. шеф жандармов А. Х. Бенкендорф лично составил краткие правила строевой службы для иррегулярных войск.

Как известно, казачьи войска располагались на окраинах Российской империи и использовались правительством для урегулирования отношений с местными племенами и народами. Не было это исключением и для терского казачества.

Началом процесса систематизации управления казачеством послужили Положения, выработанные для войска Донского в 1835 г., урегулировавшие все стороны военного и гражданского управления. Затем подобные положения были выработаны и утверждены для остальных казачьих войск.

Первым документом, юридически оформившим военное и гражданское устройство терских казаков, стало Положение о Кавказском Линейном казачьем войске от 14 февраля 1845 г.

Кавказское Линейное казачье войско было образовано по Высочайшему Указу 25 октября 1832 г. Положения же о его структуре и функционировании были изданы лишь через 13 лет. Кавказское Линейное казачье войско было образовано для борьбы с горским населением. Именно так и объявил об этом Николай I в преамбуле к Положению о Линейном войске.

По сути, это Положение было первым для терских казаков, но далеко не последним. В 1860 г. Кавказская линия по предложению князя Барятинского была разделена на Терскую и Кубанскую области, а вместе с ней было разделено и Кавказское Линейное казачье войско на Кубанское и Терское казачьи войска. В Именном Указе Сенату от 19 ноября 1860 г. говорилось «о некоторых изменениях в Положениях казачьих войск Черноморского и Кавказского Линейного, переименованных в Кубанское и Терское» [11]. При этом правительство намерено было сохранить казачье сословие в обособленном от других российских сословий состоянии, не считая реформы местного управления. Эти меры касались гражданского статуса казачества. Положения о разде-

ленных Кубанском и Терском казачьих войсках теперь подробно регламентировали сословное положение, землевладение, войсковые финансы, промыслы, торговлю, здравоохранение и т.д.

Поскольку воинская служба казачества к этому времени основывалась на сословном землевладении, эти два фактора и предопределяли сословно-правовой статус казаков. Во второй половине XIX в. было запрещено оседлое проживание на казачьих землях лиц не войскового сословия, а также зачисление их в казаки (исключения определялись самим правительством). Запрещался и обратный процесс: в 1852 г. вышло общее запрещение перевода казачьих офицеров в регулярные войска. Очевидно, что эти меры явно носили охранительный характер и свидетельствовали о завершении процесса оформления гражданского статуса казачества в условиях уже отживавшего свое время сословного строя Российской империи.

Далее следовал ряд изданных в последующие годы различных положений, которые к концу XIX в. окончательно упорядочили всю систему управления казачьими войсками на Тереке, подчинив его военно-бюрократической машине Российской империи. Так, например, Положение «Об общественном управлении станиц казачьих войск» (1870 и 1891 гг.), Положение «Об управлении Кубанской и Терской областями» (1869 и 1888 гг.) и др. [12]. Осуществление этих законодательных мер породило глубокие перемены в экономических, социальных и политических отношениях в быту и психологии казачества.

2. Централизация в управлении Терским казачьим войском

Изменения, вызванные централизацией управления, происходившие на протяжении всего XIX в., оказались настолько «существенными и значительными», что уже к концу его казачество стало совершенно «иным по сравнению с тем, каким оно было в начале столетия, не говоря уже о более раннем времени» [1]. Казачество многое утратило из того, что имело, но и многое приобрело.

В Терском казачьем войске централизованное управление осуществлялось несколькими этапами, которые были связаны с внутривойсковыми изменениями в российском государстве.

Расширение военных действий на Северном Кавказе в первой половине XIX в. потребовало от российской администрации введения определенной реорганизации в области управления казачьими войсками. Военные операции против горцев и ответные выступления последних требовали безусловной централизации власти, быстрого решения стоящих перед ними задач. Это положение осложнялось тем, что казацкие отряды, живущие по Тереку и вообще на Северном Кавказе, были разрознены и не связаны между собой, управлялись каждый своим атаманом по их собственному усмотрению. На Тереке в то время проживало Терско-Кизлярское, Терско-Семейное, Гребенское казачьи войска, а также были сформированы Горский и Моздокский казачьи полки.

По своей форме и функциям Терское войско было сходно с другими войсковыми структурами казачьих войск, например, с Донским войском. Вместе с тем были и свои особенности. В отличие от войска Донского, терско-гребенские казаки не имели единого центра – войсковой станицы с развитой управленческой структурой, не было четкой организации войска.

Роль войсковой столицы выполняли те станичные городки, чьи станичные атаманы становились войсковыми. Например, в 1818 г. войсковым атаманом Гребенского войска был Федор Савельевич Зачатов, родом из станицы Червленной, которая и являлась войсковой столицей [2]. В терском казачестве не сложилась словенная группа, которая бы претендовала на роль политической элиты. По этим причинам замена избрания атамана на его назначение прошла в Терских войсках безболезненно. По всей видимости, к этому привели отсутствие дисциплины и своеволие. «Приказ: В лагерь на Сунже, июль 21 дня 1818 г. «неоднократно заметил я, – писал А. П. Ермолов, – в Гребенском казачьем полку беспутство казаков, чрезвычайно нерадивое отправление службы, леность и непослушание» [3]. Далее Ермолов обвиняет в этом атамана Ф. С. Зачатова и отстраняет его от командования, которое передает знаменщику Фролову. После смерти Зачатова в 1819 г. звание войскового атамана было упразднено. Взамен этого были назначены начальники войск из числа армейских офицеров, по выбору главнокомандующего. Первым командиром Гребенского войска по назначению Ермолова стал Евстафий Пантелеймонович Ефимович [4].

В 1832 г. вышеперечисленные казачьи части были

переименованы в полки. Соответственно – Кизлярский, Терский, Гребенской, Горский и Моздокский и вместе с Кавказским, Кубанским, Хоперским, Волжским и Ставропольским полками вошли в состав Кавказского Линейного казачьего войска. По положению, вошедшему в силу 14 февраля 1845 г., войско отделялось от Кавказской области и получило свое внутреннее управление с высшими и низшими учреждениями [5]. Прирожденная военная сила была укреплена и поддержана соответствующей государственной регламентацией, за казаками не только сохранена былая демократия, но и юридически закреплено существование своего самоуправления, суда, собственных финансов, земель и т.д. с главной целью – обеспечить выполнение воинской повинности. Как словие со своей организацией и особой государственной задачей, казаки были совершенно отделены от остальной части населения, вплоть до реформ Александра II [6]. Это было возможно лишь при сохранении в стране сословного строя и осуществлении соответствующих правительственных охранных мер. При этом царское правительство умело использовало царившую в среде казаков веру в свою исключительность и «особенность». Используя терских казаков в своих интересах, оно вовсе не устраняло веры в эту исключительность, а напротив, всячески ее подчеркивало и укрепляло. «Особенность» получила несколько иную форму, которая ярко выделяла казаков из остального населения России, и не только подданного. Об этом говорит, например, такой факт: «С 1827 г. Августейшим Наказным Атаманом всех казачьих войск России стал называться наследник русского престола» [7], и этот церемониальный атрибут просуществовал до 1917 г. Казалось бы, ничего, пустая формальность, но простой казак считал это великим даром, который пожаловал царь за верную службу. При этом эта чисто формальная акция царского правительства подтвердила место и роль казачества в системе российской государственности, его полную в нее включенность. И еще ряд на первый взгляд несущественных социальных атрибутов подчеркивали особенность положения казаков. Их выделяли в тех местах, где они проживали, отделяя казаков не только от горского населения, но и славянского, не казачьего, которое в казачьей среде получило название «иностранцев». Это создавало серьезную проблему во взаимоотношениях как между казаками и горцами, так между казаками и иностранцами.

«Как сословие со своей организацией казаки были совершенно отделены от остальной части населения. Положение о Линейном Кавказском казачьем войске юридически закрепило назначение атаманов правительством, хотя опыт подобного управления, как уже говорилось выше, существовал в терском казачестве еще при наместничестве на Кавказе А. П. Ермолова, и даже раньше. Так, А. И. Козлов указывает на то, что в Гребенском войске еще в середине XVIII в. наблюдается назначение войсковых атаманов. В 1759 г. по указу Военной Коллегии военным старшиной Гребенского войска был назначен Дмитрий Степанов» [8]. Это подтверждается тем, что правительство империи стремилось поставить казачьи войска под свой контроль еще до начала военных действий на Кавказе. Однако эти назначения атаманов не являлись системой, а представляли собой лишь отдельные эпизоды. Юридическое закрепление назначения войсковых атаманов и атаманов отделов в 1845 г. стало четкой системой, сохранившейся с небольшими изменениями до 1917 г.

Социальные привилегии, отделявшие казаков от остального населения, сопровождалась еще и экономическими. По Положению 1845 г., казаки Кавказского Линейного казачьего войска наделялись землей. Царское правительство юридически закрепило землю, на которой проживало Терское войско, и еще присоединило к ней часть земель горцев. «Земли всемилостивейше пожалованные Кавказскому Линейному казачьему войску предоставляются в общественное владение войску» [9]. Однако по положению офицеры получили земельные наделы в пожизненное владение, а каждый казак получил пай в зависимости от его служебного положения.

Земля для казаков была важным фактором товарно-денежных отношений, а не просто экономически важной стороной. Она составляла основу казачества. Однако земли для обеспечения всех казаков не хватало, и царская администрация конфисковывала ее у горского населения.

Наделение землей было важной и наиболее значительной привилегией для казачества, его материальной базой, возвышавшей его над крестьянством. «Казачество это не только и не столько внешние атрибуты. Главное заключалось в его материальной базе, существовавшей как результат системы привилегий, которая возвышала его над крестьянством. Без земельного фонда казачьи

войска не более чем пустышка» [10]. Казачество было освобождено от податей Положением 1845 г. Статья 148 данного положения гласит следующее: «Все лица войскового сословия избавляются от податей, поставки рекрут и по сим Высочайшим Повелением 7 января 1841 г. от денежного сбора собственно на содержание земской полиции» [11]. Реально казачество не несло тех тягот, что и все население России, но кроме привилегий у него были обязанности: воинская повинность, которую несло практически все казачье мужское население, полностью компенсировала поставку рекрутов; существовали и внутренние повинности, такие, как выделение конвоя для различных сопровождений, патрулирование дорог и прочие. Военный Министр граф Д. А. Милютин писал в своих дневниках, что ... если казаки и могут быть названы привилегированным сословием, привилегия их заключается в том, что они стоят в первом ряду государевых слуг, что на плечах их лежит такое, которое может нести крепкое духом и энергическое население [12].

Во второй половине XIX в. в среднем казачий пай на одного мужчину был следующим: в Горском полку – 28,7 десятин, в Моздокском – 53,3 десятин, в Гребенском – 63,7, в Кизлярском – 66,9 и во Владикавказском – 19,5 десятин [13].

«В 1869 г. было обнародовано Положение о поземельном устройстве в казачьих войсках, по которому все казачьи земли делились на 3 части: 1) юртовая – для казаков, живущих в станице, т.е. земля для рядовых казаков; 2) земля, из которой получали наделы генералы, штаб- и обер-офицеры, а также чиновники войскового сословия; 3) земли войскового запаса» [14].

В 1860 г. Кавказская линия была разделена на Кубанскую и Терскую области. Управление в этих областях передавалось областным начальникам, которые были одновременно и командующими войсками. А по завершении военных действий на Кавказе в правительстве все чаще стали поговаривать о невыгодах всеобщего вооружения казачества. Поначалу утверждается жеребьевый порядок службы, а с принятием Устава о воинской повинности срок казачьей службы сокращается, что в значительной степени уравнило представителей различных российских сословий в этом отношении. Станичные земли были объявлены в общинном владении. Лицам не войскового сословия разрешалось селиться и приобре-

тать недвижимость на землях казачьих войск, а с 1870 г. признается всесословный характер станичных обществ. «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» 1891 г. подтверждало всесословный характер станичных обществ. «Положением» было возрождено самоуправление на уровне станичных обществ, но в его ведении остались, главным образом, хозяйственные вопросы и дела, касающиеся военной службы казаков. Полномочия станичных органов вполне сопоставимы с теми правами, которые имели соответствующие сходы, старосты, волостные суды сельских обывателей, то есть крестьян России. Казачьи социумы действительно постепенно стали превращаться в крестьянские общины с их ориентацией на земледелие, но с сохранением продолжительной воинской повинности.

Для решения своих задач на Северном Кавказе царское правительство использовало Терское казачье войско, полностью подчинив его центральной власти. При этом казачество широко применялось как для несения сторожевой и разведывательной службы, так и для ведения боевых операций. Систематизация же самого управления решила ряд внутривластных и внешнеполитических задач России: закрепила за казачеством военную службу в качестве важной государственной повинности, а одновременно с этим и юридически закрепила за ним права и привилегии. Царская администрация смогла умело сочетать управление казачеством сверху с внутренним самоуправлением станичной общины. С 30-х гг. XIX в., в результате политики самодержавия, развитие казачества стало полностью регулироваться имперским правом, хозяйственным укладом империи.

Во второй половине XIX в. в самой казачьей среде происходит социальное расслоение: появляются купцы, чиновники, высшие офицерские чиновники и другие социальные группы. Однако казачество оставалось замкнутой кастой – военно-сословной группой, которая поступила в полное распоряжение военно-бюрократической машины Российской империи, характеризующейся юридически закрепленной системой льгот, привилегий, имеющей взамен определенные обязанности и в силу данных обстоятельств некоторые особенности как в культуре, так и быте.

К концу XIX в. от былой казачьей вольницы остались лишь воспоминания. Казачество стало одной из военно-сословных единиц Российской империи с четко опреде-

ленными правами и привилегиями, вплоть до казачьей демократии на местах, и так же четко определенными обязательствами и повинностями, главной из которых была воинская повинность. Все положения, такие, как официальные государственные акты, точно установили порядок управления, права и обязанности казаков как особого сословия. Государство не только заботилось о подчинении казаков центральной власти и выполнении ими общероссийских задач, но и о том, чтобы казаки стали органичной частью империи.

Таким образом, исследование организационного устройства управления Терским казачьим войском позволяет, на наш взгляд, утверждать, что со второй половины XVIII в., когда в казачестве начался процесс трансформации, оно начало терять атрибуты некой демократии и стало управляться исключительно государственными органами Российской империи и должностными лицами, царем назначаемыми на ту или иную должность.

Бюрократизация системы управления, по мнению кубанского этнографа Н. И. Бондаря, привела к потере контроля над военной организацией, военно-территориальная община (войско) фактически распалась на ряд сельских территориальных общин (станций) [15].

Нужно заметить, что главным источником существования для казачества в этот период становится хозяйственная деятельность, поскольку жалованье казакам было урезано. Государство как Верховный собственник земли передавало войскам часть терского левобережья. Войсковая собственность переходила в пользование станичных обществ, то есть, в свою очередь, земельные наделы передавались казакам в зависимости от должностного положения.

Таким образом, в конце XVIII – первой половине XIX в. правительством делается ставка на самообеспечение казаков продовольствием, наделение их земельными паями, что рассматривается как главная компенсация, вознаграждение за службу, но именно это впоследствии дало казакам повод относиться к другим сословиям с презрением, считать себя выше и благороднее их.

Усилия государства по приданию казачеству черт части социальной структуры российского общества носили двойственный и противоречивый характер. С одной стороны, было очевидно стремление подогнать казаков под общий стандарт. Это касалось и управления войсками, и содержания службы, и регламентации

образа жизни. С другой стороны, осознавая необходимость сохранения «особости» казачества и периодически обнаруживая примеры протеста, государство сознательно шло на выделение его из общей массы населения, но сосредотачивая эти послабления в сфере внутренней жизни войск и создавая искусственные межсословные ограничения.

С образованием Кавказского Линейного казачьего войска в жизни терских казаков наступает новый период, который характеризуется их полным включением в общегосударственную жизнь. С принятием этого Положения терские казаки становятся неотъемлемой частью империи, надежной опорой престола и государства. Положение в 1845 г. не только установило систему управления терским казачеством по военной и гражданской части, но и определило правила приема в казачье сословие.

«В войсковое сословие дозволено было принимать: малороссийских казаков, однодворцев и казенных крестьян, которым представлялись при этом особые преимущества; мещан; вольноотпущенных; получивших свободу по окончательным решениям судебных мест; детей солдатских вдов, вышедших в замужество за казаков Кавказского Линейного казачьего войска; отставных солдат; азиатцев разного наименования» [16]. Данное законоположение вполне отвечало интересам колониальной политики царского правительства на Северном Кавказе. Так как Терское казачье войско, входящее в Кавказскую линию, было малочисленным, то подобные действия позволяли увеличить состав войска и тем самым способствовать успеху дальнейшей колонизации Кавказа. Так, из отставных солдат были образованы станицы Солдатская и Змейская [17]. Население станиц Архонской, Ардонской, Урухской, Пришибской состояло из малороссийских казаков [18]. Станицы Прохладненская, Курская – из казенных крестьян [19]. Эти станицы либо полностью состояли из вышеперечисленного состава, либо им пополнялись. Также существовали станицы, образованные из горского населения, что соответствовало интересам колониальной политики Российской империи в деле подчинения горского населения.

Такие станицы, как Новоосетинская и Черноярская были созданы из осетин. Меры для увеличения казачьего населения на Кавказе принимались, как было сказано в первой главе, и ранее, до 1845 г. Позже, в конце 50 –

начале 60-х гг. XIX в. переход в казачье сословие был юридически оформлен Положением о Кавказском Линейном казачьем войске.

Переводимые в казачье сословие из других социальных групп лица через определенный промежуток времени ассимилировались казачеством, принимали его условия жизни и поведение.

Положение 1845 г. обособило управление Кавказским Линейным казачьим войском, подчинив его Военному министерству по Департаменту Военных поселений как по военной, так и по гражданской части.

В целом «Положение о Кавказском Линейном казачьем войске» 1845 г. создало целую систему функциональных органов, которые обеспечили управление иррегулярных частей на Северном Кавказе. С помощью этих органов правительство управляло и успешно использовало гигантский военный потенциал в лице горских казаков для осуществления колониальной политики на Кавказе, постепенно готовя их к исполнению воинской повинности не только в пределах Северного Кавказа.

По Положению 1845 г., военное и гражданское управление Кавказским Линейным казачьим войском было сосредоточено в одних государственных органах. Как уже говорилось выше, Кавказское Линейное казачье войско «подчиняется в высшем отношении Военному министерству по Департаменту Военных поселений. Главное военное управление войском состоит из главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом и командующего войсками на Кавказе и в Черномории» [20]. По гражданской части войска подчиняются главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом «на том же основании, как подчиняется ему гражданская часть в Кавказской области» [21].

Таким образом, управление Кавказским Линейным казачьим войском было отделено от остальной части населения. Оно подчинялось высшим военным структурам Российской империи. Это соответствовало политике царской администрации. Отделяя казаков от остального населения, правительство ставило его в обособленное положение, и они волей-неволей становились орудием в руках центральной власти.

Положение 1845 г. упорядочило управление казачьи войсками, живущими в бассейне реки Терек. Этим Положением правительство поставило себе на службу мобильные, имеющие необходимый опыт ведения во-

енных операций против горского населения, казачьи войска.

Надо полагать, что этот шаг был прекрасно спланирован российской военной администрацией на Кавказе, после которого правительство оказалось в выигрыше. Так же положительно это отразилось и на казачестве, поскольку оно становилось неотъемлемой частью военно-административной системы России. Положение 1845 г. было лишь первым шагом в создании прочной и эффективной системы управления Терским казачьим войском. Новые преобразования в Кавказском Линейном казачьем войске начались с изменением во внутренней политике империи.

На изменение структуры управления оказали влияние два фактора: во-первых, внутривластные изменения в империи, связанные с буржуазными реформами 60-х гг., нашли отражение в среде терского казачества; во-вторых, окончание Кавказской войны (1864 г.), которое изменило соотношение сил на Северном Кавказе.

На основании Указа от 17 октября 1859 г. были учреждены «Особые временные комитеты» для подготовки проектов реформы казачьих войск. Перед комитетами ставилась задача «вывести казачье население из настоящего ненормального положения ... развить эти поселения в гражданском отношении» [22]. Целью этих комитетов было создание прочной опоры престолу путем укрепления казачьей экономики и сословно-военной структуры.

Окончание Кавказской войны и установление мира изменили функции казачьих войск. Если раньше они несли службу непосредственно на Кавказе, то теперь они становились частью Российских Вооруженных Сил и должны были нести службу за пределами Северного Кавказа. Со временем эта служба перестала отличаться от службы регулярных частей. Немного ранее, а именно в 1860 г., Кавказская линия была, по предложению князя Барятинского, разделена на две части: Кубанскую и Терскую области, при этом была также образована Ставропольская губерния [23]. После этого было создано и юридически оформлено два казачьих войска, получивших название Терского и Кубанского, «с землею, которую они доселе пользовались со всеми войсковыми, общественными заведениями в районе этих войск находящихся» [24].

Изменения в административном отношении повлекли за собой и изменения в управлении как областями,

так и казачьими войсками. Управление вновь созданным войском было разделено на военное и гражданское, в гражданском отношении управление Терским казачьим войском было слито с управлением остальным населением Терской области.

Комитеты, учрежденные для выработки законоположений об управлении Кубанским и Терским казачьими войсками (1859 г.), начали выработку законов в соответствии с реформами в империи и создавшимся политическим положением на Кавказе после окончания Кавказской войны.

Наиболее четко эта задача была сформулирована перед членами Главного комитета, учрежденного в 1865 г.

Решение урегулировать и усовершенствовать систему управления вызвало саботаж и сопротивление со стороны местного чиновничьего аппарата. Переписка, связанная с обсуждением этого проекта, затянулась, что можно проследить по архивным данным, в которых встречаются письма, датированные 1865–1868 гг. Эта переписка обнаружила целый комплекс проблем. Местное Кавказское управление не понимало или не считало нужным понимать необходимость пересмотра системы управления казачьими войсками на Кавказе.

Необходимость усовершенствования системы управления Кавказским казачьим войском исходила не только из потока реформ, прошедших в эту эпоху в России. Реформы 60–70-х гг. XIX в. изменили все внутривнутриполитическое устройство Российской империи. Эти реформы не обошли стороной и Вооруженные Силы Российской империи, в том числе и ее иррегулярные части. Однако была и другая причина, требовавшая пересмотра законоположений, определявших управление Линейным войском. Кавказская война была окончена, Линейное войско, созданное для помощи в военных действиях против горцев, частично теряло свое значение. Необходимо было пересмотреть внутреннее устройство и управление казачьего войска и создать законоположения, по которым управление осуществлялось бы согласно новым представлениям о его роли в государстве.

Дух реформ 60–70-х гг. XIX в. нашел свое отражение и в среде казачества. Появились идеи о разделении властей в казачестве на воинскую, гражданскую и судебную. Проекты, подаваемые сверху, не отвечали интересам ни консервативно настроенной части казачества, ни либералов.

Ход общественно-экономического развития в стране, вызванный падением крепостного права, требовал дальнейшей разработки намеченных преобразований военной организации казачьего войска. При уничтожении сословных перегородок среди гражданского населения консервация их в отношении казачества была анахронизмом [25].

Ко всему прочему, правительство России продолжало укреплять границу на юге страны, где находились казачьи войска. Это ставило на первое место вопрос об открытии границ войсковых земель для переселенцев, и, следовательно, выдвигало проблему максимального приближения управления казачьими войсками к гражданскому управлению империи. Так, в отчете Военного министерства за 1868 г. говорится о том, чтобы «объединить, сколько возможно, казачье сословие с другим, совместно с ним обитающим населением, под одним общим гражданским управлением, сохранив отдельность только в военном устройстве казаков» [26]. На второе место ставились вопросы выхода из войскового сословия и зачисления в него. На третье – изменения в войсковой повинности Терского казачьего войска. Таким образом, эти вопросы необходимо было не просто разрешить, но и совместить с сохранением чистоты казачьего сословия и его особенного положения в социальной структуре Российской империи.

Проблемы данного переустройства стали столь существенны, что «Временные комитеты» решено было преобразовать включением в них представителей с мест. Законотворчество этих компонентов, которое затрагивало важные проблемы казачества, продолжалось до конца 90-х гг. XIX в. Положения, определявшие управление Терским казачьим войском, вырабатывались этими комитетами в соответствии с требованиями внутривнутриполитической ситуации в России, охватывая различные сферы управления и жизнедеятельности Терского казачьего войска. Так, Комитетом были выработаны документы: «Положение об общественном устройстве Кубанского и Терского казачьих войск 1869 г.» [27], такое же Положение в 1888 г., «Положение о воинской повинности и строевом составе Кубанского и Терского казачьих войск 1871 г.» [28], «Положение об общественном управлении станиц в казачьих войсках» от 3 июня 1891 г. и ряд других законоположений.

После образования Терской области необходимо было

создать новую структуру управления Терским казачьим войском. Подобная структура начала формироваться с 1 января 1861 г., когда юридически было оформлено Терское казачье войско. Однако в Указе императора о разделении Кавказской Линии и об образовании новых казачьих войск не отражено каких-либо серьезных изменений в управлении Терским казачьим войском. Оно практически не изменилось, подчинялось оно по-прежнему Военному Ведомству, Главному управлению иррегулярных войск. А наказным атаманом Терского казачьего войска первоначально был назначен начальник штаба Кавказского казачьего войска [29].

Наиболее серьезные преобразования начались с 1865 г., когда управление Терским казачьим войском и управление Терской областью было сосредоточено в одном лице, обязанности наказного атамана Терского казачьего войска стал исполнять начальник Терской области. Однако более существенные изменения в управлении были введены Положением об общественном управлении казачьих войск Кубанской и Терской области от 30 декабря 1869 г. [30]. Это Положение было наиболее последовательным в проведении преобразований в управлении Терским казачьим войском, поскольку максимально приблизило гражданское управление казачьим войском к управлению остальным населением Кавказа, тем самым создав одинаковые для всех органы управления. Терское казачье войско по управлению гражданской частью было подчинено Министерству Внутренних дел и подчинялось общегубернским учреждениям, то есть вопросы судебного, административного, полицейского характера разбирались в губернских присутственных местах.

В военном отношении войско по-прежнему подчинялось Военному министерству. А наказной атаман подчинялся непосредственно главнокомандующему Кавказской армией.

Высшее управление Терским казачьим войском менялось с установлением новых Положений. Общее руководство казачьими войсками было сосредоточено в Военном министерстве. В 1857 г. Департамент Военных поселений был упразднен, а все дела по казачьим войскам были сосредоточены в управлении иррегулярных войск Военного министерства [31].

В 1879 г. это управление было переименовано в Главное управление казачьих войск [32].

«По предметам военной службы Терское казачье войско состоит в ведении Военного министерства и непосредственно подчиняется главнокомандующему Кавказской армией по делам исковым, тяжёбым, полицейским и уголовным общей полиции Терской области и подлежат ведению гражданских правительственных учреждений» [33]. Общие губернские учреждения были введены в Терской области в 1870 г. [34]. Сама область заключала в своих пределах не только земли Терского казачьего войска, но и земли крестьян и горского населения. Должность Наказного атамана Терского казачьего войска была соединена с должностью начальника Терской области. «Военное сословие вступило в те же административные формы гражданской жизни, в каких живут другие сословия в государстве» [35].

В целом реформы были однообразны для всех казачьих войск России, но проходили они по-разному.

Реформы 60–70-х гг. XIX в. планировалось проводить последовательно: увеличить казачий пай, сократить срок службы казака, установить и юридически оформить самоуправление. Однако эти реформы не принесли желаемого результата. Вопрос о сокращении полков так и не был решен, срок службы оставался достаточно длительным по сравнению с регулярной армией, к тому же казак должен был сам справлять себе амуницию, снаряжение и строевую лошадь, что обходилось дорого и, следовательно, для этого требовалось поддерживать материальную обеспеченность казачьего сословия. В этих целях казаки были по-прежнему освобождены от подушной подати и некоторых других налогов, и имели земельный надел намного больший, чем крестьяне российских губерний, но они платили земские и общественные платежи, содержали за свой счет станичное управление.

В 1869 г. кроме Положения об общественном управлении Кубанского и Терского казачьих войск было издано Положение о поземельном устройстве казачьих станиц (21 апреля 1869 г.) [36]. Оно подчеркивало стремление правительства закрепить за Терским казачьим войском его привилегированное положение на Северном Кавказе, главным и отличительным признаком которого был земельный пай.

В 1870 г. было утверждено Положение о воинской повинности и строевом составе в Кубанском и Терском

казацких войсках, которое определило сроки службы, численность и состав казацких войск и в целом упорядочило несение военной службы казаками [37].

В Терском казацком войске наблюдалась такая тенденция: с ростом аппарата управления в войсках увеличивались расходы казацких бюджетов, а доходы войсковых и особенно станичных капиталов снижались параллельно с уменьшением арендного фонда земли. В свою очередь арендный фонд пополнялся за счет казацких паев, что служило причиной столкновений между арендаторами – иногородними и казаками.

Дела по военному устройству находились в ведении Главного управления казацких войск, в функции которого входило наблюдение за выполнением законоположений по казачеству, за снаряжением и службой казацких частей, предложения о преобразованиях, надзор за финансами, межевание земель, то есть, по сути, сосредотачивались все важнейшие функции управления: военные, финансовые, законодательные.

Главное управление казацких войск состояло из Комитета казацких войск и военных отделений (инспекторского, законодательного, поземельно-межевого, хозяйственного, мобилизационного, горского и 4-х гражданских), которые были учреждены в 1879 г.

Комитет казацких войск занимался постоянным рассмотрением дел военного и гражданского быта казацких войск, обладал совещательными правами и состоял из председателя, обязанности которого исполнял начальник Главного управления казацких войск, двух помощников и пяти постоянных членов представителей от Казацких войск в следующем составе: 1 представитель от Донского войска, 1 представитель от Кубанского и Терского, 1 представитель от Оренбургского, Уральского, Астраханского, 1 представитель от казацких войск Западной Сибири, 1 представитель от казацких войск Восточной Сибири [38].

Этот первоначальный состав Комитета к концу XIX в. изменился. Так, если судить по адрес-календарю, опубликованному в Терском календаре 1895 г., то членов комитета стало семь: по одному представителю от Оренбургского, Уральского и Астраханского войск, а начальником Главного управления казацких войск был генерал-лейтенант В. А. Бунаков.

Были предусмотрены и помощники – генерал-лейтенант М. А. Нарбут и тайный советник Н. А. Ленан. Из

этого можно заключить, что один из помощников был по военной, другой по гражданской части.

Комитет был представлен следующим составом: от Донского войска – генерал-майор С. В. Балабин; Кубанского и Терского войск – полковник Я. А. Синюхаев; Оренбургского – генерал-майор А. А. Избышев; Сибирского и Семиреченского (Западная Сибирь) – полковник М. А. Нарбут; Забайкальского, Амурского и Уссурийского (Восточная Сибирь) – войсковой старшина А. А. Милюшин; Уральского – генерал-майор П. В. Мартынов; Астраханского – генерал-майор Н. А. Жоголев [39].

Все законодательные и главные хозяйственные вопросы решались Комитетом, направлялись на утверждение Военного Совета Главного управления казачьих войск. Вся структура органов управления Терским казачьим войском, начиная от подчиненного Военному министерству Главного управления казачьих войск, войсковых атаманов и до отделов, носила преимущественно военный характер, что говорит об окончательной трансформации Терского казачества в замкнутое военное сословие. При этом реформы 60–70-х гг. XIX в. способствовали усилению процесса социальной дифференциации и были юридически закреплены в станичном самоуправлении, которое претерпело определенные изменения, но сохранило допустимую свободу действий. Кроме того, была отменена обязательная запашка земли и сокращен срок службы казаков, да и само управление казачеством было максимально приближено к гражданскому управлению Российской империи.

Из вышеизложенного следует, Терское казачье войско в политическом, экономическом, социальном и военном отношении окончательно превратилось в замкнутое военное сословие, что было на руку колониальной российской администрации на Северном Кавказе. Именно это и составило основу законоположений 60–70-х гг. XIX в.

Однако установившееся управление не имело прочной основы. Это привело к тому, что в 1888 г. было принято новое Положение об общественном управлении Кубанской и Терской областей, по которому менялось и управление Терским казачьим войском [40].

В 1881 г. в силу вошло новое Положение об управлении Терской и Кубанской областями, которое положило начало контрреформам в Терском казачьем войске. Целью контрреформ было усиление власти в управлении Терским казачьим войском и снижение прав станичного

самоуправления. Вслед за ним последовало Положение об общественном управлении станиц казачьих войск от 3 июня 1891 г. [41], которое усилило реакционные силы в станицах, ограничило права схода. В то же время казаки-домохозяева получили права участия в сборе. Следует отметить, что все более существенным становится влияние зажиточного казачества. Более строго определяется выход из войскового состава и зачисление в него, что связано с нехваткой земли в Терском казачьем войске. При этом нужно учесть, что в каждом казачьем войске эти процессы (зачисления и выхода в войсковое сословие) проходили в условиях местных особенностей. Так, на Юге России в Донском, Кубанском и Терском войсках царская администрация стремилась закрыть доступ иногородним на территорию казачьих войск. Об этом свидетельствуют статистические данные о численности войскового и не войскового сословия в Терском казачьем войске. Для примера приведем статистические данные по нескольким станицам [42].

Станицы	Народонаселение за 1878 г.				
	дворов	казачьих		не казачьих	
		муж.	жен.	муж.	жен.
Пришибская	202	558	569	10	8
Котляревская	140	440	445	11	8
Александровская	167	367	400	7	4

Из вышеприведенной таблицы видно, что по станицам число лиц не войскового сословия было незначительным, что и объясняется тем, что доступ на территорию войска был ограничен. Однако в это время наблюдается достаточно большой процент выхода казаков из казачьего сословия, что может быть объяснено многими причинами. Одной из них было создание образа благополучия в среде казачества. Для этого необходимо было представить казачество как богатое и самостоятельное сословие. С этой целью администрация Терской области стремилась избавиться от обедневших казаков. К тому же выход из сословия был обусловлен и экономическим развитием империи, когда для населения России предоставлялись большие возможности в связи с началом разрушения сословных рамок после реформ 60–70-х гг. XIX в.

За 1895 г. из Терского казачьего войска было удалено 140 человек. При этом в данных не указаны причины исключения из войскового сословия, а также нет данных, лица какого пола были исключены – женского или же только мужского. Представленные данные распределены по отделам следующим образом: по Кизлярскому отделу – 43 человека, Сунженскому – 39 человек, Пятигорскому – 58 человек [43].

В то же время в Сибири и на Амуре широко практиковался прием в войсковое сословие, а также шла мощная волна колонизации просторов иногородним населением. Причиной такой политики правительства служила нехватка земли в Терском казачьем войске и, наоборот, избыток ее в Сибири и на Дальнем Востоке.

Терское казачье войско по-прежнему управлялось наказным атаманом, обязанности которого исполнял начальник Терской области. Однако решение гражданских вопросов передавалось из ведения МВД в ведение Военного министерства, то есть управление вновь было подчинено военной структуре, военно-бюрократической машине империи. С этого периода начинается новый этап в системе управления. По нашему мнению, это положение осуществило начало контрреформ в управлении Терским казачьим войском. «Административное и политическое управление (за исключением чинов отдельного корпуса жандармов) Кубанской и Терской областей, Черноморского округа, Кубанского и Терского казачьих войск в том объеме, в котором управление это ведется, по общему узаконенному положению Министерства Внутренних дел, находится в ведении Военного министерства» [44]. «Они непосредственно подчиняются главнокомандующему Кавказским военным округом и Штабу кавказского военного округа» [45].

Таким образом, Терское казачье войско вновь подчинялось в высшем отношении военному ведомству, которое регламентировало все стороны жизни казачества.

Российское правительство на протяжении XVIII–XIX вв. разрабатывало и утверждало всевозможные указы и положения, относящиеся к устройству казачьих войск и, в частности, терского казачества.

На изменения в системе управления казачьими войсками в это время оказывали влияния личности самих царствующих особ, которые сами, в первую очередь, были заинтересованы в приближении казаков к пре-

столу. Во вторую очередь, вся система управления преемствовала одну цель – создание из Терского казачьего войска прочной и надежной опоры престолу.

3. Административно-территориальное разделение Терского казачьего войска

Административно-территориальная структура Терского казачьего войска менялась на протяжении его полуторавековой истории неоднократно. Причиной этому были указы, реформы казачьих войск, связанные с ними передача станиц из одних территориальных округов в другие, политика правительства по увеличению казачьего сословия и образованию новых станиц.

Во второй половине XIX в., после завершения Русско-Кавказской войны и раздела Кавказского Линейного войска, царское правительство приступило к административно-территориальному делению кордонной линии. Для этого в 1859 г. был образован специальный комитет по разработке новых положений по управлению Кубанской и Терской областями, подразумевавший создание ряда законов, способствовавших улучшению системы управления как областями, так и казачьими войсками в целом [1].

После раздела Кавказской линии на Терскую и Кубанскую области начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов затребовал с полков данные о количестве станиц в каждом полку и полные данные по управлению этих станиц. Также было затребовано «Каким сословием была станица увеличена» [2]. Эти данные были подготовлены в областное правление. По этим сведениям фонда «Войскового правления Терского казачьего войска» можно судить о состоянии и количестве станиц Кавказского казачьего войска, точнее, той его части, которая была расположена в бассейне реки Терек [3].

Первоначально Кавказское Линейное войско состояло из восьми бригад, три из которых располагались в бассейне реки Терек. Они состояли из 1-го и 2-го Волжских полков, Горского, Моздокского, Гребенского и Владикавказского полков. Первоначально, к моменту утверждения Положения «О Кавказском Линейном казачьем войске» 1845 г., в полках были станицы. Так, Горский казачий полк состоял из 10 станиц: Екатериноградской, Приближенной, Прохладненской, Солдатской, Павловской (по другим данным – Новопавловской

на Малке), Государственной, Курской, Новоосетинской, Павлодольской и Черноярской [4]. До 1848 г. в Горском полку была и станица Луковская, причисленная затем в Моздокский полк [5].

В архивных документах содержатся сведения о том, что в конце 40-х – начале 50-х гг. XIX в. население этих станиц пополнялось за счет переселенных в Кавказский край казенных крестьян, солдат и малороссийских казаков, а также горского населения. Так, например, станицы Черноярская и Новоосетинская были увеличены за счет осетинских переселенцев.

Моздокский казачий полк состоял из 7 станиц: Галюгаевской, Ищерской, Наурской, Стодеревской, Мекенской, Луковской и Горской [6].

Кизлярский казачий полк состоял из 8 станиц: Бороздинской, Дубовской, Карагалинской, Кизлярской, Александрийской, Александроневской, Старогладковской и Курдюковской. Последние две станицы первоначально относились к Гребенскому полку и были переданы Кизлярскому в 1845 г. [7].

Гребенской полк составляли 6 станиц: Червленая, Шадринская, Новогладковская, Шелковская, Николаевская и Калиновская [8].

Волжские полки составляли 12 станиц:

1-й Волжский: Георгиевская, Саблинская, Верхнеподгорная, Нижнеподгорная, Незлобная.

2-й Волжский: Боргустанская, Кисловодская, Ессентукская, Марьинская, Горячеводская, Бабуковская и Лысогорская [9].

1-й Владикавказский казачий полк состоял из 8 станиц: Архонской, Ардонской, Николаевской, Змейской, Урухской, Котляревской, Александровской и Пришибской [10].

С 1845 г. Кавказское управление по указу императора принимает решение об увеличении казачьего сословия, которое проводилось двумя способами: заселением лиц не казачьего сословия станиц Кавказского Линейного казачьего войска, расположенных по Тереку, и строительство новых станиц с созданием из них новых полков. Пополнение уже существующих станиц проходило в несколько этапов в 40-х – начале 60-х гг. XIX в.

Образование новых станиц осуществлялось одновременно с пополнением людскими ресурсами. Из вновь образованных станиц были сформированы 1-й и 2-й Сунженские полки и 2-й Владикавказский полк [11]. Вновь

образованные станицы были распределены по полкам в следующем порядке: во 2-й Владикавказский казачий полк вошли: Камбилеевская, Сунженская, Галюгаевская, Алкунская, Датинская, Фельдмаршальская, Тарская, Промежуточная и Аки-Юртовская [12].

В 1-й Сунженский полк – Карабулакская, Троицкая, Слепцовская, Михайловская, Тарская и Магомет-Юртовская.

Во 2-й Сунженский – Самашкинская, Закан-Юртовская, Алхан-Юртовская, Грозненская, Петропавловская, Горячеводская, Умахан-Юртовская, Джамалкинская [13].

После разделения Кавказской линии и образования Терского казачьего войска по административно-территориальному принципу оно было разделено на 9 округов, то есть на полковые округа. В каждом было свое правление: так, правление Горского полка было в станице Екатериноградской, правление Волжского полка – в станице Каргалинской, Гребенского – в станице Червленной [14]. Но с принятием новых Положений об управлении Кубанской и Терской областями (1 января 1871 г.) и введением гражданского управления для казачьих войск, собственно территория Терского казачьего войска в административном отношении была разделена на три округа в следующем составе:

1-й округ состоял из станиц Волжского и Горского полков: Саблинской, Александровской, Верхнеподгорной, Горячеводской, Боргустанской, Кисловодской, Эссентукской, Железноводской, Лысогорской, Бабуковской, Екатериноградской, Приближной, Прохладненской, Солдатской, Павловской, Марьинской, Зольской, Новопавловской, Георгиевской, Государственной и Курской. Управление округа находилось в станице Эссентукской [15].

2-й округ состоял из станиц Владикавказского и Сунженского полков: Чернойарской, Новоосетинской, Павлодольской, Моздокской (из Луковской и Горской), Пришибской, Котляревской, Урухской, Змейской, Николаевской, Ардонской, Магомет-Юртовской, Ассиновской, Троицкой, Архонской, Самашкинской, Михайловской, Слепцовой, Карабулакской, Нестеровской, Аки-Юртовской, Промежуточной, Фельдмаршальской, Датинской, Алкунской, Галашевской, Сунженской, Камбилеевской и Тарской. Управление было расположено в станице Ардонской [16].

3-й округ состоял из Моздокского и Гребенского полков: Закан-Юртовской, Алхан-Юртовской, Грозненской, Чертугаевской, Джамалкинской, Умахан-Юртовской, Воздвиженской, Стодеревской, Галюгаевской, Ищерской, Наурской, Мекенской, Калиновской, Кизлярской, Нурдюковской, Александровской, Александрийской, Бороздинской, Дубовской, Карагалинской, Старогладковской, Новогладковской, Шелковской, Шадринской, Червленной и Николаевской. Управление было расположено в станице Червленной [17].

Причем нужно заметить, что положением от 1 января 1871 г. из полков Кизлярского и Гребенского был образован Кизляр-Гребенской, а из Горского и Моздокского – Горско-Моздокский [18]. А 24 июня 1882 г. вышло новое положение о воинской службе Терского казачьего войска. При этом Сунженский и Владикавказский полки объединены в один Сунженско-Владикавказский объединенный полк и другие полки: Кизляр-Гребенской, Горско-Моздокский и Волжский, которые были разделены на три полка «одинаковых названий каждый, но с прибавлением номера очереди; из полков в мирное время на службе находились полки № 1, а на льготе № 2 и 3» [19]. Таким образом, от Терского казачьего войска в мирное время выставлялось 4 полка, а в военное – 12.

В 1862 г. было закончено увеличение казачьего сословия путем причисления других сословий и представителей северокавказских народов, и с этого времени большую часть начал составлять естественный прирост населения [20].

Так, по статистическим данным, в Терском казачьем войске наблюдается следующий прирост населения [21].

Население	Годы	
	1877	1885
Мужского пола	66187	72237
Женского пола	63464	69972
Итого:	129651	142209

На изменение территориальных границ полков оказывало влияние и то, что станицы перемещались вместе со всем населением на другие свободные территории вой-

сковых земель. Так, в статье С. И. Токмечева о станице Урухской есть сведения, согласно которым станица во второй половине XIX в., в силу неблагоприятных климатических условий, была со всем населением перемещена на территорию станицы Змейской, а через несколько лет станица Урухская была перемещена на новую освобожденную территорию на место станицы Незлобной [22].

С утверждением новых Положений об управлении Кубанской и Терской областями, вступающими в силу с 1 июля 1888 г., Терская область была разделена на три отдела – Пятигорский, Кизлярский и Сунженский и четыре округа – Владикавказский, Хасав-Юртский, Нальчикский и Грозненский [23].

Во главе Терской области стоял начальник области и наказной атаман Терского казачьего войска, который в военном отношении пользовался правами начальника дивизии. В непосредственном ему подчинении стоял войсковой штаб, а по гражданскому управлению ему принадлежали все права и обязанности, присвоенные губернатором [24].

Одновременно на основании Высочайшего указа, данного правительствующему сенату от 21 марта 1888 г. и приложенных к нему законоположений, административное и полицейское управление Терской области и Терского казачьего войска, а также и военный состав передавались в ведение войскового кавказского атамана Кавказских казачьих войск и командующего войсками Кавказского военного округа. Управление отделами в военном и административно-полицейском отношении возлагалось на атаманов отделов, а заведование округами в административно-полицейском отношении лежало на начальниках округов. Города Владикавказ и Моздок должны иметь свою отдельную полицию, которая бы подчинялась непосредственно областному правлению [25].

По новому территориальному делению, в каждый отдел вошло неодинаковое количество станиц. Так, Пятигорский отдел состоял из 29 станиц Волжского и Горско-Моздокского полков: Боргустанской, Эссентукской, Горячеводской, Кисловодской, Лысогорской, Подгорной, Незлобной, Александрийской, Георгиевской, Новопавловской, Урухской, Зольской, Марьинской, Старопавловской, Мекенской, Наурской, Ищерской, Галюгаевской, Стодеревской, Луковской, Павлодольской,

Новоосетинской, Черноярской, Курской, Государственной, Екатериноградской, Приближной, Прохладненской и Солдатской [26].

Сунженский отдел состоял из 20 станиц Сунженско-Владикавказского полка: Пришибской, Котляревской, Змейской, Ардонской, Архонской, Тарской, Александровской, Сунженской, Аки-Юртовской, Фельдмаршальской, Нестеровской, Ассиновской, Самашкинской, Михайловской, Слепцовской, Троицкой, Карабулакской, Вознесенской и Терской [27].

Кизлярский отдел состоял из 19 станиц Кизляро-Гребенского полка: Савельевской, Калиновской, Червленной, Шадринской, Новогладковской, Старогладковской, Курдюковской, Каргалинской, Дубовской, Александровской, Бороздинской, Александрийской, Закан-Юртовской, Ермоловской, Грозненской, Петропавловской, Кахановской, Горячеводской и Ильинской [28].

В 1899 г. Терская область была снова разделена, но теперь уже на четыре отдела: добавился Моздокский в результате сокращения станиц в Пятигорском отделе. Округов осталось по-прежнему четыре: Владикавказский, Хасав-Юртский, Грозненский и Нальчикский [29]. В дальнейшем в связи с интенсивной консолидацией населения было принято решение о новом разделе территории Терской области на округа по национальному признаку, со своими центрами [30].

В 1905 г. Терская область по-прежнему состояла из четырех отделов – Пятигорского, Моздокского, Кизлярского и Сунженского. К существовавшим округам – Владикавказскому, Хасавюртовскому, Грозненскому и Нальчикскому – прибавились Назрановский и Веденский [31]. Такое деление области вполне соответствовало распределению в ней главнейших национальностей коренного населения. Казаки занимали все четыре отдела, а местные жители – округа: Владикавказский – осетины, Назрановский – ингуши, Нальчикский – кабардинцы и балкарцы, Грозненский и Веденский – чеченцы, Хасавюртовский – кумыки, кочевья же караногайцев образовали особое Караногайское приставство, входящее в состав Кизлярского отдела [32].

Административно-территориальное деление в целом являлось продуктом изменений в структуре управления, проводимых в Терском казачьем войске. С утверждением каждого нового Положения происходили изменения и в административной структуре Терского казачьего

войска, оставляя неизменным формирование военных структур [33].

При этом нужно отметить, что изменения в территориальном разделении происходили во взаимосвязи с внутривластным положением на Северном Кавказе. Если при учреждении Кавказского Линейного казачьего войска административное деление устанавливалось «с тем расчетом, чтобы каждая линейная часть, войско или полк обороняла своими силами всю территорию, занятую ее поселениями» [34], то с окончанием Кавказской войны (1864 г.) было установлено деление, отвечающее требованиям гражданского, полицейского и административного устройства в Российской империи, касающегося Терской области. Создание в 1888 г. отделов административно-полицейского деления соответствовало более четкой организации территориального устройства.

Таким образом, в период с середины XVIII – до конца XIX в. терское казачество превращалось в военно-служилое сословие. Взаимоотношения государства и казачества Терска в этот период постоянно изменялись в зависимости от обстоятельств и тех целей, которые преследовало правительство:

- введение все большего единообразия казачьих войск и регулярных армейских частей;
- стирание межсословных различий казачьего населения и остального населения страны.

Глава V

СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ ТЕРСКИМ КАЗАЧЬИМ ВОЙСКОМ

1. Управление военной частью Терского казачьего войска

Отличительной чертой казачества как социального слоя народов России на протяжении ряда веков являлось его отношение к Вооруженным Силам страны. Правительство сумело разглядеть пользу от воинской службы казачьих войск. Поэтому оно не только способствовало формированию новых казачьих войск и полков, но и численно увеличивало существующие, о чем красноречиво говорит история Терского казачества.

Воинская служба стала главной и первоочередной задачей казачьего сословия. Официальные законоположения, определившие условия исполнения воинских повинностей для терского казачества, были разработаны царским правительством лишь со второй половины XIX в. Среди принятых документов можно выделить следующие: «Положение о Кавказском Линейном казачьем войске» (1845), Указ «О сокращении службы в Кубанском и Терском войсках» (1864), «Положение о войсковой повинности в Кубанском и Терском казачьих войсках» (1870).

Особо отметим, что положениями определялись, во-первых, территории и территориальные округа, причем станицы в округе делились на сотни. «Каждый казак во фронте чувствовал стремя того же товарища, плетень которого граничил с его двором в станице» [1]. Тем самым соблюдалась взаимопомощь во время боевых действий, рассчитанная на то, что соседи или родственники будут действовать более согласованно. Этот способ формирования казачьих войск вел свое начало из Малороссии, и правительство просто применило его для комплектования новых казачьих войск. Во-вторых, состав войск, которые формировались из казаков, несших кордонную службу на Кавказской линии: 1) команда Гвардейских Линейных казаков Собственного Его Императорского Величества Конвоя; 2) 17 конных полков, составлявших 8 бригад; 3) одна конно-артиллерийская бригада; 4) дивизион в составе Кавказского свободного иррегулярного полка, находившегося при действующей армии [2]. Все полки имеют шестисотенный состав [3]. Из полков было образовано 8 бригад: Кавказская, Лабинская, Кубанская, Ставропольская, Хоперская, Волжская, Горская, Владикавказская, Моздокская, Гребенская и Кизлярская [4]. Также было решено сформировать 3-й Лабинский казачий полк, который поступал во вторую бригаду, и 1-й и 2-й Сунженские полки, составившие новую 9-ю бригаду [5]. В 1860 г. произошло разделение Кавказского Линейного казачьего войска на Кубанское и Терское казачье войско. Всего в Линейном войске насчитывалось 10 бригад [6].

Положение 1845 г. формально заменило выборность войсковых начальников назначением их правительством из офицеров регулярной армии. «Бригадные командиры назначаются из штаб-офицеров регулярной армии Высочайшими приказами» [7]. Это, по сути, приравнива-

ло казачьи войска к регулярным частям Вооруженных Сил Российской империи. Служба в регулярной армии России длилась 25 лет. Для казаков она была пожизненной.

Служба в Кавказском Линейном казачьем войске совпадала по основным направлениям со службой других казачьих войск, но имела вместе с тем и свою специфику. Как и в других казачьих войсках, она была двойкой – внутренней и полевой. «Полевая, в свою очередь, подразделялась на линейную в пределах войска и внешнюю – вне границ войска и вне пределов Кавказского края» [8]. При этом срок службы не ограничивался. Так, например, Линейный казак служил до глубокой старости.

Полевая служба делилась в свою очередь на: 1) службу линейную в пределах расположения Кавказского Линейного казачьего войска; 2) внешнюю службу вне пределов Кавказского Линейного казачьего войска и Кавказского края (к ним относились служащие в Гвардейской Команде и в дивизионе при регулярной армии [9]).

Линейная служба составляла следующие пункты: 1) содержание постов и караулов по кордонной линии; 2) резервы для подкрепления кордонной стражи; 3) во временных отрядах для прикрытия пунктов линии; 4) в конвойных командах [10].

Линейную службу несли все полки по очереди. Так, например, 1-й Кавказский, 1-й Кубанский, 1-й Ставропольский, 1-й Хоперский и 1-й Волжский полки исполняли обязанности кордонной службы, по возможности уравнивательности с передовыми полками тех же наименований, «сохраняя доблестный воинственный дух» [11].

К внутренней службе причисляли лиц «из полевой службы за неспособность к оной или за выслугой положенных сроков» [12]. Во внутренней службе казаки выполняли различные повинности: подводную, дорожную и прочие, а также несли службу в станице [13].

При этом нужно добавить, что внутренняя служба, несмотря на определенные оговорки, официально почиталась наравне с полевой службой, хотя фактически к ней относились как второсортной. Урядники и казаки при утрате способности нести полевую службу, в том числе и по возрастным причинам, зачислялись во внутреннюю службу. Причисленные к внутренней службе казаки исполняли ее по станицам вместе с малолетками.

Урядники и казаки, несшие внутреннюю службу при караулах в станицах, войсковом правлении и в прочих подобных местах, находились в своей одежде, опрятной и соответствовавшей существующей форме. Выход на службу в крестьянской одежде запрещался. На препровождение арестованных, летучей почты, требовавших особенной осторожности, выставлялись всегда хорошо вооруженные отряды. Нижние чины конвойной команды Его Императорского Величества и конно-артиллерийских батарей, служившие урядники во время нахождения дома освобождались от всех видов внутренней службы. Но они обязаны были исполнять общественные и земские обязанности (участвовать в церковной постройке, исправлении станичных паромов, мостов, гатей, дорог, мельниц, сенокосении и т.п.). Их собственные дома освобождались от постоя проходивших полков и команд [14].

Сложной и точной, до деталей расписанной была система содержания Кавказского линейного казачьего полка. Полки и конно-артиллерийская бригада получили содержание как от казны, так и от Кавказского Линейного казачьего войска. Казна оплачивала во время нахождения их на службе жалованье, провиант, фураж, ремонтные деньги, деньги на лечение в госпитале и дорожные деньги штаб- и обер-офицерам. Из войсковых сумм выплачивалось жалованье, а также провиант нижним чинам и из этих же сумм содержались войсковые лазареты и учебные заведения [15]. Урядники и казаки Гребенского и Кизлярского полков, кроме того, на основании древних привилегий и из-за скудного хлебопашества в их местности, получали также муку по 6 четвертей, крупы по 3 четверти на человека. Но хлебное жалованье у них поэтому отменялось [16].

До 1845 г. не существовало законоположений, которыми руководствовались в управлении терскими казаками. «Военное управление Линейным казачьим войском с 1832-го по 1845 г. осуществлялось по усмотрению самого казачьего атамана» [17]. После 1845 г. казачьим офицерским чинам были предоставлены равные права с соответствующими чинами в регулярной армии. Кроме того, была создана целая система управленческих органов, которые заведовали военным и гражданским устройством линейных казаков.

Управление в Кавказском Линейном казачьем войске осуществлялось через Войскового наказного атамана,

Войсковое дежурство Кавказского Линейного казачьего войска, Канцелярию при наказном атамане, Бригадные правления.

Войсковой атаман Кавказского Линейного казачьего войска сосредотачивал в своих руках всю полноту власти как по военной, так и по гражданской части. Первым наказным атаманом Кавказского Линейного казачьего войска был генерал-лейтенант П. С. Верзилин (1832–1837). Наказной атаман назначался из офицеров регулярной армии Высочайшим приказом. Кадровый офицер Петр Семенович Верзилин сразу ознакомил казаков с требованиями, предъявляемыми к служащим в регулярной армии. Эти требования он изложил в приказе по Линейному войску: «чтобы у всех служащих чинов были верховые лошади в хороших телах, чтобы ружья, патроны, шашки, кинжалы и подсумки были приведены в исправность и непременно имелись у каждого..., чтобы форменная обмундировка у гг. штаб- и обер-офицеров и нижних чинов была Высочайше утвержденного образца, хорошо построена и в образцовом виде, чтобы отнюдь не было не обмундированных нижних чинов» [18]. В станицах для поддержания боевой выучки казаков Верзилиным предлагалось регулярно устраивать стрельбы и скачки [19]. По этим приказам можно судить, что еще до принятия Положения 1845 г. терские казаки были подчинены тем же законам, что и служащие регулярной армии. С одной стороны, установление института Наказных атаманов было нарушением древних обычаев казачьей демократии. С другой, для терского казачества это имело позитивный характер, поскольку их разрозненные, не имевшие единой власти, походившие более на разбойничью банду, ватаги имели значительный военный опыт, представляли собой относительно новое сословие профессиональных военных, с четким и отрегулированным управлением.

За 28 лет существования Кавказского Линейного казачьего войска наказными атаманами здесь помимо П.С. Верзилина успели побывать: Николаев Степан Степанович (1837–1848), Круковский Феликс Антонович (1848–1852), Эристов Георгий Романович (1852–1855) и Рутзевич Николай Александрович (1855–1860) [20].

Наказной атаман являлся «непосредственным начальником Кавказского Линейного казачьего войска (КЛКВ). Он назначался и увольнялся Высочайшим приказом и Указом Правительствующему Сенату» [21].

По военной части его права приравнивались к правам командира дивизии, в круг его обязанностей входило содержание в нормальном состоянии казачьего войска и наблюдение за сохранением порядка в нем.

Войсковое дежурство Кавказского Линейного казачьего войска было образовано на основании Положения о Линейном войске 1845 г. В его ведении находились все дела, касающиеся военной службы казаков, а также информация о численности служилого состава: делопроизводство, своевременная доставка военных приказов, ответственность за нормальное содержание списков казаков, соблюдение очереди по службе, информация о численности казаков, об их продвижении по службе.

Войсковое дежурство состояло из одного дежурного штаб-офицера; двух старших адъютантов обер-офицерского состава; трех обер-офицеров [22].

В 1854 г. при наказном атамане Г. В. Эрестове была учреждена канцелярия наказного атамана, которая находилась при штабе Кавказского Линейного войска, созданная непосредственно для производства относящихся к его ведомству дел.

Штаб Кавказского Линейного войска ведал всеми делами, касающимися военного устройства.

Таким образом, военное управление Линейного войска находилось в ведении наказного атамана Высочайшего дежурства и Войскового штаба, а также Канцелярии наказного атамана. Управление Кавказским Линейным казачьим войском было отделено от управления Кавказским краем по военной и гражданской части. Из вышеизложенного следует, что данное устройство было обусловлено интересами действиями на Северном Кавказе и служило интересам колониальной политики царского правительства.

Для управления непосредственно бригадами и полками были созданы Бригадные и Полковые правления. «Бригадное правление – председатель, бригадный командир, заведует полками по военной части» [23].

По положению 1845 г. управление гражданской и военной частью было подчинено военным ведомством.

С окончанием Кавказской войны и с разделением Кавказской Линии на Кубанскую и Терскую области произошли изменения в управлении казачьими войсками. Это привело к упразднению Кавказского Линейного казачьего войска, из которого образовалось два новых, получивших название Кубанское и Терское. Законопо-

ложения 60–70-х гг. XIX в. установили систему управления Терским казачьим войском, которая с незначительными изменениями просуществовала до 1917 г.

В 1860 г. по предложению князя Барятинского Кавказская Линия была разделена на две части: правая ее часть получила название Кубанской области, левая – Терской [24]. Управление в этих областях передавалось областным начальникам, которые были одновременно и командующими войсками. Находящиеся на этой территории казачьи войска сводились в обособленные организации, получившие название Терского и Кубанского, «с землею, которую они доселе пользовались со всеми войсковыми, общественными заведениями в районе этих бригад находящихся» [25]. В условиях установления мира необходимо было передать этим областям не только военное, но и гражданское устройство. Обе эти области вошли в состав России, что потребовало юридического закрепления гражданских прав и обязанностей проживающего там населения. В этих условиях управление Терским казачьим войском не требовало отделения его от управления остальной частью населения, а напротив, правительство видело необходимость в однообразном управлении всем населением области. Указ о разделе Кавказской Линии гласил, что на территории Терской области из 7-й, 8-й, 9-й и 10-й бригад Кавказского Линейного казачьего войска образовать Терское казачье войско. «В управлении Терским казачьим войском руководствоваться Высочайше Утвержденным в 14 день февраля 1845 г. Положением «О Кавказском линейном казачьем войске» [26].

В 1861 г. произошло четкое разделение границ между Кубанским и Терским казачьими войсками. В Терское казачье войско вошли вместе со всеми своими станицами: 1-й и 2-й Волжские полки, составившие 1-ю бригаду, Горский и Владикавказский – 2-ю бригаду, Моздокский и 1-й Сунженский – 3-ю бригаду, Гребенской и Кизлярский – 4-ю бригаду [27]. Также в ведение Терского казачьего войска переданы были полки 2-й Сунженский и 2-й Владимирский, которые до этого находились в ведении кордонного начальства.

Главное военное и гражданское управление подчинялось начальнику Терской области. С 1865 г. с ней была соединена должность наказного атамана Терского казачьего войска. После образования Кубанского и Терского казачьих войск наказным атаманом Кубанского казачье-

го войска был назначен наказной атаман Кавказского Линейного казачьего войска. А на начальника штаба Кавказского войска были возложены обязанности наказного атамана Терского казачьего войска [28]. При этом нужно отметить, что прежде наказной атаман зависел от командующего войсками, который в свою очередь находился в подчинении главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом. При образовании Кубанской и Терской областей положено было звание наказного атамана соединить с обязанностями начальника области и командующего войсками. Положение наказного атамана стало более почетным и значительным. Вместе с тем, постановлено было «из статей, составлявших доход бывшего Кавказского Линейного казачьего войска, те, которые находились в исключительном районе одного какого-либо полка или бригады (как, например: нефть, рыболовство при устьях Терека и т. п.) отчислять без разделения в то войско, куда поступает часть, которой эта статья присвоена или в районе которой находится. А войсковой капитал Терского войска положено было разделить между обеими – Кубанской и Терской частями, что и было произведено на основании распоряжения от 16 сентября 1861 г., по расчету 99 708 душ, отошедших в Кубанское войско и 54 341 душ – в Терское» [29].

Наказными атаманами Терского казачьего войска были генерал-майор Христофор Егорович Попандупло (1861–1865), генерал-адъютант Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1865–1875), генерал-лейтенант Александр Павлович Свистунов (1875–1883), генерал-майор Евгений Карнилович Юрковский (1883–1887), генерал-лейтенант Алексей Михайлович Смекалов (1887–1889), генерал-лейтенант Семен Васильевич Каканов (1900), генерал-лейтенант Сергей Евлампиевич Толстов (1900–1905), генерал-лейтенант Алексей Михайлович Колубакин (1905–1908), генерал-лейтенант Александр Степанович Микеев (1908–1912) и генерал-лейтенант Сергей Николаевич Флейшер (1912–1917) [30].

Структура Терского казачьего войска в первые годы после его образования оставалась прежней. Но после соединения должности атамана Терского казачьего войска с начальником Терской области в 1865 г. военное и гражданское управление окончательно было сосредоточено в одних руках.

После окончательного образования Терского казачьего войска в его составе находились 5 бригад: 1-й и

2-й Волжские, Горский и Моздокский, Кизлярский и Гребенской, 1-й и 2-й Владикавказские, 1-й и 2-й Сунженские полки [31]. Также Терскому войску была передана 15-я Резервная Конно-артиллерийская батарея [32]. Численность и состав войск оставались прежними, такими же, как и в Кавказском Линейном войске. Органы управления оставались прежними. Войсковое дежурство Терского казачьего войска исполняло те же функции, что и войсковое дежурство Кавказского Линейного войска, и просуществовало до 1866 г. Ликвидировано с окончанием Кавказской войны.

С принятием Положения «О воинской повинности и содержании строевых частей Кубанского и Терского казачьих войск» произошло изменение в военном управлении Терского казачьего войска в 1870 г. [33]. Хотя вопрос о военных реформах казачьих войск был предложен еще в 1856 г. будущим Военным министром графом Милютиним. По этой реформе поголовная служба казаков заменялась службой добровольцев, предусматривался свободный выход из войскового сословия. Эта реформа была отложена, а впоследствии частично реализована. Но главное оставалось неизменным – это всеобщая служба казаков.

Окончательно структура управления Терской областью и Терским казачьим войском сложилась после утверждения положения о преобразовании Кубанской и Терской области 30 декабря 1869 г. По этому положению было окончательно отменено раздельное управление казаков и горцев. Управление и теми и другими находилось в одних учреждениях [34].

После разделения Кавказской линии Главное войсковое управление Терским казачьим войском было расположено в Моздоке. Однако местный военно-чиновничий аппарат отправил объяснительную записку с пояснениями о нецелесообразности размещения войскового управления в городе Моздоке [35], поскольку в Моздоке большей частью проживает неказачье население, что создает ряд определенных трудностей.

В записке высказано пожелание о «перенесении Войскового управления Терским казачьим войском в станцию Екатериноградскую» [36]. Высказывались при этом преимущества данного предложения: центральное положение; множество военных укреплений; возможность использовать местное население для несения канцелярской службы; многолюдность; расположение Полкового

правления Горского кавказского полка» [37] и прочие.

Преимущество станицы Екатериноградской в качестве столицы Терского казачьего войска было также в том, что после учреждения Кавказского наместничества (1785 г.) она являлась «главным административным центром» [38] на Кавказе.

Этого преобразования не произошло, центром оставался город Моздок, а с утверждением Положения 1869 г. центр как Терской области, так и Терского казачьего войска располагался в городе Владикавказе.

Положение 1870 г. «О воинской повинности и содержании строевых частей Кубанского и Терского кавказских войск» «упразднило бригадные управления. Бригады были переименованы в полки в следующем порядке: 1-й полк – Волжский – был сформирован из 1-й бригады; 2-й полк – Горско-Моздокский – из 2-й бригады; 3-й полк – Кизляро-Гребенской – 3-й бригады; 4-й полк – Владикавказский – из 4-й бригады; 5-й полк – Сунженский – из 5-й бригады [39].

Положение 1870 г. определило общий состав нижних чинов в Кубанском и Терском казачьих войсках. «В Кубанском он составлял 36 000 человек, в Терском – 11 000 человек» [40].

В Терском казачьем войске численность штата на 1872 г. составляла: 15 конных полков (4-сотенного состава), 2 конно-артиллерийские батареи (8-орудийного состава) и один Лейб-гвардии Кавказский Терский казачий эскадрон Собственного Его Императорского Величества Конвоя [41].

Однако в действительности на службе к 1 января 1873 г. в Терском казачьем войске находилось 3 конных полка в Закавказском крае, а 2 полка и 2 конно-артиллерийские батареи внутри войска [42]. Такой состав полков войска просуществовал до 24 июня 1882 г., когда было учреждено новое положение о военной службе Терского казачьего войска, при этом Сунженский и Владикавказский полки соединены в один Сунженско-Владикавказский полк. Этот полк и полки – Кизляро-Гребенской, Горско-Моздокский и Волжский были разделены на три полка. Каждый из них с одинаковым названием, но с прибавлением номера очереди; из полков в мирное время на службе находились № 1, а на льготе – № 2 и 3. Таким образом, от войска в мирное время выставлялись 4 полка, а в военное время – 12. Кроме того, в мирное и военное время выставлялись:

Лейб-гвардии 1 и 2 Терские казачьи эскадроны Собственного Его Императорского Величества Конвоя (из которых один на льготе) и 1-я и 2-я Терские конно-артиллерийские батареи [43].

По Положению 1882 г., бессрочная служба казаков заменялась срочной на протяжении 22 лет, из которых 15 лет казак должен был находиться на полевой службе и 7 лет в качестве внутри служащего.

Полевая служба делилась на 3 разряда.

1-й разряд – **приготовительный** – длился с 17 до 21 года. За это время казак должен был готовить коня, воинское снаряжение и обучаться военному искусству.

2-й разряд – **строевой** – длился 12 лет с 21 года до 33 лет и делился на три очереди, по 4 года в каждой.

1-я очередь – с 22 до 25 лет. Казак первой очереди находился на действительной службе, получал жалованье и провиант.

2-я очередь – с 26 до 29 лет. Казак находился дома, но не имел права продавать амуницию и коня и ежегодно должен был участвовать в трехнедельных военных сборах.

3-я очередь – с 30 до 33 лет – получал право продать коня, но также продолжал являться на сборы.

3-й разряд – **запасной** – с 33 до 38 лет. Казак считался запасным и мог быть привлечен к военной службе только в военное время. С 39 лет казак выбывал из воинских списков, однако исполнял повинности до 45 лет [44].

Таким образом, несмотря на сокращение срока службы, она составляла больший срок, чем служба в регулярной армии. Казак по-прежнему большую часть своей жизни отдавал воинской службе.

Положение 1882 г. также не отменяло обременительный для казачества порядок приобретения на собственные средства обмундирования, коня и упряжи. При этом нужно отметить, что положение провозглашало всеобщую воинскую повинность для всех лиц войскового сословия, подчеркивая тем самым распространение на Терское казачье войско военной реформы в России.

Однако для казачества предусматривались льготы по освобождению от воинской службы. Льготы распространялись на малолеток, обучающихся в высших и средних учебных заведениях; на лиц, занимающихся торговлей и промыслами; на выплату налогов; на находящихся на государственной службе.

Казачьи войска Российской империи, как уже говорилось, были в ведении войскового министерства. Каждое из войск подчинялось Главнокомандующему войсками той или иной области, куда входили казачьи войска, за исключением войска Донского, которое находилось под непосредственным ведением Военного министерства [45]. Так, войска Терское и Кубанское состояли в ведении главнокомандующего Кавказской Армией, а Астраханское казачье войско – в ведении командующего войсками Казанского округа и т.п. [46].

В 1878 г. при наказном атамане Терского казачьего войска был создан Войсковой штаб, руководил которым начальник штаба, «назначенный Высочайшим Приказом по представлению наказного атамана» [47].

«Войсковой штаб руководил деятельностью атаманов отделов по вопросам военного характера, наблюдал за состоянием внутренне войскового характера заданий, за развитием коневодства в назначенных ему станицах, ведал делами снабжения Терского казачьего войска, всеми видами довольствия» [48]. Войсковой штаб Терского казачьего войска просуществовал до 1917 г.

При наказном атамане также была Военная канцелярия командующего войсками Терского казачьего войска, просуществовавшая до 1888 г., после упразднения которой все дела были переданы Канцелярии начальника Терской области.

24 марта 1888 г. принято новое Положение об упразднении Кубанской и Терской областей [49].

Новое Положение подтверждало, что управление Терской области и Терского казачьего войска сосредоточено в одном лице – начальника Терской области, который является одновременно и наказным атаманом Терского казачьего войска. «Управление каждой области образуют: начальник области – он же наказной атаман и областное правление» [50]. Также при атамане было два помощника и Канцелярия. «Старший помощник имеет ближайшее наблюдение за военным образованием казаков служилого состава» [51].

По этому положению Терская область делилась на три отдела. Однако Терское казачье войско «делится на 4 полковые округа: Волжский, Горско-Моздокский, Сунженско-Владикавказский, Кизляр-Гребенской» [52]. Атаманы отделов являются непосредственными войсковыми начальниками, которые в военном отношении руководят подведомственными казачьими полками.

«Атаманам отделов присваиваются права полковых командиров» [53]. Атаман Терского казачьего войска по-прежнему назначался Именным Высочайшим Указом Правительствующему Сенату и Высочайшим Приказом по Военному ведомству [54].

«Атаманы отделов избираются наказными атаманами войска Терского, а определяются и увольняются по представлению командующего войсками Кавказского военного округа и Войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск, Высочайшими приказами по Военному ведомству» [55].

Штаб-квартиры атаманов отделов находились: Волжского полка в г. Пятигорске; Горско-Моздокского в г. Моздоке; Сунженско-Владикавказского в г. Владикавказе; Кизляро-Гребенского в г. Кизляре. Местопребыванием наказного атамана Терского казачьего войска и начальника Терской области был определен город Владикавказ [56].

В областном правлении Терской области делами Терского войска ведало 1-е распределительное отделение Областного правления, возглавлял которое чаще всего старший помощник наказного атамана Терского казачьего войска. В предмет его ведения входили следующие вопросы, которые определялись Положением о воинской повинности и содержании строевых частей Кубанского и Терского казачьих войск 1870 г.: а) наблюдение за исполнением станичными правлениями правил, относящихся до исправного ведения списков малолетних, служащих и не служащих казаков; б) распределение малолетков на служащих по жребью; в) распоряжение по снаряжению, обмундированию и отправлению казаков в полки, батальоны, батареи и команды на службу; г) осмотр казаков, возвращающихся со службы на льготу; д) надзор за обучением военным правилам малолетков, находящихся в станице на льготе; е) перечисление казаков из одного разряда в другой по выслуге лет, по телесным недостаткам и по другим причинам; ж) ведение отчетности о наказе по прохождению службы и вообще все распоряжения, относящиеся до военной службы частей» [57].

Приравнивание терских казаков к служащим в регулярной армии требовало расширения офицерского штата, причем из самого казачьего сословия. После реформы 1870 г. терские казаки получили возможность обучения в военных учебных заведениях. К этому време-

ни потребность в офицерском составе из казаков обнаружилась наиболее сильно. Для этих целей существовали и чисто казачьи учебные заведения. Так, в Новочеркасске был Донской кадетский корпус для детей казачьих офицеров, в городах Ставрополе и Оренбурге юнкерские училища. Могли также для детей казачьих офицеров резервироваться места и в других военных вузах, в том числе и в Академии генерального штаба. Численность контингента, обучающегося в высших, средних и низших военно-учебных заведениях, была незначительной и непостоянной и, по-видимому, зависела от потребности в военных кадрах. В среднем эти цифры по годам составляли [58]:

Военные учебные заведения	1892 г.	1898 г.	1905 г.
В военных академиях	–	1	1
В военных училищах	33	18	13
В кадетских корпусах	28	26	29
В военных школах	21	19	21
В военно-ремесленных школах	14	32	16
Итого:	96	96	80

Сложившаяся система управления Терским казачьим войском в военном отношении просуществовала практически без изменений до 1917 г.

Из вышеизложенного можно прийти к выводу, что к концу XIX в. правительство создало четко сложенный аппарат управления Терским казачьим войском. Из нескольких казачьих отрядов, проживавших по Тереку, не имевших своей столицы и единого управления, менее чем за сто лет удалось создать казачье войско с отлаженной системой управления, со значительным числом войскового состава, которое стало защитником Отечества и опорой престола.

Преобразовывая казачество в замкнутое военное со словие со своей организацией и бытом, правительство не скрывало своего неизменного стремления иметь в лице терских казаков главную опору в создаваемой по-новому системе управления Терской областью. Терское казачье войско было подчинено военно-бюрократическому аппарату империи, выполняло свою главную обязанность – военную службу на благо отечества. При этом

данная система, создаваемая правительством, отвечала интересам России как во внешней политике, так и во внутренней, создав в лице казаков значительный военный потенциал.

2. Управление гражданской частью Терского казачьего войска

С учреждением «Положения о Кавказском Линейном казачьем войске» от 14 февраля 1845 г. направленность свершающегося поворота в правительственной казачьей политике получила еще большую выраженность и рельефность. «Положение» установило систему управления не только военной, но и гражданской частью линейного войска. В гражданском отношении войско отделялось от Кавказской области и получало свое внутреннее управление с высшими и низшими учреждениями.

По «Положению», местное управление гражданской частью Кавказского Линейного казачьего войска возлагалось на:

- 1) наказного атамана Кавказского Линейного казачьего войска;
- 2) Войсковое правление;
- 3) Органы судопроизводства [1].

По части гражданской наказному атаману присваивались права гражданского губернатора. На основании Положения 1845 г., при наказном атамане «создано Войсковое правление, состоящее из исполнительной, гражданской и хозяйственной экспедиции, счетного и контрольного отделов» [2]. Войсковое правление Кавказского Линейного казачьего войска в 1860 г. было преобразовано в Войсковое правление Терского казачьего войска. В 1870 г. с изданием нового Положения об управлении Кубанской и Терской областями, Войсковое управление было упразднено, а функции переданы различным вновь созданным учреждениям.

Штаб Войскового правления был определен еще Положением 1845 г. и состоял из «Председателя, чьи функции исполнял наказной атаман, старшего члена и трех ассессоров» [3].

Ассессоры управляли экспедициями, там же заседали войсковой контролер и казначей [4].

В Войсковое управление входил также войсковой архив, подчинявшийся Исполнительской экспедиции,

и казначейство, принадлежавшее хозяйственной экспедиции [5]. Контрольным отделением заведовал непосредственно войсковой контролер [6]. Должность старшего члена была назначаемой. Он утверждался Высочайшим Приказом, по представлению наказного атамана, а асессоры избирались наказным атаманом и утверждались главнокомандующим отдельным Кавказским корпусом. Казначей утверждался командующим войсками Кавказского военного округа [7]. Войсковой контролер назначается непосредственно Военным министром из лиц неказачьего сословия [8]. Войсковому правлению представлялись права губернских учреждений, что подтверждается статьей Положения 1845 г. «Войсковое управление как главное присутственное место Кавказского казачьего войска управляет всей гражданской частью сего войска, на основании узаконения для губернских Правлений и Палат» [9].

В ведении Войскового правления находились: «сбор, сохранение и употребление войсковых доходов, все денежные и финансовые дела; ремонт войсковых зданий; надзор за умножением целостностью лесов, переправ; охрана войсковых земель; надзор за правильностью земельных наделов; надзор за выдворением иногородних; все торговые дела; земельные запасы; заведование общественным имуществом; рассмотрение исков и тяжб» [10].

Полковые правления, образованные в декабре 1845 г., заведовали военной и гражданской частями в полках Кавказского Линейного войска.

Для линейного войска учреждены следующие полковые правления:

В 1-м и 2-м Кавказском, 1-м и 2-м Лабинском, 1-м и 2-м Ставропольском, 1-м и 2-м Кубанском, 1-м и 2-м Хоперском, 1-м и 2-м Волжском – по одному полковому правлению на каждые из двух полков одного наименования, под председательством бригадного командира. Управление этих полков состоит из председателя и 4 заседателей – по 2 от каждого полка [11].

В полках Горском, Кизлярском, Гребенском, Владикавказском и Моздокском – по одному полковому правлению. В Горском и Гребенском – под председательством бригадных командиров, а в Кизлярском, Владикавказском и Моздокском – под председательством полковых командиров. Полковое правление состояло из председателя и 3 заседателей [12].

Полковые правления ведали делами:

- 1) соблюдали интересы жителей полка;
- 2) отвечали за здравоохранение и продовольствие;
- 3) следили за исполнением распоряжений начальника по охране кордонной линии;
- 4) следили за своевременным получением довольствия;
- 5) за сохранением порядка между горцами и казаками [13].

Полковые правления находились: Горско-Моздокский – в станице Екатериноградской; Волжский полк – в станице Червленной; Владикавказский – в станице Архонской; Сунженский – в станице Каргалинской [14].

Однако в связи с дальнейшим изменением положения дел на Северном Кавказе и с внутривойсковыми реформами в Российской империи в управлении Кавказским казачьим войском произошли изменения, в том числе и по управлению гражданской частью.

В 1860 г. Кавказская линия разделена на Кубанскую и Терскую области. Чтобы придать этим областям не только военное, но и гражданское значение, решено было обособить казачество областей, вследствие чего казаки Терской области были названы Терским казачьим войском. Общие губернские учреждения были введены в Терской области в 1870 г. [15].

Терская область заключала в себе не только Терское казачье войско, но и земли крестьян и горских округов. Войсковое сословие вступило в те же административные формы гражданской жизни, что и другие сословия в государстве. Общественные управления в станицах были подчинены окружным и городским полициям [16].

Терское казачье войско разделялось на 9 округов. Волжская бригада делилась на 2 округа, остальные округа формировали полки в следующем порядке: Горский, Моздокский, Гребенской, 1-й Владикавказский, 2-й Владикавказский, 1-й Сунженский, 2-й Сунженский [17]. Но, по данным Е. Максимова, указано «7 округов» [18]. По-видимому, Волжскую бригаду считали за один округ. В архивных документах указывается, что «как бригада, так и полки имеют по одному полковому правлению, которые заключают в себе в гражданском отношении суд первой степени, полицейское, хозяйственное и административное управление в полковом округе» [19]. В 1869 г. было решено создать три округа и учредить окружные штабы 1-го округа в станице Эссентук-

ской, 2-го округа в станице Ардонской, 3-го округа в станице Червленной [20].

Первый округ был создан из Волжского и Горского полков, второй округ – из Владикавказского и Сунженского полков, третий округ – из Моздокского и Гребенского полков [21].

Комитет, учрежденный для преобразования управления Терской и Кубанской области, решил, во избежание расходов, сосредоточить управление хозяйственной частью в одном хозяйственном управлении, «которое будет заведовать доходами и расходами и всеми хозяйственными учреждениями без посредства окружных правлений, имея прямое отношение со всеми станицами войска» [22]. То есть все финансовые и хозяйственные дела переданы войсковому правлению без посредства окружных, то есть полковых правлений.

В 1870 г. это Войсковое правление было упразднено. Дела по хозяйственной части переданы во вновь образованное Войсковое хозяйственное правление. Дела Исполнительной, Гражданской, Межевой и Поземельной Экспедиций (последние две учреждены уже после раздела Кавказской линии. Первая – для решения вопросов границ между казаками и горцами. Вторая – для рассмотрения поземельных вопросов казаков) «передать во вновь открываемые в Кубанской и Терской области административные, межевые и судебные учреждения, по указанию Главного управления наместника Кавказского» [23]. «По части общественного хозяйства станиц передавать в областные правления» [24]. Контрольное отделение оставить в ведении Войскового хозяйственного Правления.

По положению от 30 декабря 1869 г. [25], упразднились бригадные и окружные управления. Дела передавались в управление атаманов отделов. Дела архива по Инспекторской части также передавались в ведение атаманов отделов. В Терском казачьем войске было образовано два отдела местопребывания управлений, которые находились в станице Екатериноградской и городе Владикавказе [26].

В целом дела по управлению гражданской частью Терского казачьего войска передавались постепенно во вновь создаваемые по образу губернских управлений учреждения.

Терское областное правление возглавлялось начальником Терской области – он же наказной атаман Тер-

ского казачьего войска, которому по гражданской части предоставлялись права вице-губернатора; двумя советниками и одним делопроизводителем.

В 1870 г. была образована Канцелярия общего присутствия, которая была структурной частью областного управления. Ее составляли следующие части: секретарская, эскуиторская, журнальная и регистрационная.

В Канцелярии начальника Терской области были сосредоточены главные учреждения по управлению гражданской частью: 1-е отделение, 2-е отделение, распорядительный стол, гражданское отделение, арестантский стол, ветеринарское отделение, казначейское отделение, поземельный стол, учебный стол, по войсковой повинности, секретный стол [27].

В 1888 г. было Высочайше утверждено Положение об управлении Кубанской и Терской областей и Черноморского округа [28]. «По новому Положению административное и полицейское управление Терского казачьего войска и Терской области находятся в ведении Наказного атамана Кавказских казачьих войск и командующего Кавказским казачьим округом. Военное и административное управления слиты в одних органах и подчинены Военному министру» [29].

Должность начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска соединены в одном лице и ему «принадлежат все права и обязанности, присвоенные по общему Губернскому учреждению губернаторам» [30].

Областные правления выполняют обязанности губернских правлений Терского казачьего войска: «по заведованию землями и всякого рода угодьями и капиталами и иными имуществами, принадлежащими Кубанскому и Терскому казачьим войскам; распределение казачьих земель; общественное управление в казачьих станицах» [31].

Таким образом, к его ведению относились хозяйственные, финансово-экономические и общественные вопросы Терского казачьего войска.

Областное управление Терской области состояло после утверждения Положения от 1 июля 1888 г. из следующих учреждений:

– 1-е распорядительное отделение, возглавляемое начальником и имеющее в своем штате двух делопроизводителей, ведало делами общественного управления

станци, селений, городов, земскими делами и продовольствием;

– 2-е распорядительное отделение, также возглавляемое начальником и имеющее двух делопроизводителей, ведало делами судными, арестанскими, казенными взысканиями;

– хозяйственное отделение ведало делами войскового хозяйства и капиталами Терского казачьего войска;

– лесное;

– строительное.

В своей деятельности каждое из этих отделений руководствовалось специально изданными для него указами об управлении [32].

В административном отношении Терское казачье войско делилось на три отдела: Пятигорский – местопребывание атамана отдела в городе Пятигорске; Моздокский – местопребывание атамана отдела в городе Моздоке; Владикавказский, по другим источникам – Сунженский, – местопребывание атамана отдела в городе Владикавказе [33].

В полицейском отношении города Моздок и Владикавказ должны были иметь свою отдельную полицию, которая бы подчинялась непосредственно областному правлению [34].

«Атаманы отделов подчиняются по гражданской части наказному атаману Терского казачьего войска и областным правлениям» [35].

Подтверждением того, что военное и гражданское управление отделов соединено в лице атамана отдела, является следующий приказ по Терскому казачьему войску: «На основании положений предписываю с 1 июля 1888 г. всем подведомственным мне местам и лицам до сих пор по гражданскому управлению снашавшиеся с начальниками округов Нальчикского, Пятигорского и Грозненского, по военной части с управлением 1-го военного отдела, сносятся с атаманами или управлением Пятигорского отдела» [36]. Далее в приказе говорится: «Документы по гражданской части переправлять в город Пятигорск» [37]. В областное правление входила Канцелярия общего присутствия. Данная система управления сохранялась до 1917 г. с изменениями лишь административного характера. Так, в 1899 г. в Терской области появился новый отдел – Моздокский. Связано это было с реорганизацией Пятигорского отдела, от которого была отделена часть станиц [38]. Округов реорганизация не

затронула, их по-прежнему оставалось четыре: Грозненский, Хасавюртовский, Владикавказский и Нальчикский [39]. В дальнейшем в связи с интенсивной консолидацией местного населения было принято решение о новом разделе территории Терской области на округа по национальному признаку, со своими центрами. В 1905 г. отделы Терской области были поделены на 6 округов – Владикавказский, Назрановский, Хасавюртовский, Нальчикский, Грозненский и Веденский [40]. Такое деление области вполне соответствовало распределению в ней главнейших национальностей коренного населения. Казаки занимали все четыре отдела, а местные жители – округа: Владикавказский – осетины, Назрановский – ингуши, Грозненский и Веденский – чеченцы, Хасавюртовский – кумыки, Нальчикский – кабардинцы и балкарцы, кочевья же караногайцев образовали особое Караногайское приставство, входящее в состав Кизлярского отдела [41]. В своем гражданском устройстве Терское казачье войско не раз претерпевало изменения в управлении. Будучи в составе Кавказского Линейного казачьего войска, оно было обособлено от остального населения Северного Кавказа как в гражданском, так и в военном отношении.

В результате закрепления позиций царской администрации на Северном Кавказе исчезла необходимость использовать казаков как военную карательную силу. Требовался пересмотр в управлении теперь уже Терским казачьим войском. Установление администрации на Кавказе совпадает по времени с реформами в Российской империи, которые повлекли за собой изменения в судопроизводстве, вооруженных силах, гражданском и административном управлении. Это отразилось и на Терском казачьем войске, которое в результате реформ и новых законоположений в гражданском отношении получило то же управление, что и другие социальные группы империи. Реформы конца 60–70-х гг. XIX в. были направлены на максимальное уравнивание в гражданском отношении казачьего сословия с остальным населением.

В результате контрреформ правительство вернулось к тому, что казачьи войска, в том числе и Терское, и в военном, и в гражданском отношении должны находиться в подчинении Военного министра, поскольку они являются военным сословием и гражданские права на них должны распространяться только по усмотрению

Военного министра. Целью этой контрреформы было создание из казачества более прочной опоры престолу не столько от внешних врагов, сколько от внутренних путем его обособления в управлении от остального населения области.

3. Станичное самоуправление в Терском казачьем войске

Самоуправление второй половины XIX – начала XX в. в период трансформации терского казачества в замкнутое военное сословие значительно отличалось от ранней казачьей демократии XVI–XVIII вв. Самоуправление представляло собой станичный и войсковой круг. «В решении дел мог участвовать каждый казак, на войсковой круг посылались выборные от станиц, исполнительная власть была у избираемых кругами атаманов. В вопросах внешней и внутренней политики, а также суда, круги руководствовались основами православного вероучения и обычного права» [1].

Положения 1845 и 1860 гг. создали четкую систему управления Терским казачьим войском. Подчинив центральной власти управление в области и отделах как в гражданском, так и в военном отношении, царская администрация фактически не только не затронула, но даже юридически закрепила станичное самоуправление положениями «Об общественном управлении в станицах казачьих войск» 1870 и 1891 гг.

С установлением централизации управления терским казачеством, и в особенности после подчинения казаков общим губернским законоположением 1870 г., самоуправление и выборность остаются на станичном и хуторском уровнях.

«Положение об общественном управлении станиц в казачьих войсках» 1870 г. закрепляло формы самоуправления, подтверждало оседлость казаков и их территориальное закрепление, регламентировало отношения внутри станичной общины на принципах всеобщей сословной круговой поруки, юридически наделяло исполнительской властью станичного атамана, станичное управление и станичный суд, наделяло законодательной властью станичный сход.

Вопрос об определении в станицах самоуправления встал сразу же после разделения Кавказской области на Кубанскую и Терскую.

В 1865 г. был разработан Проект «Об устройстве и управлении станичных обществ и волостей в Кубанском и Терском казачьих войсках», который и стал впоследствии основой Положения «Об общественном управлении станиц в казачьих войсках». Процесс принятия данного Положения был, по-видимому, очень длительным и сложным. Данный проект был отправлен в казачьи войска для обсуждения как сохранившийся вариант Проекта, и сопроводительное письмо к наказному атаману и начальнику Терской области генерал-адъютанту М. Т. Лорис-Меликову позволяет судить об этом. А в феврале 1866 г. «...по поручению генерал-адъютанта Лорис-Меликова препровождая один экземпляр этого проекта в Войсковое Правление, прошу доставить по нему заключение никак не позже 1-го числа будущего апреля. Присовокупляю, что такой же экземпляр проекта, с сим вместе, отправлен к командирам бригад и полков Терского войска» [2].

После реформ Александра II станичное самоуправление мало чем отличалось от волостного по своему составу и подведомственным делам. В проекте о преобразовании управления станиц в Кубанской и Терской областях отразилось стремление царя-реформатора установить единообразное управление всех губерний и областей Российской империи, и казачество, как видим, не стало в этом исключением [3].

В пояснительной записке к проекту указывается, что для сочетания централизованного управления Терским казачьим войском с сохранившимся станичным самоуправлением необходимо «Выполнять два условия: отдельность станичных обществ в хозяйственном отношении и соединение их в более крупные единицы для удобства администрации и возможности составления общественного суда» [4].

В это время существовали уже сельские общества и «Положения о сельских обществах» от 1861 г. По этому Положению каждое сельское общество имело землю и другие угодья, а также общественные заведения, какие оно в состоянии будет содержать за свой счет. Для управления общественным хозяйством сельское общество имеет свой сход и избираемого старосту. Подобное устройство предполагалось создать и для казачьих станиц. Для этого был учрежден специальный комитет, который полагал возможным применить то же самое устройство к населению Кубанского и Терского казачьих

войск, образовав в них станичные общества и волости [5].

Основные отличия между сельскими и станичными обществами все же существовали: станичная община бессловная. В нее входят простые казаки, чиновники, офицеры и генералы. Станичные общины отвечают круговой порукой за отбывание своими членами воинской и денежной повинностей. Станичный атаман также отличался от сельского старосты тем, что кроме полицейских и общественных обязанностей он нес ответственность за отбывание казаками воинской повинности. Права станичного схода были несколько шире. Он ведал такими делами, «как ходатайство о предоставлении казакам льгот от службы, распределение внутрислужащих на службу по войску и полиции, забота о наличии снаряжения у каждого» [6]. Эти отличия можно объяснить тем, что казачья община была военной единицей. Поэтому главной обязанностью самоуправления оставалось обеспечение порядка в несении воинской повинности.

В Положении «Об общественном управлении станиц в казачьих войсках» подчеркивалось, что станичное самоуправление заведует всеми делами станичного общества и военного и гражданского порядка.

В деятельности станичных органов управления, преобладающей над всеми, проявлялась забота о военной готовности мужской части населения станиц. Этому отводилась большая доля деятельности и схода, и станичного правления, и станичного атамана. Если до 1870 г. воинская повинность и все относившиеся к ней стороны жизни казачества регламентировались военным начальством и военными органами, то с устройством прочного гражданского быта эти функции переходили к самому населению. Этим подчеркивалась степень его гражданской самостоятельности.

На станичные органы возлагалось распределение нижних чинов на внутреннюю службу и полицейские учреждения, принятие мер, чтобы все имели обмундирование и воинское снаряжение [7].

Низовые выборные органы власти Терского казачьего войска должны были, по замыслу правящих классов, играть роль закрепляющего начала в казачестве как особого сословия населения Российской империи, на деле же способствовали усилению экономической и социальной дифференциации самого казачьего населения.

Преобразовывая и укрепляя организацию управле-

ния казачеством, правительство не скрывало своего неизменного стремления иметь в лице казаков главную опору в создаваемой по-новому системе управления Кавказским краем. Казаки должны были оставаться и впредь твердым оплотом государственных интересов в крае. Станицам Терского казачьего войска, сыгравшим свою роль опорных пунктов в войне с горцами в прошлом, было суждено теперь стать надежным щитом колониальной политики на Северном Кавказе.

Станица являлась основной административной единицей на местах в Терском казачьем войске. И хотя внешне станичное общество сохраняло независимость, на самом деле оно находилось под строгим контролем высшего начальства. Надзор за делами станичного самоуправления осуществляли атаманы отделов и войсковые атаманы путем рассмотрения жалоб, ревизиями. Виновных в нарушении законности должностных лиц войсковые атаманы или атаманы отделов могли отстранить от должности и предать суду. У станичного самоуправления были широкие полномочия в полковом правлении, то есть этим самым ограничивались его права. Об этом свидетельствуют архивные материалы. Так, в 1886 г. на имя начальника Нальчикского округа был направлен рапорт из станицы Подгорной. В нем содержалось два общественных приговора этой станицы за № 1051 и 1052 об избрании в должности на будущий 1887 г., а также указывалось, что «Подгорное правление просит Вашему Высокоблагородию утверждение представить помощником атамана назначить урядника Василия Мухортова, доверенными – Ивана Безсонова, Осипа Неручева, Кирила Саломатина и казначеем Павла Сизова, судьями – урядника Ермолая Дубенца, казаков Евсея Кажухина, Ивана Силича, Филиппа Поротова, Ролана Казакова, Леона Тамплинского, Аникея Сизова, Алексея Щипака, Григория Дудко, Макия Селиванова, Павла Гуляева и Самсона Сизова» [8].

Данный документ подтверждает, что должностные лица, даже выборные, требовали утверждения начальства отделов и округов. В этом утверждении могло быть и отказано, что говорит об ограниченности прав самоуправления.

В целом, взаимодействие управления и самоуправления основывалось на отстаивании каждой стороной своих интересов, но при этом в результате соблюдался общий интерес. Казачья инициатива и распоряжения

властей нередко дополняли друг друга. Сохранялась старинная русская традиция – право мирского челобитья казаков на правительственного чиновника или выборного атамана в высокие инстанции, вплоть до Петербурга.

Станичное общество в то же время отвечало за выход на службу и отбывание земских и станичных повинностей казаков, за возмещением недоимок, числящихся на обществе, и т. п.

«После 1870 г. станичные сходы могли и даже должны были учреждать начальные училища, хлебные станичные магазины, устраивать сберкассы, принимать меры для улучшения сельского хозяйства и коневодства. Средства для этих целей брались из станичных сумм. Станичными капиталами распоряжалось станичное самоуправление. Станичные доходы были разнообразны и поступали из различных источников. В целом источники доходов Терского казачьего войска делились по следующим статьям: а) денежные вознаграждения из Российского казначейства за отошедшие в казну питейные сборы; б) доходы с оброчных статей; в) проценты на войсковой капитал, образующиеся в кредитных учреждениях; г) пошлины, собираемые за отдачу в арендное содержание месторождений нефти и нефтяных источников; д) денежные сборы казаков не служилого состава; ж) случайные поступления» [9].

Кроме этих поступлений, казаки несли земские, общественные и смешанные платежи, которые шли на содержание тех или иных государственных или общественных учреждений. Так, земские платежи несли такие статьи, как кордонные посты, содержание фельдшерских и аптек, продовольственного станичного капитала, образования; в общественные статьи входили – содержание должностных лиц, церквей, а также другие расходы за исключением продовольственных; смешанные статьи – содержание почт, ремонт дорог, мостов и общественных зданий [10]. И если земские и общественные платежи исполнялись лишь некоторыми станицами, то смешанные – всеми станицами Терского казачьего войска. Данные платежи составляли значительную сумму. Так, по отчету за 1890 г., «общая сумма, так называемых земских, общественных и смешанных платежей исчислена нами в 92 885 рублей 79 копеек. Именно эту сумму уплачивает казачье население по разверстке между собой. Этот платеж составляет податную тяготу, о которой каждый пла-

тящий казак должен лично озаботиться» [11]. Казаки несли и другие платежи, но они уже выплачивались из доходов от оброчных статей. Таковыми являлись: «доходы с общественных земельных угодий, сдаваемых в аренду, арендная плата с рыбной ловли, с общественных зданий, с усадеб, занятых постройками «иностранодних», поместная плата с базаров и ярмарок, штрафы наложенные станичным судом и т.п.» [12].

Доходы от этих статей, вместе с перечисленными выше, а также платежи, получаемые от казаков, составляли крупную сумму. В 1889 г., по данным Е. Максимова, эта сумма составила по отделам:

Сунженскому – 50 133 рубля 95 копеек;

Кизлярскому – 84 421 рубль 71 копейка;

Пятигорскому – 110 957 рублей 81 копейка;

что в общем составило 245 513 рублей 47 копеек. Собранные таким образом суммы не всегда расходовались целиком и зачастую поступали в станичные капиталы [13].

Этот доход распределялся соответственно по станицам и использовался на нужды станичного общества, которые были различны. Решение о том, как могут быть использованы общественные капиталы, принимал станичный сход. Это решение утверждалось полковым правлением. Использовать деньги могли на покупку тех или иных необходимых для станицы материалов, покупку принадлежностей для школ. Из этих денег могли отчислять средства на содержание сирот, престарелых и одиноких казаков, а также для других различных целей.

Важнейшей задачей самоуправления было управление казачьим землепользованием. Размеры наделов и другие вопросы землепользования были отражены специальным положением по этому вопросу, изданному в 1869 г. Однако конкретные вопросы по земельным делам казачьей общины решались станичным сходом и утверждались высшим начальством. Какой пай и в каком месте станичной земли должен был получить каждый домохозяин, решал станичный сход. По этому вопросу возникало больше всего споров, доходивших до станичного суда.

В целом казачье самоуправление ведало большим кругом дел, касающихся станичного общества. И как ни ограничивалось самоуправление со стороны окружного начальства, оно сохраняло значение казачьей инициативы.

Сфера вопросов и функции станичного самоуправления были строго разграничены. Каждый из составляющих станичное управление занимался своим кругом дел. Станичное самоуправление состояло из:

1) станичного схода (сбора), в руках которого была законодательная станичная власть. На сходе принимались самые важные дела, решались трудные вопросы, выбирались должностные лица станичного самоуправления, происходило деление земельных участков;

2) станичного правления и станичного атамана, которые являлись представителями исполнительной власти в станице. В их ведении были такие вопросы, как наблюдение за порядком в станице, исполнение казаками повинностей, в том числе и военной, и решение ряда бытовых вопросов;

3) станичного суда, который разбирал споры и тяжбы, а также мелкие преступления, касающиеся лиц станицы как войскового, так и не войскового сословия.

Эти ветви станичной власти решали большую часть станичных дел и обладали значительными полномочиями. Все должности и органы станичного управления были выборные, и значит, отвечали за свою деятельность перед выбравшими их станичниками. Это дает повод полагать, что действовали они в интересах станичного общества, что «исполнительную власть в станицах осуществляли представители зажиточной верхушки казачьего сословия» [14].

Положение об общественном управлении станиц в казачьих войсках, Высочайше утвержденное 3 июня 1891 г. [15], стало следствием того, что в 1888 г. Управление казачьими войсками было передано из Министерства Внутренних дел Министерству Военных дел, что повлекло за собой незначительные изменения в статьях о самоуправлении, в целом сохранив ту же систему. Как уже говорилось выше, станичное самоуправление «в каждом станичном обществе составляют: 1) станичный сбор; 2) станичный атаман; 3) станичное правление; 4) станичный суд» [16].

Станичный сход (сбор), в прежние времена именованный «кругом», издавна представлял собой важный орган казачьей демократии. На нем избирались должностные лица исполнительной власти, решались важные вопросы внутреннего приговора по различным преступлениям, то есть выполнялась роль законодательных и судебных органов казачьего управления. Иными

словами, до установления централизованного управления сход был реальной силой, которой были подчинены все стороны казачьей жизни.

Под давлением государственного аппарата в период трансформации казачества в замкнутое военное сословие (вторая половина XVIII–XIX вв.) изменялась роль схода, его полномочия были упразднены, оставшись лишь на станичном и городском уровнях. В станичном сходе ранее участвовали все представители войскового сословия. С принятием «Положения об общественном управлении станиц в казачьих войсках» 1870 г. состав станичного схода изменился. «Раньше общественные дела решал сход, но затем признано было поручить решение всех общественных дел станичному сбору, состоящему из особо избранных станичным обществом жителей» [17].

Станичный сбор составляли: станичный атаман, его помощник, станичные судьи, казначей станицы и казаки-домохозяева. «Станичный сбор составлялся из всех жителей станицы, казачьего сословия, достигших двадцати одного года от роду, не исключая и служащих, когда они будут находиться в станице, и, кроме того, из всех назначенных, по выбору, станичных должностных лиц» [18]. В станичном сборе чаще всего участвовали выборные от станичных обществ казаки «в станицах, имеющих до 30 дворов, участвовали в сборе все домохозяева; в станицах с числом от 30 до 300 – около 30 выборных; в станицах с числом дворов от 300 до 1000 – по 1-му от каждых 10 дворов» [19]. В среднем станицы Терского казачьего войска, по архивным данным, на 1870 г. имели 300 дворов – 44 станицы [20] и, следовательно, станичный сбор состоял примерно из 30 выборных и должностных лиц станицы. В 18 станицах число дворов незначительно превышало средний показатель [21] и на них распространялся порядок выборов по 1-му кандидату от каждых 10 дворов.

Выборные выдвигались на один год простым большинством голосов. Положения «Об общественном управлении станиц в казачьих войсках», как 1870 г., так и 1891 г. четко определяли список лиц, не имеющих права избирать и быть избранным. В статье 11 Положения 1891 г. говорится: «Право участвовать в выборах и быть избранным не имеют лица, не достигшие 25 лет; состоящие под следствием или судом; отданные под надзор общества по решению суда; судившиеся за кражу, мошенничество, присвоение или растрату чужо-

го имущества и судебными приговорами неоправданные, а равно подвергавшиеся по суду заключению в тюрьму или иному более строгому наказанию; лишенные права участия в сборах» [22]. Таким образом, от участия в станичном самоуправлении были отстранены как лица, подвергавшиеся наказанию по общероссийским законам, так и наказаниям станичного суда. Однако это не распространялось на дисциплинарные взыскания. «Лица казачьего сословия, подвергшиеся взысканиям в дисциплинарном порядке, не лишаются права участия в станичных сборах» [23].

Законодательные акты касались не только казаков, но и лиц не казачьего сословия, так называемых «иногородних». В Положениях рассматривается участие их в станичном сходе. Во второй половине XIX в. в станицах проживало немалое количество лиц не войскового сословия. Правительство было заинтересовано в распространении других сословий в казачьей среде. Именно «иногородние» несли в замкнутую среду терского казачества элементы буржуазного развития. Благодаря появлению «иногородних» в терском казачестве более выражено стали проявляться тенденции экономической дифференциации. К тому же очень часто это были богатые люди, и невозможно было лишить их права участия в общественной жизни станицы, так как они наряду с войсковым сословием несли все платежи и повинности. «Они, как оседлые жители, не могут иметь потребности в учреждаемых на общественный счет училищах, запасных хлебных магазинах и тому подобных заведениях. Нельзя не признать право участия в делах, на сколько таковые будут до них относиться» [24]. Так объяснялось положение «иногородних» по отношению к общественной жизни в станице в пояснительной записке к Проекту о преобразованиях в управлении станиц в казачьих войсках. Этот документ содержал параграф относительно прав лиц не войскового сословия: «Лица, не принадлежащие к казачьему сословию, но имеющие оседлость и занятия в станице, участвуют в станичных сборах, по одному с каждого семейства, и входят в рассуждения только по тем предметам, которые к ним относятся, как то: по отбыванию земских и общественных повинностей, при суждении об общественных нуждах и пользах, при выборе должностных лиц и при суждении об удалении из общества вредных и порочных людей» [25].

Безусловно, права лиц не войскового сословия в станице были ограничены. Они не могли принимать участия в решении серьезных вопросов, касающихся, например, земли. Была ограничена их численность и на сборах. Но следует учесть, что они могли принимать участие в выборе должностных лиц станицы, то есть могли рассчитывать, что выбранное ими лицо не будет действовать им во вред. Что касается низкого процента участия в сборах, то этому причиной – малочисленность «иностранцев» в сравнении с казачьим сословием. По отчету главного управления иррегулярных войск, в Терском казачьем войске к 1.01.1878 г. было «лиц духовного сословия обоюбого пола – 513 душ; лиц войскового сословия обоюбого пола – 123 408 душ; из них 63 083 мужского пола; лиц не войскового сословия – разночинцев и отставных – 2266 душ; временно обязанных крестьян – 643 души» [26].

Поэтому подобное распределение участия в сборах было вполне допустимым для сохранения преимущества казаков перед остальной частью населения станицы. Так, например, в станице Слепцовой «на 1495 душ мужского пола войскового сословия приходилось лишь 120 «иностранцев» [27].

Станичный сбор созывался 12–20 раз в год по воскресеньям или предпраздничным дням [28]. То есть, примерно, один раз в месяц, а в остальных случаях и чаще. Первое место на сборе принадлежит станичному атаману, он же отвечает и за порядок на сборе. Из этого общего правила исключаются те случаи, когда сходы собираются: 1) для учета должностных лиц; 2) для рассмотрения жалоб на эти лица. «В сих случаях, первое место на станичных сборах предоставляется лицу, избранному для этого самим сбором» [29]. Время и повестка следующего сбора назначались на каждом предыдущем сборе, а затем утверждались вышестоящим начальством. Статья 13 Положения «Об общественном управлении станиц в казачьих войсках» юридически установила круг ведения дел станичного сбора – это избрание войсковых должностных лиц, заведование войсковым имуществом, рассмотрение смет, составление доходов и расходов общины, сбор денежных и натуральных средств на станичные потребности, строительство станичных училищ, ссудно-сберегательных касс и запасных хлебных магазинов; распределение хлебных запасов и денежных ссуд в станице, распределение земель и угодий между

членами станичных и хуторских обществ в тех хуторах, где нет своих сборов, распределение земских повинностей между казаками, назначение и распределение жалованья должностных лиц; дела, касающиеся военной службы казаков, распределение призывников по родам войск [30]. Станичный сбор также рассматривал ходатайства об исключении из казачьего сословия или прием в него.

В целом вопросы, которые рассматривал станичный сбор, можно разделить на 4 категории. К первой можно отнести приговоры по своим станичным делам – распашка земли, раздел леса, постройка и покупка общественных зданий и т.п. Ко второй – выборы должностных лиц. К третьей – приговоры по открытию или закрытию питейных заведений. К четвертой – приговоры по зачислению и увольнению из станицы разных лиц [31].

Большинство решений станичного сбора вступали в силу лишь после утверждения их полковым правлением. «Решения сборов признавались законными только тогда, когда на сборе были: станичный атаман или замещающий его место, и не менее половины всех, имеющих право участвовать в сборах» [32]. Но существовал ряд особо важных дел, на которых требовалось присутствие 2/3 всех имеющих право участия в сборе. К таким делам относятся: вопрос «О замене общинного пользования землею постоянными участками, о переделах общественной земли, об установлении общественных добровольных складов и употребление общественных капиталов, об удалении порочных жителей из общества и предоставление их в распоряжение правительства» [33]. Как видно из вышеперечисленного, к этим делам относились вопросы землепользования и финансово-экономические вопросы.

На станичном сходе решались дела по семейным разладам, отчуждению имущества, вопросы хозяйственной части, как, например, покупка тех или иных материалов для нужд станицы. Для них требовалось утверждение полкового правления. Так, например, станице Кисловодской были необходимы «деньги из доходов, принадлежащих станице, на покупку пенькового рукава к пожарной трубе» [34]. Вопрос о покупке был решен на станичном сходе, а в полковое правление направлялся рапорт и приговор станичного схода, где окончательно решался вопрос о выделении данной суммы, с расчетом, есть ли у станицы данная сумма. Большинство станичных при-

говоров содержат финансово-экономические вопросы. Как уже говорилось выше, станица сама обеспечивала себе финансовые доходы. Одним из источников таких доходов была плата за аренду земли, как в случае, если бы она использовалась для сельскохозяйственных нужд, так и тогда, когда она использовалась под строительство каких-либо коммерческих зданий, например, аптек, торговых лавок, мельниц и прочих. Станичный сход решал возможность подобного использования станичной земли и устанавливал плату и срок аренды за нее. Фонды ЦГА КБР и ЦГА РСО-А сохранили немало документов, свидетельствующих о подобных вопросах, решаемых на станичном сборе. Так, в рапорте Марьинского станичного управления говорилось, что «приговор станичного общества в том, что оно отдало в откупное держание степь, принадлежащую жителям станицы Марьинской, под пастбища для баранов и конного табуна, внутрислужащему уряднику той же станицы – Филиппу Кузовлеву, сроком с 21 сентября 1866-го до 1 марта 1867 г., ценою за шестьдесят пять рублей серебром, и просит о записании денег в станичной экономической шнуровой книге на приход» [35]. Или второй пример: «Приговор (решение) на прошение Пришибской общины о выделении 14 000 рублей на окончание строительства каменной церкви из государственной казны». Судя по данному документу, сметная стоимость церкви составляла 24 000 рублей. Ссуда выделялась общине на 25 лет с подробным описанием об источниках погашения долга. Согласно условиям аренды, с 1.03.1904-го по 1.03.1909 г. церкви св. Архистратига Михаила принадлежала земля в количестве 300 десятин, доходность которой составляла 600 рублей. Данный участок общественной земли был передан в аренду Горбань Руфь Алексеевичу, уряднику Кожуховскому Матвею Гавриловичу и казначею Бардош Константину Андреевичу [36]. Данные документы свидетельствуют о том, что все подобные вопросы выносились для решения на станичный сбор, а затем рапортом станичного правления представлялись на утверждение полкового правления.

Станичный сход принимал меры по устранению различных конфликтов. В случае неудачного исхода дела на станичном сходе «дело поступало на рассмотрение «почетных стариков», помимо станичного схода в Терской казачьей общине практиковался старинный институт – «сход выборных почетных стариков; своего рода совет

старейшин. Присутствие таких «почетных стариков» (не менее двух человек) было необходимо для наблюдения за вынесением взысканий полицейских или судебных, при аресте или обыске дома, при приеме от станичного казначея отчета в расходовании общественных сумм, при описи и продаже имущества» [37].

Все решения принимались большинством голосов. Если голоса разделялись поровну, то голос атамана был решающим, и перевес был у тех, на чьей стороне был голос атамана.

Решения станичных сходов могли быть обжалованы. Так, например, распределение земель между отдельными хуторами, по которым жалоба должна была поступить не позднее 6 месяцев со времени принятия решения, а по остальным вопросам жалоба должна быть подана не позднее одного месяца со дня принятия станичным сбором решения. Жалобы подавались «атаману отдела, который либо разрешал их в пределах предоставленной ему власти, либо представлял их со своими заключениями войсковому наказному атаману» [38]. Войсковой наказной атаман имел право приостановить исполнение обжалованного приговора [39].

Жалобы могли быть поданы и на подстроенные выборы станичных должностных лиц. В этом случае требовались подписи 1% всех присутствующих на сборе выборщиков. Данные жалобы подаются не позднее семи дней со дня выборов и «решаются окончательно атаманом отдела» [40].

Все решения принимались простым большинством голосов. «Все приговоры станичного сбора регистрировались в особой книге, выдаваемой областным правлением. Для письменных приговоров сбора не существовало никакой особой формы» [41]. То есть форма регистрации приговоров была произвольной.

Как уже говорилось выше, станичный сбор являлся органом законодательной власти в станице. Дела, которые должны были решаться на сходе, представлялись атаманом, кроме дел, касающихся личности самого атамана.

Из вышеприведенного напрашивается вывод о том, что станичный сбор являлся тем органом станичного самоуправления, который имел достаточно прав руководить большим кругом станичных дел: от распределения земельных угодий, решения хозяйственно-экономических вопросов станицы до выборов не только должност-

ных лиц станицы, но и об исключении из станичного общества за непристойное поведение. Обладая юридически достаточно широкими правами и имея большие возможности в рамках станичного общества, станичный сбор ограничивался со стороны начальства отдела или области. В то же время станичный сбор как важный орган станичного общества представлял собой, как все общество, средневековой образчик. Замокнутая группа с присущей ей круговой порукой, строгим процессом приема и исключения из общества (последняя являлась серьезной и строгой мерой воздействия на членов общества), а также наделенная землей за верную службу, близка во многом к средневековому, вотчинному управлению. Подобная система могла возникнуть лишь в процессе трансформации казачества в замкнутое сословие, что вполне отвечало запросам царского правительства, и просуществовала вплоть до 1917 г., имея лишь незначительные изменения, которые отражали реформы и изменения, проходившие в самой Российской империи.

Функции исполнительных органов в казачьем станичном самоуправлении выполняли станичный атаман и станичное правление.

Станичный атаман Терского казачьего войска избирался сроком на 3 года [42] и утверждался в должности начальником Терской области (наказным атаманом Терского казачьего войска) и приводился к присяге на верность в службе атаманом своего отдела. Л. Б. Заседателя указывает, что выборы атамана проходили своеобразным способом, который назывался «голосование шарами». «Для выборов атамана ставили большой ящик с двумя отделениями для деревянных шаров. Одно отделение, куда должны были опускать шары, голосующие за атамана, другое – для голосующих такими же шарами – против» [43]. Это свидетельствует о том, что если выборы других должностных лиц были открытыми и явными, то выборы главного должностного лица проходили тайно.

Согласно Положению «Об общественном управлении станиц в казачьих войсках» от 3 июня 1891 г., на должность станичного атамана избираются: «в войсках Донском и Оренбургском – три, а в войсках Терском и Кубанском – два лица, из которых одно утверждается в должности подлежащим начальством» [44].

В выборах могли участвовать лица мужского пола, проживающие в пределах станичного юрта и имеющие

оседлость, достигшие 21-летнего возраста. При вступлении в должность атаман, так же как и другие должностные лица станицы, должен был давать клятву «...в точности исполнять обязанности принимаемого мною звания и охранять интересы моих доверителей» [45]. С должностью атамана, согласно пунктам положения, не могла быть совмещена другая должность [46]. Это свидетельствует о том, что должность атамана считалась ответственной и не давала возможности совмещать с ней другую должность, и второе – власть атамана в станице была достаточно сильной, и запрет совмещения не позволял атаману прибрать к рукам еще одну из каких-либо ветвей станичного самоуправления в целях наименьшего злоупотребления властью. Вступление в должность атамана станицы объявлялось приказом по Терскому казачьему войску.

Станичный атаман мог быть отстранен от своей должности также приказом по Терскому казачьему войску, «в случае неисправного исправления им должностей или замеченных с его стороны беспорядков и злоупотреблений» [47]. Подтверждением этому служит приказ № 298 по Терскому казачьему войску от 14 декабря 1896 г. об «...удалении от должности атаманов станицы Галюгаевской урядника Павла Серова и станицы Луковской урядника Емельяна Зотова, первого по болезненному состоянию, а второго – за неисправность и бездеятельность по службе» [48].

Основания для удаления атамана от должности были оформлены в Положении «Об общественном управлении станиц в казачьих войсках» в статье 144. Также атаман мог быть отстранен от должности в том случае, если совершил преступление, попадавшее под юрисдикцию Российской империи.

Атаманом мог быть избран любой житель станицы, заслуживающий уважения и доверия станичников.

Атаманом мог быть и генерал, и рядовой казак. Однако по некоторым данным можно проследить, что в Терском казачьем войске станичным атаманом чаще всего были унтер-офицеры. Это объясняется, прежде всего, тем, что кадровые казачьи офицеры постоянно находились на службе, тогда как рядовые казаки и унтер-офицеры, отслужив 1-ю очередь, выходили на льготу 2-й и 3-й очереди. Как пример тому могут служить данные на 1893 г., опубликованные в Терском календаре. Так, «из 70 станиц: в 57 станицах станичный атаман был уряд-

ником (унтер-офицер регулярной армии); в 1 станице – войсковой старшина; в 1 станице – есаул; в 1 станице – сотник; в 1 станице – майор; в 5 станицах – приказные; в 1 станице – хорунжий; в 1 станице – рядовой казак; в станицах – вакансии» [49].

Следовательно, атаман в большинстве случаев был из унтер-офицерских чинов. «Станичный атаман, если он не имеет офицерского чина, пользуется личными правами хорунжего во все времена, пока состоит в этой должности» [50].

В период пребывания в должности атаман обладал значительными полномочиями и пользовался широкими привилегиями. Станичный атаман получал жалованье, размер которого определялся числом дворов в станице. Так, с числом в 150 дворов жалованье составляло 150 рублей; 300 дворов – 200 рублей; 400 дворов – 300 рублей; 700 дворов – 400 рублей; 1000 дворов – 500 рублей; свыше 1000 дворов – 600 рублей [51].

Кроме жалованья атаман пользовался также определенными льготами и привилегиями. Во-первых, на время исполнения своих должностных обязанностей он освобождался от уплаты всех общественных и земских платежей. Во-вторых, время службы в должности станичного атамана зачислялось в срок действительной службы, «...беспорочно прослуживший два трехлетия имеет право на освобождение от службы в строевых частях, а по истечении трех трехлетий службы станичного атамана, льгота эта распространяется и на его сыновей по выбору» [52]. В-третьих, станичный атаман получал дополнительный земельный пай. Все эти льготы и практически неограниченная власть в пределах станицы определяли стремление атамана оставаться в этой должности на второй и на третий срок, что вело к злоупотреблению властью.

Однако, несмотря на все эти преимущества, служба в должности станичного атамана не позволяла повысить чин (класс) лица. Об этом свидетельствует дополнительное Приказание по Терскому казачьему войску за №10 от 10.03.1878 г. В нем указывается: «Военный совет положил, что служба в должностях станичных атаманов не дает права лицам, имеющим классные чины, ни на зачет времени, проведенного в этих должностях, к выслуге установленных сроков для производства в следующие классные чины, соединенные с действительной гражданской службою» [53]. Основанием для этого заявле-

ния был Циркуляр Главного Управления Иррегулярных войск Российской империи от 8 февраля 1879 г. Из него следует, что «как бы ни были велики преимущества станичного атамана, они ограничивались пределами станичного юрта и строевой службы казака, и никоим образом на них не отражались общероссийские законы и Табель о рангах». Исходя из вышеизложенного, мы пришли к выводу, что по существу должность станичного атамана была подобна должности сельского старшины, с той только разницей, что атаман заведовал еще и делами, относящимися к воинской повинности подчиненных ему лиц. Но это скорее было не преимущество, а лишняя обязанность, связанная с самим образом существования казачьей общины в процессе трансформации в замкнутое военное сословие.

Станичный атаман до реформ по управлению казачьими войсками получил от станичного круга неограниченную власть и отвечал перед кругом, мог подвергаться суду.

Официальные положения о казачьих войсках XIX в. закрепили функции станичного атамана. Они определили круг дел, которыми ведал станичный атаман. В этот круг входили общественные, полицейские и военные обязанности. Положение 1891 г. более четко разграничивало полицейские и общественные функции станичного атамана.

По делам общественным станичный атаман обязан был в пределах ведомства станичного управления: созывать и распускать станичный сбор; приводить в исполнение приговоры станичных сборов; содержать в исправном состоянии дороги; наблюдать за исполнением обязанностей должностными лицами; контролировали запасы общественного продовольствия и др. [54].

Положение 1891 г. четко определило и разграничило полицейские права атамана.

По делам полицейским станичный атаман, в пределах своего ведомства, обязан был объявлять по предписаниям местной полицейской власти законы и распоряжения правительства, наблюдать за нераспространением между подведомственными лицами подложных указов и вредных для общественного спокойствия слухов; надзирать за общим благоустройством в станице; охранять благочиние, порядок и безопасность лиц и имущества от преступных действий; принимать первоначальные меры для восстановления нарушенной тишины, по-

рядка и безопасности, впредь до особого распоряжения подлежащего начальства, а также наблюдать, чтобы не было потрав, лесных и полевых пожаров и лесных порубок; задерживать бродяг, беглых и военных дезертиров и представлять их по начальству; распоряжаться в чрезвычайных случаях, как, например, при пожарах, наводнениях, повальных болезнях, падеже скота и других общественных бедствий, и немедленно доносить по начальству о чрезвычайных происшествиях в станичном обществе; предупреждать и преследовать преступления и проступки; производить предварительные дознания, принимать полицейские меры для открытия и задержания виновных, охранять следы преступления до прибытия следователя, представлять виновных на дальнейшее распоряжение подлежащего начальства и доносить сему начальству о всяком задержании лиц, имеющих военные или гражданские чины; исполнять приговоры станичного суда и других судебных учреждений [55]. Также он нес ряд обязанностей по исполнению казаками воинской повинности: объявлял обществу распоряжения наказного атамана о казаках, зачисленных в служилый состав войска, и о тех, кои в помилование служилого срока причислены на службу внутреннюю или уволены в отставку; наряжал и высылал в указанные начальством места к назначенному сроку, требуемое на службу число людей по очередным спискам; объявлял обществу о предстоящих порядках на службу и первоочередных, чтобы всякий знал, как он близок к выходу на службу – полевую или внутреннюю; доставлял подлежащему начальству все сведения, какие будут нужны о служилых и отставных казаках [56].

Таким образом, сочетая в себе общественные, полицейские и военные обязанности, атаман руководил обширным кругом дел. Эти дела охватывали все стороны станичной жизни: финансовую, хозяйственную; наблюдение за общественным порядком и соблюдение законопослушания станичников, исправное исполнение воинских обязанностей казаками, наблюдение за исправным выполнением всякого рода повинностей, и надлежащее состояние мостов, дорог и общественных сооружений.

Станичному атаману по делам общественным и полицейским подчинялись лица как воинского, так и невоинского сословия, а по делам военным только лица войскового сословия.

В целом, станичный атаман несет ответственность «за сохранение порядка, спокойствия и благополучия в пределах станичного юрта, в этом отношении ему подчиняются все проживающие на этой земле обыватели как войскового, так и не войскового сословия» [57].

Станичный атаман по делам полицейским подчиняется окружному начальнику, а по военной части Атаману военного отдела, к которому принадлежит.

Для помощи атаману станичный сход избирал одного или нескольких его помощников, которые находились в его непосредственном подчинении и входили вместе с атаманом в станичное правление [58].

Станичное правление состояло из главных должностных лиц станицы и 3–4 выборных казаков. Оно «...составляется из станичного Атамана, его помощника, если общество признает необходимым избирать таковых, и станичного казначея. Сверх того, в станичном правлении присутствуют выборные станичным обществом, из своей среды, сроком на один год доверенные в числе определенном станичным сходом, но не менее 3-х» [59].

Обязанности станичного атамана и его помощников освещены выше. К обязанностям станичного казначея относятся: «прием, хранение, расходование и счетоводство станичных сумм в установленном станичным сходом порядке» [60]. Станичный казначей распоряжался и отвечал за финансы станицы, но только с ведома станичного схода и с разрешения начальства отдела. Также в станичное правление входило 2 писаря по военной и гражданской части, которые вели всю станичную документацию, то есть заведовали станичной канцелярией. Писарями станичного правления велась следующая документация: метрическая книга; книга приговоров станичных сборов; книга станичного суда; книга решений и приговоров третейского суда; штрафной журнал; книга сделок и договоров; книга о приходах и расходах станичных и переходящих сумм; книга взысканий; книга и списки о воинской повинности; списки казаков, имеющих знаки отличия, ордена; ведомости поземельных угодий; списки пайщиков поземельного довольствия станицы; посемейные списки [61].

Таким образом, эта документация отражала всю деятельность станичного общества. Избираемые должностные лица давали клятвенное обещание, а должности их утверждались атаманом отдела.

Все должностные лица получали жалованье из ста-

ничных сумм. «Размер жалованья, выплачиваемого должностным лицам, устанавливался каждой станицей самостоятельно, и это напрямую зависело от состояния станичной казны» [62].

Как пример тому могут служить данные по станицам Терской и Фельдмаршальской за 1903 г. Так, в станице Терской было установлено денежное содержание: атаману станицы уряднику Еланскому – 400 рублей в год; помощнику его Хренову – 100 рублей в год; писарю уряднику Серокурову – 300 рублей в год; писарю Алексею Аверьянову – 180 рублей в год; станичному казначею Подберезному – 24 рубля в год [63].

А в станице Фельдмаршальской было определено: станичному атаману – 150 рублей серебром в год, помощнику атамана – 12 рублей серебром в год, станичному писарю – 300 рублей серебром в год [64].

«Ведению станичного правления подлежит ежемесячная проверка средств и работы хлебозапасных магазинов, проверка лесов и других недвижимых имуществ станицы, составление ежегодной сметы доходов и расходов станицы». Также к ведению станичного правления относилось регулирование финансовых дел станиц [65].

Станичное правление являлось своеобразным аппаратом при атамане и занималось всеми делами, которые входили в ведение станичных дел. Главными лицами правления являлись атаман, его помощник, казначей. Избираемые доверенные присутствовали только в обсуждении наиболее важных и ответственных дел «о бюджете, о коллективных владениях и т.п.» [66].

Собиралось станичное правление по воскресеньям и праздникам. Дела решались простым большинством голосов, у атамана было два голоса.

Помимо станичного сбора, станичного атамана, станичного правления казачья община обладала и судебной властью.

Станичный суд. Судопроизводство находилось в руках станичного суда, состоящего из суда станичных судей и суда почетных судей.

Суд в XVI–XVIII вв. всецело находился в сфере казачьего самоуправления. Маловажными делами ведали старики, более важными, в том числе и уголовными – станичный круг, который вел и следствие. На суде стороны старались примирить. Внешней судебной инстанцией был войсковой суд.

В период трансформации казачества в замкнутое военное сословие в Терском казачьем войске существенно изменилось судопроизводство. Большое влияние на казачье судопроизводство оказали реформы Александра II, в том числе и судебная. Положение 1870 г. «Об общественном управлении станиц в казачьих войсках» лишило станичный круг права суда. В казачестве по образцу волостных судов вводились станичные суды. Станичный суд состоял из суда станичных судей, который был в каждой станице, и суда почетных судей. В Терском казачьем войске их было один на две станицы. «Станичный суд избирался сходом ежегодно в составе 4–12 судей» [67]. Подтверждением этому могут служить архивные документы в виде приговоров станичных обществ об избрании из своей среды станичных судей. Так, рапорт станичного правления станицы Подгорной доводит до сведения Правления отдела общественного приговора этой станицы «об избрании в должности на будущий 1887 г. судьями – урядника Ермолая Дубенца, казаков Евсея Кожухина, Ивана Силича, Филиппа Поротова, Романа Казакова, Леона Тамплинского, Анакея Сизова, Алексея Щепака, Григория Дубко, Мокия Селиванова, Павла Гуляева, Самсона Сизова» [68]. Как видно из приговора, избрано судей 12 человек и подан рапорт на утверждение высшего начальства. В рапорте также указан возраст судей, который колеблется от 42 до 50 лет, но, по-видимому, верхний предел не был ограничен, поскольку в подобных приговорах других станиц этот возраст доходит порой до 65–67 лет [69]. Общественный приговор об избрании судей, так же как и все общественные приговоры, сопровождался подписями всех принимавших участие в сходе, где за неграмотных расписывался обычно станичный писарь (что также можно заключить из приговоров). Архивы ЦГА РСО–А и ЦГА КБР содержат общественные приговоры об избрании должностных лиц станиц и судей: Александрийской, Солдатской, Зольской, Лысогорской, Государственной и др. Общественные приговоры об избрании должностных лиц составлены по тому же образцу и с теми же указаниями, меняются лишь фамилии и возраст судей да количество избирателей.

К приговору прилагались клятвенные обещания. В них избранные судьи клялись станичному обществу в верности престолу, исполнять святыя законы империи, творить суд по чистой совести без всякого в чью-либо

пользу лицеприятия, поступать во всем соответственно званию, «мною принимаемому, памятуя, что во всем этом я должен буду дать ответ перед законом, и перед Богом на страшном суде его» [70].

Из этого клятвенного обещания можно заключить не только то, что избираемые должностные лица клялись исполнять свои обязанности по закону, но и то, что администрация сохраняла за казачьим самоуправлением право, по которому избираемые отвечали перед своими избирателями, что, конечно же, в рамках установившейся центральной власти было лишь пустой формальностью.

В станичные суды избирались лица, «пользующиеся в среде станичного общества полным доверием и уважением, отличающиеся безукоризненным поведением и домовитостью» [71]. При выборе Почетных судей преимущество отдавалось грамотным казакам, урядникам, офицерам, чиновникам, а также лицам, получившим награды за службу по общественному управлению или имевшим знаки отличия военного ордена св. Георгия.

«Присутствие суда станичных судей составляет из трех, а присутствие суда Почетных судей из четырех очередных судей. Судьи, не вошедшие в очереди, считаются запасными» [72]. Очередь между судьями станичного суда устанавливается ими самими особым протоколом и одобряется станичным атаманом.

«Судьи, вошедшие в состав присутствия, избирали председателя из своей среды, но если в составе присутствия будет находиться офицер, то таковой становится Председателем в силу своего звания» [73].

В состав присутствия суда Почетных судей, избираемых для нескольких станиц, должны были входить судьи от каждой станицы в равном числе [74].

Станичный суд собирался как по воскресеньям и праздничным дням, так и в случае надобности и в другие дни. При этом: «суд станичных судей – не менее двух, а суд Почетных судей – не менее одного раза в месяц. Суд Почетных судей созывался атаманом той станицы, где была необходимость в его заседании» [75].

Ведение дел станичного суда оговаривается в Положениях «Об общественном управлении станиц в казачьих войсках» 1870–1891 гг. Станичный суд ведал делами хозяйственного и экономического характера «О движимом и недвижимом имуществе ценою в 100 рублей» [76]. Власть станичных судей распространялась

только на лица, подведомственные станичному суду, которых подвергали штрафу только на сумму до ста рублей. В ином случае дело рассматривалось в общих судебных учреждениях [77]. «Станичному суду подведомственны следующие маловажные проступки: не сопровождавшиеся особо увеличивающими вину обстоятельствами кража, мошенничество, покупка заведомо краденного на сумму не свыше 30 рублей, обиды словами и действиями, побои, не имевшие вредных для здоровья обиженного последствий, пьянство и нарушение общественной тишины и спокойствия» [78]. Так, например, в станичный суд станицы Прохладной в 1865 г. поступает жалоба соседей о том, что казак Ключ Николай «часто приходит домой сильно пьяным, бьет детей, жену и нарушает тем самым покой соседей». Станичный суд выносит приговор: «Взыскать с Ключа Николая по 2 рубля штрафа соседям и 3 рубля в общую казну» [79].

Суд имел право выносить следующие виды наказаний: «денежные взыскания не свыше 6 рублей» [80]. Кроме денежных взысканий, суд выносил приговор об аресте не более 8 дней. Так, в 1871 г. в суд станицы Прохладной поступает жалоба от казака Овчаренко Ивана на своего сына Андрея. В ней он пишет, что сын «забрал свою молодую жену и двух малолетних детей, ушел, без ведома отца, жить в другой дом». Суд выносит приговор: «3 суток ареста, чтоб впредь неповадно было без отцовского позволения уходить» [81]. Но кроме перечисленных наказаний применялись, в основном в горячую сезонную пору, отработки на общинных землях не более 8 дней. Это наказание приравнивалось примерно так: один день отработки равнялся 1 рублю. Безусловно, люди малого достатка предпочитали отработать, нежели платить штраф. «Лиц, неоднократно подвергавшихся этим наказаниям, станичный суд может приговорить к денежному взысканию не свыше 10 рублей, или же к аресту, либо к общественным работам не свыше 12 дней. Независимо от наказания, станичный суд приговаривает обвиненного к возвращению похищенного имущества или возмещению причиненных им вреда и убытков, если потерпевший того требует» [82].

Станичному суду были подвластны все проживающие на территории станичного юрта постоянно или временно как войскового, так и не войскового сословия, лица. Станичный суд имел право разбирать дела только в том случае, если они были совершены в пределах дан-

ной станицы и только жителями данной станицы. Если проступок или преступление совершало лицо другой станицы, то виновного приговаривал суд той станицы, где он проживал.

Об объеме дел, рассматриваемых в конкретных станичных судах, можно проследить по архивным данным, дошедшим до нас. Как пример тому могут служить данные фонда И-17, оп. 1, «Полкового правления Владикавказского полка Терского казачьего войска», находящиеся в ЦГА КБР, касаемые судебных дел, рассматриваемых в ст. Пришибской за 5 лет – с 1866-го по 1870 г. в количестве 12 за кражи и воровство, поджог и за торговлю по завышенным ценам.

Из 12 дел лишь дело об убийстве казачки Зозулиной было рассмотрено вышестоящей судебной инстанцией Терского казачьего войска. Остальные дела рассматривались станичными судами.

Дела менее тяжкие по спорам и тяжбам начинались по просьбе истца. Проступки начинали разбирать по следующим причинам: «1) по жалобам потерпевшего или его родителей, или старшего в семье, а также опекунов и попечителей, буде потерпевший не достиг еще совершеннолетия» [83]. Как пример тому, «Дело о взыскании с казака Черниговской Губернии селения Свидовца Саввы Матвейченко 140 рублей серебром денег за пользование им пахотной землею, принадлежащей малолетку станицы Пришибской Гордею Красули; по жалобе его опекуна урядника Егора Качинова и его жены Настасьи» [84]; «2) по требованию станичного или хуторского атаманов; 3) по извещению того, кто был свидетелем проступка, если потерпевший сам не может принести жалобу» [85].

Просьбы, иски, жалобы подаются суду непосредственно в день суда или в другие дни станичному атаману. Все подаваемые дела записывались в «Книгу просьб и жалоб» станичным правлением и дела разбирались в порядке очереди, кроме экстренных дел [86]. Само заявление, судя по архивным документам, пострадавший излагал в очень деликатной форме, как бы заранее лояльно располагая суд к обвиняемому, часто употребляя слова «не со злого умысла» и т.д.

После окончания заседания суд назначал дела, подлежащие рассмотрению на следующем заседании. Судьями создавался список лиц, которые обязаны присутствовать на заседании и чье присутствие должен был обеспечить атаман.

Свидетели должны были явиться в суд самолично или прислать свои показания письменно, в случае неявки в суд свидетелей к ним применялись штрафные санкции в размере 2–3 рублей [87]. В случае неявки в суд одной из сторон к ней применялись строгие меры. Так, согласно Положению: «1) при неявке ответчика или обвиняемого, суд по рассмотрению дела, постановляет заочное решение или приговор; 2) в случае неявки истца или неявки обвинителя по делу, которое может быть окончено примирением (в станичном суде существовал способ примирения сторон по незначительным тяжбам или оскорблениям, когда стороны взаимно заявляют о прекращении дела за вознаграждение, штраф, извинение и т.п.), суд постановляет прекращение производства; 3) при неявки в суд обвинителя по делу, которое не может быть прекращено примирением, дело рассматривается в отсутствие обвинителя, приговор сообщался не явившейся стороне» [88].

Таким образом, суд в любом случае выносил приговор даже в отсутствие не явившейся стороны, которую суд еще и облагал штрафом в размере 2–3 рублей. А также со стороны ответчика в пользу свидетелей назначался штраф от 10 копеек до одного рубля. Взысканные деньги в первом случае поступали в станичные суммы, во втором – в пользу свидетелей [89].

Станичный суд был открытым. На нем мог присутствовать любой житель станицы. Но никто не имел права вмешиваться в разбирательство дел, включая атамана, его помощника и других должностных лиц станицы.

Станичный суд обладал и следственными правами. В делах по проступкам допускались дознания при свидетелях, осмотры места происшествия; в делах по спорам подобные действия могли производиться лишь по просьбе одной из сторон.

Решения в станичном суде выносились простым большинством голосов. При разделении голосов поровну голос председателя дает перевес. В станичном правлении велась документация станичных судов. Приговоры и решения записывались в специальную книгу, и каждое решение подтверждалось подписями сторон и станичных судей.

Исполнителем приговоров станичного суда был станичный атаман и его помощник. Если обвиняемый был приговорен к аресту, то исполнение приговора могло быть отсрочено на срок до 6 месяцев, в случае денежного

взыскания отсрочка не должна была превышать один месяц. В случае, если ответчик не мог уплатить, то сумма эта изымалась из его недвижимости.

Если у ответчика не было недвижимого имущества, приносящего доход, а также, если доход не мог быть полностью взыскан в пользу истца, в срок им назначенный, то станичный атаман описывал и назначал в продажу такую часть движимого имущества ответчика, которая, не расстраивая его хозяйства и не лишая насущного пропитания его семьи до нового урожая, была достаточной для покрытия взыскания [90]. Данные меры были тяжелы для казачьих хозяйств. Однако правительство продолжало политику сохранения казачьей общины как опоры престола. По Положениям, не позволялось «продавать дом, в котором живет ответчик, дворовое место сего дома, а также надворные строения, которые не могут быть снесены без явного расстройство хозяйства» [91]. Также продаже не подлежало обмундирование, военное снаряжение и строевая лошадь, а также иконы. Таким образом, как бы ни были обременительны и даже разорительны подобные санкции, правительство было заинтересовано в сохранении необходимого минимума для поддержания казачьих хозяйств.

В целом дела, рассматриваемые станичным судом, можно разделить на 6 категорий: разбор предумышленных проступков; нарушение словесных и письменных обязательств; оскорбление чести лиц; неумышленные поступки; выделение и раздел имущества; административные взыскания атамана за различные нарушения дисциплины и порядка в станице.

На решение станичного суда могли подаваться жалобы. Жалобы подавались станичному атаману, в некоторых случаях и атаману отдела. Решения станичного суда при определенных обстоятельствах могли быть обжалованы. Это решение могло быть отменено областным, войсковым или хозяйственным правлением по нескольким причинам: 1) если приговор вынесен по делу, которое ему не подведомственно; 2) вынесено решение без вызова всех участвующих в деле лиц; 3) если превышена мера наказания или судом превышена власть. Просьбы по отмене приговоров могут подаваться через станичного атамана в строго определенные сроки по искам и тяжбам – в течение одного месяца после вынесения приговора, по преступлениям – в течение одной недели [92].

В общем, институт станичных судей разбирал дела,

касающиеся в основном внутренних дел станицы. Эти решения не выходили за рамки хозяйственно-экономических и межличностных вопросов, не затрагивали в большинстве случаев глубоких социальных противоречий, исключая тяжбу между казаками и иногородними. Более сложные и серьезные дела подлежали ведению российских судебных органов.

Таким образом, станичный суд, который юридически был оформлен Положением 1870 г., представлял собой подобие мировых судов империи, с некоторыми отличиями, присущими казачьей среде. В целом, юридическое оформление станичного судопроизводства было одним из пунктов политики императора Александра II, цель реформ которого сводилась к общему и однообразному управлению всей империи с одинаковыми порядками, законами и устройствами для всех регионов гигантской державы. Однако контрреформы отразились на казачьем самоуправлении, в том числе и суде. И хотя Положение 1891 г. практически содержало те же пункты, что и предыдущее, однако оно вновь ставило казачество в обособленное положение от остального населения империи, в частности для судопроизводства это отразилось в ужесточении мер по отношению к малоземельным казакам и в преимуществе казака перед иногородним.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Терское казачье войско образовалось постепенно в течение трех с половиной столетий. Еще в середине XVIII в. терские казаки представляли собой лишь отдельные военизированные группировки. Государственный аппарат для осуществления своих интересов поставил управление этими группами под свой контроль, что, безусловно, способствовало интеграции терского казачества в структуру российской государственности.

Цель государства заключалась в превращении казаков в особое служилое сословие с конкретной государственной задачей, которой были подчинены образ жизни и управления казаками. Это предопределило особенности государственной политики в отношении казачества, которая также содержала в себе острое противоречие: с одной стороны, сохранить особый сословно-правовой статус казачества, что позволяло поддерживать нужный уровень их военной готовности, а с другой, – максималь-

но стереть межсословные различия, придать казачьей военной организации как можно больше черт регулярного войска.

Покончив с казачьей автономией, царское правительство допустило существование казачества в виде особого военного сословия. Казаки были превращены в замкнутое военное служилое сословие, положение которого определялось, прежде всего, тем, что казачество за службу феодальному государству наделялось землей. Причем по размерам надельного землевладения они находились в разряде землевладельцев, составлявших богатую группу дворов, то есть имевших от 30 и больше десятин на казака.

Образование терского казачества, вошедшего затем в состав иррегулярных формирований Российской империи под названием Терского казачьего войска, проходило в период военной и хозяйственной колонизации Северного Кавказа.

Освоение же предкавказских степей на первоначальном этапе происходило очень медленно, и только во второй половине XVIII в. царское правительство, путем насильственного переселения донских и волжских казаков, начало увеличивать численность Терского войска. Одновременно началась крестьянская колонизация, охватившая, преимущественно, центральную часть Степного Предкавказья и Кубань. Большое число этих переселенцев было приписано к казачьему сословию, пополнившему собой единое Кавказское Линейное казачье войско.

Потеря терскими казаками политической самостоятельности повлекла за собой значительные изменения в организации управления, внешних сношений, суда, ликвидации выборности войсковых атаманов, а Войсковой круг утратил значение высшего органа власти. Терская старшина превратилась в послушных военных чиновников, преданно служивших российскому императорскому престолу и проводивших политику строгой изоляции казачества от основной массы населения. После издания «Положения о Кавказском Линейном казачьем войске» 1845 г., доступ в казачье сословие практически был закрыт. В войсковое сословие принимались только такие лица, которые могли принести хоть какую-то пользу станичным общинам.

Централизация управления создала из терских казаков военную силу, которая управлялась военными дей-

ствиями Российской империи и должностными лицами, назначаемыми императором. При этом атаманом всех казачьих войск был наследник престола – цесаревич. Это сводило управление казаками в одни руки – императора.

Сохранив станичное управление, российское правительство создавало картину свободы и вольности казачьих общин. Самоуправление было формальным атрибутом казачьих привилегий, так как все избираемые станичным сбором должностные лица станицы утверждались в должности высшим начальством, а все решения, которые принимались органами станичного самоуправления, требовали одобрения полкового или областного правления, что ограничивало права станичной общины.

Несмотря на ограничение прав со стороны правительства, терская казачья община, опираясь на традиции, зорко оберегала сословную ограниченность и неприкосновенность. Казак, связанный обязанностями круговой поруки в несении военной службы, не имел права покинуть сословие, но в то же время, получая от государства земельный пай, он фактически обеспечивал себе и своей семье прожиточное состояние, как на сегодняшний день, так и на будущее. Такое архаическое переплетение старого и нового, при сохранении прежних устоев административной власти, ставило, фактически, казачью общину под военно-хозяйственный абсолютный и политический контроль правительственной власти, которая превратила ее в орудие своей политики.

Однако несмотря на, казалось бы, полную зависимость терской общины от командно-административного аппарата Войскового правительства, она по своему внутреннему устройству отличалась большой самостоятельностью и независимой свободой действий, особенно в решении хозяйственных и финансовых вопросов. Община, например, полностью распоряжалась своими доходами и расходами. Детально были расписаны источники доходов, которые учитывались всегда строго, по-хозяйски, как говорится, до последней копейки.

Таким образом, исследование позволило проследить трансформацию казачества в военно-служилое сословие во второй половине XVIII – начале XX в., действовавшее исключительно в интересах правительства Российской империи. Терское казачье войско стало одним из звеньев социальной опоры самодержавия, и представляло

собой одну из составных частей Вооруженных Сил России. Вознаграждая за службу, правительство облегчало налоговое бремя и обеспечивало казачество земельными наделами. При этом правительство создавало для вновь образованного сословия определенный уклад жизни, отразившийся «в системе организованного, кадрового устройства войска и общества, сочетающего в себе управленческие и демократические начала».

Казачество было единственной общностью, в которой в соответствии со своими интересами и нравственными представлениями государственному аппарату Российской империи удалось найти оптимальное сочетание государственно-политических целей с глубоким внутренним самовыражением и материальной выгодой относительно других групп населения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Введение

1. *Губенко О. В.* Терское казачье войско в XV–XXI вв. Влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни. *Ессентуки, 2007. С. 185–212.*

2. Вопросы северокавказской истории. Армавир, 1996. Вып. 1. С. 158; *Великая Н. Н.* Школа В. Б. Виноградова о терских казаках // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. Армавир, 1999; К истории низовьев Терека XIII–XIX вв. // Исторические чтения, посвященные 30-летию Кизлярского краеведческого музея им. П. И. Багратиона. Кизляр, 1991.

3. *Соловьев С. М.* История России с древних времен. М., 1960. Т. 2, 3; *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. СПб., 1913.

4. *Бурда Э. В.* Очерки о терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003. С. 5.

5. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 20.

6. *Попко И. Д.* Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880; *Попко В. А.* Два века терского казачества. Владикавказ, 1912; *Караулов М. А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912; *Караулов М. А.* Очерки казачьей старины // Терские ведомости. 1909. № 124, 125, 129, 130, 131, 133, 134; 1910. № 9, 31, 38.

7. *Бентковский И. В.* Гребенцы. Историческое исследование. 2-е изд. М., 1889; *Писарев С. И.* Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577–1877 гг. Владикавказ, 1881; *Писарев С. И.* Век службы собственного Его Величества конвоя. Владикавказ, 1911; *Ткачев Г.* Гребенские, терские и кизлярские казаки. Владикавказ, 1911; *Ткачев Г.* Станица Червленая. Владикавказ, 1912; *Чернозубов Ф. Г.* Памятники терской старины // Терские ведомости. 1911. № 252–253 и др.

8. *Кумыков Т. Х.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962; *Кушев Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963; *Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кав-

казом, Поволжьем и Крымским ханством. Нальчик, 1996; *Дзамихов К. Ф.* Кабарда в системе международных отношений XVIII в. // История КБР. Нальчик, 1995; *Дзамихов К. Ф.* Адыги и Россия. М., 2000; *Бетров Б. П.* Из истории русского (казацкого) поселения в Осетии // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе, 1989; *Соблиров М. З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. Нальчик, 2001.

9. *Тотоев М. С.* Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе // ИСОНИИ. Дзауджикау, 1948; *Гальцев В. С.* Из истории колонизации Северного Кавказа // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1957. Т. 19. С. 158; *Гриценко Н. П.* Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – 1-й половине XIX в. Грозный, 1961; *Саламов А. А.* Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XIV – начало XX в.) // ИЧИНИИ. Грозный, 1963. Т. 3. История. Вып. 1; *Виноградов В. Б., Магомедова Т. С.* О месте первоначального расселения гребенских казаков // СЭ. 1972. № 3; *Денискин В. И.* О землепользовании в Терском казацком войске во второй половине XIX в. // ИЧИНИИ. Т. 9. Ч. 1. Вып. 1. История. Грозный, 1972. С. 178.

10. *Аверин И. А.* Казаки России (прошлое, настоящее и будущее). М., 1992.

11. *Глущенко В. В.* Казачество Евразии: зарождение, развитие, интеграция в структурах российского государства. М., 2000; *Глущенко В. В.* Казаки и государство. Ростов н/Д., 1999; *Великая Н. Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д., 2001.

12. *Агафонов А. И.* Казачество Российской империи: некоторые теоретические и методологические проблемы изучения // Проблемы истории казачества / Под ред. А. И. Козлова. Ростов н/Д., 1995. С. 16.

13. *Тхамокова И. Х.* Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эль-фа, 2000. 240 с.

14. *Заседателева Л. Б.* Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во МГУ, 1974. 421 с.

15. *Кашежева Г. М.* К вопросу о проникновении капиталистических отношений в казацком землевладении Терской области // Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1976. Вып. 10.

16. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). СПб., 1996. 162 с.

17. *Козлов А. И.* Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, история). Ростов н/Д., 1995. 243 с.

18. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. 301 с.

19. *Топчий А. Т.* Буржуазные реформы России 60–80-х гг. и проблемы казачества // Проблемы истории казачества / Под ред. А. И. Козлова. Ростов н/Д., 1995.

20. Ф. 2, управление наказного атамана Кавказского Линейного казачьего войска.

21. Ф. 3, канцелярия наказного атамана Кавказского Линейного казачьего войска.

22. Ф. 4, войсковое правление Кавказского Линейного казачьего войска.

23. Ф. 12, канцелярия начальника Терской области.

24. Ф. 14, войсковое хозяйственное правление Терского казачьего войска.

25. Ф. 95, полковое правление Кизлярского казачьего полка.

26. Ф. 96, полковое правление Моздокского казачьего полка.

27. Ф. 97, полковое правление 1-го Владикавказского казачьего полка.

28. Ф. 98, полковое правление 2-го Владикавказского казачьего полка.

29. Ф. 99, полковое правление Горского казачьего полка.

30. Ф. 100, полковое правление 1-го Сунженского казачьего полка.

31. Ф. И-1, управления Кабардинской линии.

32. Ф. И-16, управление начальника Центра Кавказской Линии.

33. Ф. И-28, полковое правление Владикавказского казачьего полка.

34. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 2.

35. *Максимов Е.* Терское казачье войско. Историко-статистический очерк // Терский сборник. Владикавказ, 1890. Вып. 1.

36. *Марграф О. В.* Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска / Под ред. Н. Благовещенского. Владикавказ, 1881.

37. *Тютюнина Е. С.* Фонды ЦГА КБР // Из истории культуры Линейного казачества на Северном Кавказе. Материалы 1-й региональной Кубанско-Терской научно-просветительной конференции. Армавир; Железноводск, 1998. С. 21.

38. Учреждение гражданского управления казаков. Т. 1–2. СПб., 1903.

Глава I

ГЕНЕЗИС ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА

1. Теории о возникновении Терского казачества

1. *Караулов М. А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912. С. 7.

2. *Благова Г. Ф.* Этнонимы. М., 1970. С. 144.

3. *Броневский В. Б.* Описание Донской Земли, нравов и обычаев жителей. СПб., 1834. Ч. III. С. 222; *Броневский В. Б.* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Библиографии. М., 1992. Т. 2. С. 558.

4. *Попко И. Д.* Терские казаки со стародавних времен. Приложение. СПб., 1880. Вып. 1. С. 318.

5. Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1965. Т. 12. С. 62.

6. *Каргалов Н.* На степной границе. М., 1974. С. 73.

7. *Гордеев А. А.* История казаков. Золотая Орда и зарождение казачества. М., 1991.

8. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 50.

9. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 2000. Т. 4. С. 230.

10. *Бурда Э. В.* Очерки о Терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003. С. 18–19.

11. *Его же.* С. 19.

12. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 52.

13. *Бурда Э. В.* Очерки о Терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003. С. 19.

14. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Т. 4. С. 275.

15. *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 74.

16. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 40–41.

17. Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. Киев, 1957. С. 48.

18. *Его же*. С. 48.

19. *Его же*. С. 68.

20. Мининков Н. А. Донское казачество на заре своей истории: Учеб. пособие для студентов и учителей средней школы. Ростов н/Д., 1992. С. 7–37, 151–157.

21. Донецкий М. Донское казачество. Ростов н/Д., 1929; Янчевский М. Л. Разрушение легенды о казачестве. Ростов н/Д., 1931; Корчин М. Н. Донское казачество (из прошлого). Ростов н/Д., 1939; Лукин Б. В. Очерки истории Подонья – Приазовья. Ростов н/Д., 1949–1951. Кн. 1–2.

22. Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII в. Ростов н/Д., 1961; Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов н/Д., 1983; Агафонов А. И. Область Войска Донского и Приазовья в дореформенный период. Ростов н/Д., 1986; Заседателева Л. Б. Терские казаки (сер. XVI – нач. XX в.). М., 1974.

23. Гумилев Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993. С. 314–315.

24. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 8–84.

25. Народы России. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 461.

26. Козлов В. И. Этнос. Нация. Национализм. М., 1999. С. 16.

27. Семенов Ю. И. Общество, страны, народы // ЭО. 1996. №2.

28. Этнос и его подразделения. М., 1992. Ч. 1. С. 25.

29. Трут В. П. Кто же они – казаки? Ростов н/Д.: Приазовский край, 1995. С. 14–15.

30. Этнос и его подразделения. М., 1992. Ч. 1. С. 50.

31. Авксентьев А. В., Авксентьев В. А. Краткий этносоциологический словарь-справочник. Ставрополь, 1994. С. 70.

32. Савва М. В. Межнациональные отношения: теория, практика и проблемы Кубани. Краснодар, 1993. С. 5.

33. Байер Г. З. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. СПб., 1872. С. 79.

34. *Его же*. С. 79.

35. Татищев В. Н. Лексикон Российский, исторический,

географический и политический. Изб. произ. Л., 1979. С. 267.

36. *Ригельман А. И.* История о донских казаках. Ростов н/Д., 1992. С. 17.

37. *Симоновский П.* Краткое описание о казацком малороссийском народе. М., 1847. С. 2; *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество. Киев, 1957. С. 4.

38. Повесть временных лет // Хрестоматия по древней русской литературе / Сост. Н. Гудзий. М., 1962. С. 13.

39. *Ригельман А. И.* История о донских казаках. Ростов н/Д., 1992. С. 19.

40. *Сухоруков В. Д.* Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1908. С. 69–70.

41. *Савельев Е. П.* История казачества: В 4 ч. Ростов н/Д., 1990. Ч. 2. С. 292–299.

42. *Мавродин В. В.* Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв. // Ученые записки ЛПИ им. А. И. Герцена. Л., 1938. Т. II. С. 257–262; *Волюнкин Н. М.* Предшественники казачества – бродники // Вестник ЛГУ. 1949. № 8. С. 56–62; *Попов А. И.* Кипчаки и Русь // Ученые записки. ЛГУ. Л., 1949. Вып. 14.

43. *Волюнкин Н. М.* Предшественники казачества – бродники // Вестник ЛГУ. 1949. № 8. С. 60.

44. *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии. М., 1965. С. 177–178.

45. *Волюнкин Н. М.* Предшественники казачества – бродники // Вестник ЛГУ. 1949. № 8. С. 59.

46. *Мавродин В. В.* Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв. // Ученые записки ЛПИ им. А. И. Герцена. Л., 1938. Т. II. С. 38.

47. *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии. М., 1965. С. 177–178; *Виноградов В. Б.* Время, горы, люди. Грозный, 1980. С. 79–82.

48. *Мавродин В. В.* Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XVI вв. // Ученые записки ЛПИ им. А. И. Герцена. Факультет исторических наук. Л., 1937. Т. 11; *Попов А. И.* Кипчаки и Русь // Ученые записки ЛГУ. Л., 1949. №112. Серия исторических наук. Вып. 14; *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии. М., 1966; *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989; *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989; *Шенников А. А.* Червлёный Яр. Л., 1987.

49. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. С. 213–214.

50. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. С. 26–32, 41–63, 67–71.

51. *Гордеев А. А.* История казаков. Золотая Орда и зарождение казачества. М., 1991. Ч. 1. С. 14, 17, 25, 36, 51–52, 76–77.

52. *Скорик А. П.* Возникновение донского казачества как этноса: Изначальные культурные традиции. Новочеркасск, 1992. С. 16–17.

2. Первые казачьи поселения на Тереке

1. *Попко И. Д.* Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. Вып. 1; *Караулов М. А.* Материалы для этнографии Терской области. Говор гребенских казаков. СПб., 1902; *Потто В. А.* Два века Терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 1.

2. *Попко И. Д.* Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. Вып. 1. С. 3.

3. *Караулов М. А.* Материалы для этнографии Терской области. Говор гребенских казаков. СПб., 1902. С. 21.

4. *Попко И. Д.* Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. Вып. 1. С. 3.

5. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 57.

6. *Савельев Е. П.* Казаки. История. Репринтное переиздание книги Е. П. Савельева «Древняя история казачества». Владикавказ, 1991. С. 195.

7. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 57.

8. *Попко И. Д.* Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. Вып. 1. С. 3, 16.

9. *Его же.* С. 24.

10. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 59.

11. *Заседателева Л. Б.* Терские казаки (сер. XVI – нач. XX в.). М., 1974. С. 187.

12. РГАДА, ф. 127, 1586 г., д. 13, л. 26, 85.

13. РГАДА, ф. 127, 1586 г., д. 13, л. 61.

14. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). СПб.: Историческая иллюстрация, 2002. С. 10.

15. РГАДА, ф. 123, 1628 г., д. 5, л. 26, 59; ф. 115, 1643 г., д. 1, л. 307–308.

16. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 60.

17. *Татищев В. Н.* История Российская. М., 1962. Т. 1. С. 278.

18. *Его же.* С. 278.

19. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 65.

20. *Его же.* С. 65–66.

21. *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Вып. I. 1578–1613 гг. М., 1889. С. 63–64.

22. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М., 1957. Т. 1. С. 38, 40; РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 3, л. 111.

23. РГАДА, ф. 127, кн. 10, л. 247.

24. *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 73–74, 133–143; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М., 1957. Т. 1. С. 36.

25. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 13.

26. *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 546.

27. РГАДА, ф. 127, 1640 г., д. 1, л. 168–169.

28. Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С. 225; РГАДА, ф. 115, 1615 г., д. 1, л. 10.

29. Там же, ф. 127, 1649 г., д. 1, л. 77.

30. *Виноградов В. Б., Магомадова Т. С.* О времени заселения гребенскими казаками левого берега Терека // История СССР. 1975. № 6. С. 160–164; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М., 1957. Т. 1. С. 302–303; *Полиевктов М. А.* Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. Тбилиси, 1937. С. 233.

31. РГАДА, ф. 115, 1633 г., д. 1, л. 132; ф. 121, 1651 г., д. 1, л. 138; ф. 127, 1630 г., д. 1, л. 5–6; там же, 1626 г., д. 1, л. 226–227; *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом... С. 541.

32. *Кушева Е. Н.* О местах первоначального расселения гребенских казаков... С. 28–43.

33. СПб ФИРИ, ф. 178, оп. 1, д. 2241, л. 1–2.

34. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 14.

35. Материалы по истории русско-грузинских отношений: Сб. документов. Тбилиси, 1974. Т. 1. С. 85.
36. РГАДА, ф. 110, 1682 г., д. 2, л. 19–20.
37. Там же, ф. 121, 1651 г., д. 1, л. 56–57; ф. 127, 1649 г., д. 1, л. 226–228.
38. Там же, ф. 121, 1649 г., д. 1, л. 14–16.
39. Материалы по истории русско-грузинских отношений... Т. 1. С. 85.
40. РГАДА, ф. 127, 1628 г., д. 1, л. 307–308.
41. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 16.
42. РГАДА, ф. 127, 1649 г., д. 1, л. 226–228.
43. РГАДА, ф. 123, 1628 г., д. 5, л. 59.
44. РГАДА, ф. 127, 1631 г., д. 1, л. 106.
45. РГАДА, ф. 115, 1647 г., д. 1, л. 62.
46. РГАДА, ф. 115, 1647 г., д. 1, л. 62.
47. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. М., 1954. Т. 1. С. 144.
48. Там же. С. 144.
49. Там же. С. 144.
50. Там же. С. 120.
51. Там же. С. 145, 244; Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. М., 1957. Т. 2. Ч. 1. С. 32, 191.
52. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 18.
53. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М., 1957. Т. 1. С. 94.
54. РГАДА, ф. 127, 1629 г., д. 1, л. 72–73, 79.
55. РГАДА, ф. 115, 1643 г., д. 1, л. 300.
56. РГАДА, ф. 141, 1628 г., д. 36, л. 71.
57. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 116.
58. *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 141.
59. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М., 1957. Т. 1. С. 113–114, 123.
60. РГАДА, ф. 127, 1631 г., д. 1, л. 107.
61. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М., 1957. Т. 1. С. 302–303.

62. Там же. С. 11.
63. Там же. С. 12–13.
64. *Бурда Э. В.* Очерки о Терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003. С. 28.
65. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 45.
66. *Юдин П. Л.* Терцы и их восточные соседи // Записки терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 8. С. 12.

Глава II

ЗАСЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ КАЗАЧЕСТВОМ

1. Образование Терско-Гребенского казачьего войска

1. РГАДА, ф. 127, 1615 г., д. 1, л. 18–19.
2. РГАДА, ф. 115, 1641 г., д. 1, л. 114.
3. РГАДА, ф. 127, 1631 г., д. 1, л. 106–107.
4. РГАДА, ф. 115, 1648 г., д. 1, л. 94; ф. 110, 1655 г., д. 2, л. 23–25; ф. 127, 1630 г., д. 1, л. 6.
5. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М., 1957. Т. 1. С. 113.
6. РГАДА, ф. 110, 1655 г., д. 2, л. 23–25.
7. РГАДА, ф. 127, 1630 г., д. 1, л. 106–107.
8. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). СПб.: Историческая иллюстрация, 2002. С. 23.
9. РГАДА, ф. 127, 1630 г., д. 1, л. 6; ф. 115, 1640 г., д. 1, л. 216–217.
10. РГАДА, ф. 127, 1630 г., д. 1, л. 6; ф. 115, 1640 г., д. 1, л. 216–217; ф. 115, 1643 г., д. 1, л. 58–59, 401–403; ф. 115, 1646 г., д. 1, л. 262; ф. 115, 1648 г., д. 1, л. 94–95.
11. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 24.
12. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). СПб.: Историческая иллюстрация, 2002. С. 24.
13. РГАДА, ф. 141, 1628 г., д. 35, л. 30–31; ф. 127, 1631 г., д. 1, л. 107–108; ф. 121, 1651 г., д. 1, л. 275–276.
14. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 24.
15. *Ткачев Г.* Станица Червленая. Владикавказ, 1912. С. 125.
16. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 29.

17. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Махачкала, 1958; Там же, ф. 127, 1631 г., д. 1, л. XVII – первой четверти XVIII в. ... С. 132–134; РГАДА, ф. 127, 1627 г., д. 1, ч. 2, л. 412–413.

18. РГАДА, ф. 115, 1646 г., д. 1, л. 262.

19. РГАДА, ф. 127, 1631 г., д. 1, л. 106–107.

20. *Потто В. А.* Два века Терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 1. С. 39–40.

21. РГАДА, ф. 110, 1655 г., д. 2, л. 24.

22. РГАДА, ф. 115, 1648 г., д. 1, л. 93–98.

23. РГАДА, ф. 127, 1631 г., д. 1, л. 106.

24. РГАДА, ф. 127, 1631 г., д. 1, л. 107–108.

25. РГАДА, ф. 115, 1642 г., д. 1, л. 234.

26. *Ахмадов Я. З.* Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. С. 117.

27. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 132.

28. Там же. С. 133.

29. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 39.

30. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М., 1957. Т. 1. С. 302.

31. Там же. С. 303.

32. Там же. С. 304–306.

33. Там же. С. 307.

34. *Бурда Э. В.* Очерки о Терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003. С. 33.

35. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М., 1957. Т. 1. С. 315–316.

36. *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 62.

37. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 41.

38. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М., 1957. Т. 1. С. 319.

39. *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 62.

40. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М., 1957. Т. 1. С. 316.

41. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 41.
42. *Мальбахов Б. К., Эльмесов А. М.* Средневековая Кабарда. Нальчик, 1994. С. 246.
43. *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 67.
44. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М., 1957. Т. 1. С. 73.
45. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 41.
46. *Опрышко О. Л.* По тропам истории. Нальчик, 1990. С. 157.
47. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. М., 1954. Т. 1. С. 120, 140, 141.
48. Там же. С. 111–112.
49. *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 81.
50. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. М. 1957. Т. 2. Ч. 1. С. 191.
51. *Бурда Э. В.* Очерки о Терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003. С. 33.
52. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1962. Т. 3. С. 273.
53. *Мальбахов Б. К., Эльмесов А. М.* Средневековая Кабарда. Нальчик, 1994. С. 249.
54. *Бурда Э. В.* Очерки о Терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003. С. 34.
55. *Его же.* С. 32.
56. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 42.
57. *Его же.* С. 43.
58. *Его же.* С. 43.

2. Терско-Кизлярское и Терско-Семейное казачьи войска

1. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). СПб.: Историческая иллюстрация, 2002. С. 51.
2. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. Б. Б. Пиотровский. М., 1988. С. 407–412.
3. *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 10–11.
4. *Голосов Д.* Поход в Хиву в 1717 г. под начальством лейб-гвардии Преображенского полка капитана князя Алексан-

дра Бековича-Черкасского // Военный сборник. 1861. № 9. С. 303–304; Попов А. Н. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом // Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. СПб., 1853. Кн. 9; Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1984.

5. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. документов / Отв. ред. В. Г. Гаджиев. М., 1988. С. 32.

6. Там же. С. 53.

7. Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества... С. 55.

8. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. документов / Отв. ред. В. Г. Гаджиев. М., 1988. С. 40.

9. Там же. С. 40.

10. Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 68–69.

11. Юдин П. В. В «Низовом» корпусе / Из прошлого кавказского казачества // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1915. № 13. С. 44.

12. Его же. С. 46.

13. Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 66.

14. Его же. 94–141.

15. Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества... С. 57.

16. Юдин П. В. В «Низовом» корпусе / Из прошлого кавказского казачества // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1915. № 13. С. 103.

17. Русско-дагестанские отношения... С. 51.

18. Юдин П. В. В «Низовом» корпусе... С. 111.

19. Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 67.

20. Его же. С. 67.

21. Русско-дагестанские отношения... С. 55.

22. Юдин П. В. В «Низовом» корпусе... С. 105.

23. Материалы для статистики Кизлярского полка Терского казачьего войска 1858–1868 гг. // Военный сборник. 1869. № 12. С. 210–211.

24. Юдин П. В. В «Низовом» корпусе... С. 116.

25. Юдин П. В. В «Низовом» корпусе... С. 116, 132.

26. Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества... С. 62.

27. Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 69.

28. Его же. С. 70.

29. Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества... С. 81–82.

30. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 71.
31. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 83.
32. *Его же.* С. 83.
33. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 72.
34. Материалы для статистики Кизлярского полка Терского казачьего войска // Военный сборник. 1869. № 12. С. 212.
35. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 72.
36. *Дмитренко И. И.* Материалы к истории Терского казачьего войска // Терский сборник. Владикавказ, 1897. Вып. 4. С. 71.
37. *Его же.* С. 75.
38. *Его же.* С. 74.
39. *Его же.* С. 74.
40. *Его же.* С. 75.
41. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 67.
42. *Его же.* С. 69.
43. *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 59.
44. *Дмитренко И. И.* Материалы к истории Терского казачьего войска // Терский сборник. Владикавказ, 1897. Вып. 4. С. 80.
45. *Юдин П. Л.* Из-за власти (Очерк из прошлого соединенного Гребенского казачества) // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 9. С. 44–45.
46. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 71.
47. *Юдин П. Л.* Из-за власти... С. 44–45.
48. *Дмитренко И. И.* Материалы к истории Терского казачьего войска ... С. 82.
49. *Его же.* С. 83.
50. *Его же.* С. 84.
51. *Его же.* С. 85.
52. *Юдин П. Л.* Из-за власти... С. 55.
53. *Дмитренко И. И.* Материалы к истории Терского казачьего войска... С. 88.
54. *Его же.* С. 89.
55. *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 59.
56. *Его же.* С. 59.

КАЗАЧЕСТВО ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА

1. Образование Моздока и переселение волжских и донских казаков

1. *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 83.
2. *Его же.* С. 83.
3. *Блиев М. М.* Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII в., 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе, 1970. С. 93.
4. ЦГА Даг. АССР, ф. Кизлярского коменданта, дела за 1763 г., св. 3309, л. 94; *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 79.
5. ЦГА Даг. АССР, ф. Кизлярского коменданта, дела за 1763 г., св. 3309, л. 94.
6. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 2. С. 196–197.
7. *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г.: Извлечение. 2-е изд. и пер. Нальчик: Эль-Фа, 2001. С. 62.
8. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 80.
9. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 2. С. 218.
10. Там же. С. 219.
11. Там же. С. 220.
12. ЦГА Даг. АССР, ф. Кизлярского коменданта, дела за 1763 г., св. 3309, л. 32.
13. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 2. С. 222.
14. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 81.
15. *Его же.* С. 82.
16. *Его же.* С. 82.
17. *Его же.* С. 82.
18. *Его же.* С. 82.
19. *Его же.* С. 82.
20. *Его же.* С. 83.
21. *Его же.* С. 83.
22. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 2. С. 229–230.

23. Там же. С. 230.

24. *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г.: Извлечение. 2-е изд. и пер. Нальчик: Эль-Фа, 2001. С. 69.

25. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 84.

26. *Дзамихов К. Ф.* Адыги и Россия. М., 2000. С. 107.

27. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 84.

28. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 2. С. 254.

29. Акты, собранные Кавказской археологической комиссией, изданные Главным управлением наместника Кавказского / Под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 82.

30. *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 85.

31. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 82.

32. *Его же.* С. 83.

33. *Его же.* С. 83.

34. *Его же.* С. 84.

35. *Его же.* С. 80.

36. *Его же.* С. 84.

37. ЦГА РСФСР–А, ф. 3, оп. 1, д. 18, л. 3.

38. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 84.

39. *Его же.* С. 87.

40. *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 284.

41. *Фадеев А. В.* Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 24.

42. *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 129.

43. *Его же.* С. 129.

44. *Бурда Э. В.* Очерки о Терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003. С. 45.

45. *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 132.

46. *Омельченко И. А.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 89.

47. *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 132.

48. *Омельченко И. А.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 89.

49. *Бурда Э. В.* Иногороднее население и этнический состав терских казачьих станиц // Сборник науч. труд. молодых ученых. Нальчик: Изд-во КБГУ. С. 3–5.

50. ЦГА РСО–А, ф. 2, оп. 1, д. 132, л. 60.

51. *Омельченко И. А.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 90.

52. *Его же.* С. 90.

53. ЦГА РСО–А, ф. 13, оп. 1, д. 930, л. 1.

54. ЦГА РСО–А, ф. 13, оп. 1, д. 936, л. 25.

55. Пространственное землеописание Российского государства. СПб., 1787. С. 347.

56. *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 158.

57. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 22. С. 389.

58. Там же. Т. 2. С. 164.

59. Там же. Т. 2. С. 164.

60. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 91.

2. «Сунженская линия» и динамика ее населения

1. *Бурда Э. В.* Строительство Военно-Грузинской дороги и переселение на нее малороссийских казаков // Актуальные проблемы социальной истории. Сборник научных статей. Новочеркасск; Ростов н/Д., 2003. Вып. 4. С. 28.

2. *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 145.

3. *Бурда Э. В.* Строительство Военно-Грузинской дороги... С. 28.

4. *Его же.* С. 29.

5. *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 147.

6. *Его же.* С. 140.

7. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 101.

8. ЦГА КБР, ф. И–1, оп. 1, д. 66, введение.

9. *Бурда Э. В.* Строительство Военно-Грузинской дороги... С. 29.

10. *Его же.* С. 29.

11. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 90.

12. Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Тифлис. Т. 6. Ч. 1. С. 490; *Бетров Б. П.* Из истории русского (казацкого) поселения в Осетии // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе, 1989. С. 185.

13. *Ницик П.* Исторические заметки и воспоминания. Владикавказ, 1871. С. 16.

14. *Его же.* С. 16.

15. *Бетров Б. П.* Из истории русского (казацкого) поселения в Осетии // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе, 1989. С. 182.

16. *Бурда Э. В.* Строительство Военно-Грузинской дороги... С. 29.

17. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 117.

18. *Его же.* С. 117.

19. *Пономарев О. П.* Материалы к истории Терских казаков. Владикавказ, 1904. С. 11.

20. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 118.

21. *Пономарев О. П.* Материалы к истории Терских казаков. Владикавказ, 1904. С. 20.

22. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 120.

23. *Бурда Э. В.* Малороссийское население и его роль в укреплении Военно-Грузинской дороги в первой половине XIX в. // Третьи межрегиональные науч. чтения по актуальным проблемам социальной истории и социальной работы: Тезисы докладов и сообщений 23–24 мая, 2002. Новочеркасск, 2002. С. 16–17.

24. *Бурда Э. В.* Строительство Военно-Грузинской дороги... С. 30.

25. *Его же.* С. 30.

26. *Пономарев О. П.* Материалы к истории Терских казаков. Владикавказ, 1904. С. 21.

27. *Ницик П.* Исторические заметки и воспоминания. Владикавказ, 1871. С. 42.

28. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 103.

29. ЦГА РСО–А, ф. 13, оп. 1, д. 6, л. 9.

30. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 100.

31. ЦГА РСО–А, ф. 13, оп. 1, д. 6, л. 9 об.

32. *Бетрозов Б. П.* Из истории русского (казачьего) поселения в Осетии // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе, 1989. С. 192.

33. *Ницк П.* Исторические заметки и воспоминания. Владикавказ, 1871. С. 39.

34. *Его же.* С. 46.

35. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 49.

36. ЦГА РСО-А, ф. 2, оп. 1, д. 132, л. 194.

37. ЦГА РСО-А, ф. 2, оп. 1, д. 5, л. 46.

38. ЦГА РСО-А, ф. 2, оп. 1, д. 132, л. 45.

39. ЦГА РСО-А, ф. 2, оп. 1, д. 132, л. 195.

40. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 5, л. 46.

41. *Бурда Э. В.* Строительство Военно-Грузинской дороги... С. 33.

42. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 125.

43. *Козлов А. И.* Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, история). Ростов н/Д., 1995. С. 107.

44. *Литовченко Ю. С., Бурда Э. В.* Динамика роста численности казачьего населения Терской области в XIX веке на примере станицы Пришибской // Актуальные проблемы социальной истории. Сборник научных статей. Новочеркасск; Ростов н/Д., 2004. Вып. 5. С. 28–33.

45. *Козлов А. И.* Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, история). Ростов н/Д., 1995. С. 108.

46. *Бурда Э. В.* Строительство Военно-Грузинской дороги... С. 33.

47. *Пономарев О. П.* Материалы к истории терских казаков. Владикавказ, 1904. С. 27.

48. ЦГА РСО-А, ф. 2, оп. 1, д. 5, л. 46.

49. *Пономарев О. П.* Материалы к истории терских казаков // Терские новости. 1903. 30 апреля. № 94.

50. *Его же.*

51. Приказ командира полка полковника Ильинского за 1842 год // Терские ведомости. 1903. 3 апреля. № 85.

52. Приказ командира полка полковника Ильинского за 1842 год // Терские ведомости. 1903. 3 апреля. № 85. ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 234 об.

53. *Пономарев О. П.* Материалы к истории терских казаков // Терские новости. 1903. 3 апреля. № 85.

54. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 107.
55. *Его же.* С. 107.
56. ЦГА РСО-А, ф. 2, оп. 1, д. 132, л. 195.
57. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 1300, л. 2.
58. ЦГА РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 99, л. 111.
59. Сборник сведений о Терской области / Под ред. Н. Благовещенского. Владикавказ, 1878. Вып. 1.
60. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 108.
61. *Его же.* С. 108.
62. ЦГА РСО-А, ф. 290, оп. 1, д. 109, л. 21.
63. ЦГА РСО-А, ф. 290, оп. 1, д. 109, л. 21.
64. Записки Алексея Петровича Ермолова. М., 1868. Ч. 2. С. 22.
65. ЦГА РСО-А, ф. 290, оп. 1, д. 109, л. 17, 17 об.
66. ЦГА РСО-А, ф. 290, оп. 1, д. 109, л. 5, 5 об.
67. ЦГА РСО-А, ф. 290, оп. 1, д. 109, л. 4, 5.
68. ЦГА РСО-А, ф. 290, оп. 1, д. 109, л. 5.
69. *Козлов А. И.* Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, история). Ростов н/Д., 1995. С. 66.
70. *Его же.* С. 70.
71. Терские ведомости. 1911. 10 декабря. № 259.
72. Сборник сведений о Терской области / Под ред. Н. Благовещенского. Владикавказ, 1978. Вып. 1. С. 373-375.
73. *Караулов М. А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912. С. 161; ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 930, л. 19, 20.
74. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 109, л. 1 об.
75. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 1495, л. 14 об., 15.

3. Представители народов Кавказа в составе Терского казачества

1. *Бентковский И.* Материалы для истории колонизации Северного Кавказа // Ставропольские губернские ведомости. 1880. 30 августа. № 35.
2. *Его же.*
3. *Бентковский И.* Моздокские осетины // Ставропольские губернские ведомости. 1880. 26 января. № 3.
4. *Его же.*

5. *Его же.*

6. *Бентковский И.* Материалы для истории колонизации Северного Кавказа // Ставропольские губернские ведомости. 1880. 30 августа. № 35.

7. *Его же.*

8. *Ахмадов Я. З.* Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. С. 117.

9. *Бентковский И.* Моздокские осетины // Ставропольские губернские ведомости. 1880. 26 января. № 3.

10. *Заседателева Л. Б.* Терские казаки. М., 1974. С. 213.

11. ЦГА РД, ф. Кизлярского коменданта, оп. 704, д. 281, л. 76–77.

12. ЦГА РСО–А, ф. 3, оп. 1, д. 19, л. 10–12.

13. ЦГА РСО–А, ф. 3, оп. 1, д. 19, л. 18.

14. ЦГА РСО–А, ф. 3, оп. 1, д. 19, л. 32 об.

15. *Аджимамедов Р. Е.* Страницы истории Прикумья с древнейших времен. Буденовск, 1992. С. 94.

16. ЦГА РСО–А, ф. 13, оп. 1, д. 55, л. 16.

17. ЦГА РСО–А, ф. 13, оп. 1, д. 55, л. 17.

18. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 93.

19. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 94.

20. ЦГА РСО–А, ф. 13, оп. 1, д. 55, л. 28.

21. ЦГА РСО–А, ф. 13, оп. 1, д. 55, л. 43.

22. ЦГА РСО–А, ф. 13, оп. 1, д. 55, л. 54.

23. ЦГА РСО–А, ф. 13, оп. 1, д. 10, л. 5.

24. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 96.

25. *Его же.* С. 96.

26. *Его же.* С. 97.

27. *Сосиев З.* Станица Черноярская // Терский сборник. Владикавказ, 1908. Вып. 5. С. 41.

28. ЦГА РСО–А, ф. 13, оп. 1, д. 1495, л. 295.

29. *Заседателева Л. Б.* Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во МГУ, 1974. С. 215.

30. *Писарев С.* Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577–1877 гг. Владикавказ, 1881. С. 43.

31. ЦГА РСО–А, ф. 20, оп. 1, д. 734, л. 18.

32. ЦГА РСО–А, ф. 20, оп. 1, д. 106, л. 35, 35 об.

33. *Калоев Б. А.* Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей. СЭ. 1961. С. 50–51.

34. *Заседателева Л. Б.* Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во МГУ, 1974; Материалы этнографической экспедиции. МГУ, 1971.

35. *Смирнов Н. А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 209–210.

36. *Бентковский И.* Бабуковцы // Ставропольские губернские ведомости. 1879. 15 декабря. № 50.

Глава IV

ТЕРСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО

1. Формы подчинения в Терском казачьем войске

1. *Баканов В. П.* Из истории оренбургского казачества: Очерки. Магнитогорск, 1993. С. 6.

2. Столетие Военного министерства. Т. XI. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 5.

3. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 35.

4. *Его же.* С. 35.

5. ЦГА РСО–А, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 64.

6. Очерк развития административных учреждений в Кавказских казачьих войсках. Тифлис, 1885. С. 4.

7. *Дмитренко И. И.* Материалы к истории Терского казачьего войска // Терский сборник. Кн. IV. От. 2. Владикавказ, 1897. С. 64.

8. *Ткачев Г.* Станица Червленая. Владикавказ, 1912. С. 36–37.

9. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 78.

10. Столетие Военного министерства. Т. XI. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 189.

11. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXV. СПб., 1862. С. 391.

12. *Соблиров М. З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. Нальчик, 2001. С. 23, 24.

2. Централизация в управлении Терским казачьим войском

1. *Козлов А. И.* Актуальность проблем истории казачества // Проблемы истории казачества в XVI–XX вв. / Под ред. А. И. Козлова. Ростов н/Д., 1995. С. 15.
2. Гребенские, терские и кизлярские казаки. Книга для чтения в станичных и полковых школах, библиотеках и командах / Сост. Г. А. Ткачев. Владикавказ, 1911. С. 69.
3. Там же. С. 70.
4. Там же. С. 70.
5. *Козлов А. И.* Актуальность проблем истории казачества... С. 15.
6. *Аверин И. А.* Казаки России (прошлое, настоящее и будущее). М., 1992. С. 52.
7. Казацьи войска. Хроника гвардейских казачьих частей. СПб., 1912. С. 57.
8. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1846. Т. XX. С. 186.
9. Там же. С. 199.
10. *Козлов А. И.* Актуальность проблем истории казачества... С. 17.
11. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1846. Т. XX. С. 200.
12. Проблемы истории казачества в XVI–XX вв. / Под ред. А. И. Козлова. Ростов н/Д., 1995. С. 20.
13. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 156.
14. *Кашежева Г. М.* К вопросу о проникновении капиталистических отношений в казачьем землевладении Терской области // Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1976. Вып. 10. С. 44.
15. *Бондарь Н. И.* Традиционная культура Кубанского казачества: Избранные работы. Краснодар, 1999.
16. *Козлов А. И.* Актуальность проблем истории казачества... С. 15.
17. ЦГА РСО–А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 39 об.
18. ЦГА РСО–А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 58 об.
19. ЦГА РСО–А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 38 об.
20. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 119.
21. *Его же.* С. 119.

22. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1864. Т. XXI. С. 199.

23. *Караулов М. А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912. С. 369.

24. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 33, л. 13.

25. *Глушченко В. В.* Казачество Евразии. М., 2000. С. 165.

26. Столетие Военного министерства. Т. XI. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 428.

27. *Караулов М. А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912. С. 363.

28. *Его же.* С. 364.

29. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 123.

30. *Караулов М. А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912. С. 363.

31. *Глушченко В. В.* Казачество Евразии: зарождение, развитие, интеграция в структурах российского государства. М., 2000. С. 170.

32. Столетие Военного министерства. Т. XI. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 531–532.

33. Там же. С. 436.

34. *Караулов М. А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912. С. 363.

35. *Топчий А. Т.* Буржуазные реформы 60–80-х годов XIX в. и проблемы казачества России // Проблемы истории казачества / Под ред. А. И. Козлова. Ростов н/Д., 1995. С. 12.

36. *Караулов М. А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912. С. 363.

37. *Его же.* С. 363.

38. *Максимов Е.* Краткий очерк Терского казачьего войска // Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. С. 32.

39. *Его же.* С. 32.

40. *Караулов М. А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912. С. 364.

41. *Его же.* С. 364.

42. ЦГА РСО-А, ф. 20, оп. 1, д. 758, л. 14–70.

43. Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. С. 321.

44. Терский календарь на 1896 год. Владикавказ, 1895. С. 29.

45. Там же. С. 31.

3. Административно-территориальное разделение Терского казачьего войска

1. *Бурда Э. В.* Административно-территориальное разделение Терского казачьего войска после ликвидации Кавказской линии // Актуальные проблемы социальной истории. Сб. науч. статей. Новочеркасск; Ростов н/Д., 2004. Вып. 5. С. 37.

2. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 580, л. 2.

3. *Бурда Э. В.* Административно-территориальное разделение Терского казачьего войска... С. 37.

4. *Его же.* С. 37.

5. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 2.

6. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 46-48.

7. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 67-71.

8. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 74-77.

9. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 61-66.

10. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 71-73.

11. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 115.

12. *Бурда Э. В.* Административно-территориальное разделение Терского казачьего войска... С. 29.

13. ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 52, д. 12, л. 23.

14. ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 52, д. 12, л. 1.

15. ЦГА РСО-А, ф. 53, оп. 1, д. 1797, л. 5 об.

16. ЦГА РСО-А, ф. 53, оп. 1, д. 1797, л. 1 об.

17. ЦГА РСО-А, ф. 53, оп. 1, д. 1797, л. 2.

18. *Караулов М. А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912. С. 363.

19. Казачьи войска. Хроника гвардейских казачьих частей. СПб., 1912. С. 183.

20. *Бурда Э. В.* Административно-территориальное разделение Терского казачьего войска... С. 40.

21. ЦГА РСО-А, ф. 53, оп. 1, д. 690, л. 8; Сборник сведений о Терской области / Под ред. Н. Благовещенского. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 464.

22. Терский сборник № 5. Владикавказ, 1903. С. 102.

23. *Соблиров М. З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. Нальчик, 2001. С. 24.

24. *Бурда Э. В.* Административно-территориальное разделение Терского казачьего войска... С. 40.

25. *Бурда Э. В.* Эволюция взаимоотношений Российского

государства и Терского казачества в XVIII–XIX вв. // Четвертые межрегиональные научные чтения по актуальным проблемам социальной истории и социальной работы. Тезисы докладов и сообщений 28–29 апреля 2003 г. Новочеркасск, 2003. С. 22; *Бурда Э. В.* Очерки о Терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003. С. 64.

26. *Бурда Э. В.* Административно-территориальное разделение Терского казачьего войска... С. 41.

27. *Его же.* С. 41.

28. Терский календарь. Вып. VII за 1897 год. Владикавказ, 1896. С. 89.

29. Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год. Владикавказ, 1901. С. 2.

30. *Бурда Э. В.* Административно-территориальное разделение Терского казачьего войска... С. 41.

31. *Соблиров М. З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. Нальчик, 2000. С. 24.

32. ЦГВИА, ф. 330, оп. 92, д. 707, кор. 6823, л. 2.

33. *Бурда Э. В.* Административно-территориальное разделение Терского казачьего войска... С. 42.

34. *Козлов А. И.* Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, история). Ростов н/Д., 1995. С. 108.

Глава V

СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ ТЕРСКИМ КАЗАЧЬИМ ВОЙСКОМ

1. Управление военной частью Терского казачьего войска

1. *Козлов А. И.* Актуальность проблем истории казачества // Проблемы истории казачества в XVI–XX вв. / Под ред. А. И. Козлова. Ростов н/Д., 1995. С. 17.

2. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1846. Т. XX. С. 187.

3. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1846. Т. XX.

4. Казачьи войска. Хроника гвардейских казачьих частей / Под ред. В. К. Шенка. М., 1992. С. 341.

5. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1846. Т. XX. С. 187.

6. Приказ по Военному министерству за № 67 от 20 марта 1858 г. // Казачьи войска. Хроника гвардейских казачьих частей / Под ред. В. К. Шенка. М., 1992. С. 342.

7. *Козлов А. И.* Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, история). Ростов н/Д., 1995. С. 108.

8. *Его же.* С. 110.

9. *Его же.* С. 110.

10. *Бурда Э. В.* Очерки о Терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003. С. 61.

11. *Козлов А. И.* Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, история). Ростов н/Д., 1995.

12. *Бурда Э. В.* Очерки о Терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003. С. 61.

13. *Козлов А. И.* Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, история). Ростов н/Д., 1995. С. 112.

14. *Его же.* С. 112–113.

15. Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 14. С. 23.

16. *Козлов А. И.* Актуальность проблем истории казачества // Проблемы истории казачества в XVI–XX вв. / Под ред. А. И. Козлова. Ростов н/Д., 1995. С. 16.

17. *Его же.* С. 17.

18. Заметки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 14. С. 23.

19. *Бурда Э. В.* Очерки о Терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003. С. 58.

20. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1846. Т. XX. С. 201.

21. Там же. С. 201.

22. Там же. С. 201.

23. Там же. С. 203.

24. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 123.

25. ЦГА РСО–А, ф. 13, оп. 1, д. 33, л. 13.

26. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1862. Т. XXXV. С. 391.

27. *Бурда Э. В.* Очерки о Терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003. С. 63.

28. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1862. Т. XXXV. С. 391.

29. Кубанское казачье войско. 1696–1888 гг. Сборник кратких сведений о войске / Под ред. Е. Д. Фелицына. Воронеж, 1888. С. 233.

30. *Караулов М. А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912. С. 379–381.

31. Приказ Военного министра за № 116 от 11 июня 1861 г. // Казачьи войска. Хроника гвардейских казачьих частей / Под ред. В. К. Шенка. М., 1992. С. 345.

32. Кубанское казачье войско. 1696–1888 гг. Сборник кратких сведений о войске / Под ред. Е. Д. Фелицына. Воронеж, 1888. С. 234.

33. Там же. С. 234.

34. *Соблиров М. З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. Нальчик, 2001. С. 23.

35. ЦГА РСО–А, ф. 53, оп. 1, д. 1797, л. 2.

36. ЦГА РСО–А, ф. 53, оп. 1, д. 1797, л. 2.

37. ЦГА РСО–А, ф. 53, оп. 1, д. 1797, л. 3–4.

38. *Коломиец В. Г.* Очерки истории и культуры терских казаков. Нальчик, 1994. С. 15.

39. Приказ по военному ведомству за № 226 от 6 августа 1870 г. // Казачьи войска. Хроника гвардейских казачьих частей / Под ред. В. К. Шенка. М., 1992. С. 347.

40. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1874. Т. XXXV. С. 158.

41. ЦГА РСО–А, ф. 53, оп. 1, д. 690, л. 3.

42. ЦГА РСО–А, ф. 53, оп. 1, д. 690, л. 4 об.

43. Казачьи войска. Хроника гвардейских казачьих частей. СПб., 1912; Казачьи войска. Хроника гвардейских казачьих частей / Под ред. В. К. Шенка. М., 1992.

44. *Коломиец В. Г.* Очерки истории и культуры терских казаков. Нальчик, 1994. С. 17.

45. ЦГА РСО–А, ф. 53, оп. 1, д. 690, л. 4 об.

46. ЦГА РСО–А, ф. 53, оп. 1, д. 690, л. 5.

47. ЦГА РСО–А, ф. 54/18, оп. 1, д. 7254, л. 1.

48. ЦГА РСО–А, ф. 54/18, оп. 1, д. 7254, л. 1.

49. *Караулов М. А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912. С. 380.

50. Терский календарь на 1896 год. Владикавказ, 1895. С. 377.

51. Там же. С. 378.

52. Там же. С. 378.

53. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1874. Т. XXXV. С. 159.

54. Там же. С. 159.
55. Там же. С. 159.
56. Там же. С. 159.
57. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991.
58. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1846. Т. XX. С. 205.

2. Управление гражданской частью Терского казачьего войска

1. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1846. Т. XX. С. 205.
2. ЦГА РСО-А, ф. 4, оп. 1, д. 709, л. 1.
3. ЦГА РСО-А, ф. 4, оп. 1, д. 709, л. 1.
4. ЦГА РСО-А, ф. 4, оп. 1, д. 709, л. 1 об., 2.
5. ЦГА РСО-А, ф. 4, оп. 1, д. 709, л. 2 об.
6. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1846. Т. XX. С. 205.
7. Там же. С. 205.
8. Там же. С. 205-206.
9. Там же. С. 205-206.
10. Там же. С. 207.
11. Там же. С. 207.
12. ЦГА РСО-А, ф. 53, оп. 1, д. 1797, л. 6 об.
13. *Козлов А. И.* Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, история). Ростов н/Д., 1995. С. 108.
14. *Решетин Н.* Материалы для истории Терского казачьего войска // Терские ведомости. 1910. № 225.
15. *Максимов Е.* Терское казачье войско. Историко-статистический очерк // Терский сборник. Владикавказ, 1890. Вып. 1. С. 87.
16. ЦГА РСО-А, ф. 53, оп. 1, д. 1797, л. 6 об.
17. *Максимов Е.* Терское казачье войско. Историко-статистический очерк // Терский сборник. Владикавказ, 1890. Вып. 1. С. 93.
18. ЦГА РСО-А, ф. 53, оп. 1, д. 1797, л. 7.
19. *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 2. С. 84.
20. ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 52, д. 18, л. 55.

21. Там же.
22. Терский календарь на 1896 год. Владикавказ, 1895. С. 177.
23. Там же. С. 179.
24. *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 2. С. 84.
25. Терский календарь на 1896 год. Владикавказ, 1895. С. 178.
26. Там же. С. 178.
27. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 124.
28. *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 2. С. 92.
29. Терский календарь на 1896 год. Владикавказ, 1895. С. 179.
30. Там же. С. 180.
31. Там же. С. 180.
32. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 124.
33. *Бурда Э. В.* Очерки о Терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003. С. 64.
34. Терский календарь на 1896 год. Владикавказ, 1895. С. 180.
35. ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 133, л. 17.
36. ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 133, л. 17.
37. *Бурда Э. В.* Очерки о Терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003. С. 64.
38. Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год. Владикавказ, 1901. С. 2.
39. *Соблиров М. З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. Нальчик, 2001. С. 24.
40. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 126.
41. *Аверин И. А.* Казаки России (прошлое, настоящее и будущее). М., 1992. С. 74.

3. Станичное самоуправление в Терском казачьем войске

1. *Бурда Э. В.* Терская казачья община как социально-духовная структура // Казачество Юга России в XXI в.: Место и роль казачества в обществе и государстве. Доклады и сообще-

ния на научно-практической конференции. Ростов н/Д., 2001. С. 80; *Бурда Э. В.* Очерки о Терском казачестве. Монография. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003. С. 47.

2. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 83-83 об.

3. *Аверин И. А.* Казаки России (прошлое, настоящее и будущее). М., 1992. С. 74.

4. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 84 об.

5. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 85.

6. *Аверин И. А.* Казаки России (прошлое, настоящее и будущее). М., 1992. С. 75.

7. *Его же.* С. 75.

8. ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 78, л. 16.

9. Терский календарь на 1899 год. Владикавказ, 1898. С. 31.

10. Там же. С. 32-33.

11. *Максимов Е.* Краткий очерк Терского казачьего войска // Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. С. 149.

12. *Его же.* С. 149.

13. *Его же.* С. 149.

14. *Заседателева Л. Б.* Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во МГУ, 1974. С. 260.

15. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск // Терский календарь на 1892 год. Владикавказ, 1891. С. 81.

16. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1894. Т. XI. Собр. 3. С. 330.

17. Наши казаки. О казаках и казачьем войске. М., 1915. С. 31.

18. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 89 об.

19. Там же. С. 86; ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 52, д. 12, л. 15-34.

20. Там же. С. 86; ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 52, д. 12, л. 15-34.

21. Терский календарь на 1892 год. Владикавказ, 1891. С. 86; ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 52, д. 12, л. 15-34.

22. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1894. Т. XI. Собр. 3. С. 331; Терский календарь на 1892 год. Владикавказ, 1891. С. 83.

23. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 89.

24. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 89 об.

25. ЦГА РСО-А, ф. 53, оп. 1, д. 690, л. 8.

26. ЦГА РСО-А, ф. 20, оп. 1, д. 758, л. 14-70; Сборник сведений о Терской области / Под ред. Н. Благовещенского. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 374-375.

27. ЦГА РСО–А, ф. 20, оп. 1, д. 758, л. 24.
28. Бурда Э. В. Очерки о Терском казачестве. Монография. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003. С. 67.
29. ЦГА РСО–А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 89.
30. Терский календарь на 1892 год. Владикавказ, 1891. С. 83–84.
31. Там же. С. 83–84.
32. ЦГА КБР, ф. 18, оп. 1, д. 65, л. 13.
33. Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во МГУ, 1974. С. 261.
34. ЦГА РСО–А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 91.
35. ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 78, л. 16.
36. ЦГА РСО–А, ф. 20, оп. 1, д. 500, л. 1–14.
37. Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во МГУ, 1974. С. 263.
38. Там же. С. 86.
39. Там же. С. 86.
40. Терский календарь на 1892 год. Владикавказ, 1891. С. 86.
41. Коломиец В. Г. Очерки истории и культуры Терских казаков. Нальчик, 1994. С. 17.
42. Терский календарь на 1892 год. Владикавказ, 1891. С. 110.
43. Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во МГУ, 1974. С. 261.
44. Терский календарь на 1892 год. Владикавказ, 1891. С. 109.
45. ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 78, л. 142.
46. Терский календарь на 1892 год. Владикавказ, 1891. С. 111.
47. ЦГА РСО–А, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 98 об.
48. Приказы по Терской области на 1896 год. №. 298.
49. Терский календарь на 1894 год. Владикавказ, 1893. С. 70–75.
50. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1874. Т. XXXV. С. 628.
51. Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во МГУ, 1974. С. 265.

52. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1874. Т. XXXV. С. 628.
53. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1894. Т. XI, собр. 3. С. 330.
54. Учреждение гражданского управления казаков. СПб., 1903. Т. 2. С. 24.
55. Там же. С. 23.
56. Там же. С. 25.
57. Там же. С. 20.
58. Там же. С. 30.
59. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1874. Т. XXXV. С. 621.
60. Учреждение гражданского управления казаков. СПб., 1903. Т. 2. С. 33.
61. Терский календарь на 1892 год. Владикавказ, 1891. С. 90–91.
62. *Бурда Э. В.* Очерки о Терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003. С. 69.
63. ЦГА РСО–А, ф. 20, оп. 1, д. 809, л. 32.
64. ЦГА РСО–А, ф. 20, оп. 1, д. 807, л. 15.
65. Учреждение гражданского управления казаков. СПб., 1903. Т. 2. С. 35.
66. *Козлов А. И.* Казаки – нация, сословие? // Возрождение казачества: история и современность. Материалы к V Всероссийской научной конференции. Новочеркасск, 1994. С. 24.
67. Положение об управлении станиц казачьих войск 1891 г. // Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. С. 125.
68. ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 78, л. 142.
69. ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 78, л. 135.
70. ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 78, л. 144.
71. Учреждение гражданского управления казаков. СПб., 1903. Т. 2. С. 48.
72. Там же. С. 50.
73. Там же. С. 52.
74. Там же. С. 53.
75. Там же. С. 54.
76. *Коломиец В. Г.* Очерки истории и культуры Терских казаков. Нальчик, 1994. С. 18.
77. Учреждение гражданского управления казаков. СПб., 1903. Т. 2. С. 62.

78. Там же. С. 64.

79. *Марграф О. В.* Прохладная станица // Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска / Под ред. Н. Благовещенского. Владикавказ, 1881. С. 441.

80. Положение об управлении станиц казачьих войск 1891 г. // Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. С. 125.

81. *Марграф О. В.* Прохладная станица // Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска / Под ред. Н. Благовещенского. Владикавказ, 1881. С. 443.

82. Учреждение гражданского управления казаков. СПб., 1903. Т. 2. С. 66.

83. Положение об управлении станиц казачьих войск 1891 г. // Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. С. 125.

84. ЦГА КБР, ф. И-17, оп. 1, д. 7, л. 5.

85. Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. С. 125.

86. *Марграф О. В.* Прохладная станица // Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска / Под ред. Н. Благовещенского. Владикавказ, 1881. С. 441.

87. Положение об управлении станиц казачьих войск 1891 г. // Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. С. 125.

88. *Марграф О. В.* Прохладная станица // Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска / Под ред. Н. Благовещенского. Владикавказ, 1881. С. 443.

89. Учреждение гражданского управления казаков. СПб., 1903. Т. 2. С. 66.

90. Положение об управлении станиц казачьих войск 1891 г. // Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. С. 125.

91. ЦГА КБР, ф. И-17, оп. 1, д. 7, л. 5 об., 7.

92. Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. С. 125.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Генезис Терского казачества	13
1. Теории о возникновении Терского казачества	13
2. Первые казачьи поселения на Тереке	28
Глава II. Заселение Восточного Предкавказья казачеством	39
1. Образование Терско-Гребенского казачьего войска	39
2. Терско-Кизлярское и Терско-Семейное казачьи войска	51
Глава III. Казачество Центрального Кавказа	64
1. Образование Моздока и переселение волжских и донских казаков	64
2. «Сунженская линия» и динамика ее населения	81
3. Представители народов Кавказа в составе Терского казачества	100
Глава IV. Централизация и интеграция в управлении Терским казачьим войском	112
1. Формы подчинения в Терском казачьем войске	112
2. Централизация в управлении Терским казачьим войском	120
3. Административно-территориальное разделение Терского казачьего войска	138
Глава V. Структура управления Терским казачьим войском	144
1. Управление военной частью Терского казачьего войска	144
2. Управление гражданской частью Терского казачьего войска	158
3. Станичное самоуправление в Терском казачьем войске	165
Заключение	191
Библиография	195

Научно-популярное издание

Бурда Эдуард Владимирович

**ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО
В ВОЕННОЙ СТРУКТУРЕ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

(вторая половина XVI – начало XX в.)

Заведующий отделом *Дж. П. Кошубаев*

Редактор *И. Б. Кагермазов*

Художник-редактор *Ю. М. Алиев*

Технический редактор *Н. М. Мокаева*

Корректор *А. Х. Алагирова*

Компьютерная верстка *А. Х. Ольмезовой*

Подписано в печать 12.03.13. Формат 84x108^{1/32}. Бумага
офсетная № 1. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 12,18+0,42 вкл. Уч.-изд. л. 13,25+0,36 вкл. Тираж
500 экз. Заказ № 175

ГКУ «Издательство «Эльбрус»
360051, Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6

ООО «Печатный двор»
360000, Нальчик, ул. Калюжного, 1

Бурда Э. В.

Б 912 Терское казачество в военной структуре Российского государства (вторая половина XVI – начало XX в.). – Нальчик: Эльбрус, 2013. – 232 с.

ISBN 978-5-7680-2515-1

Книга рассказывает об истории становления Терского казачества.

**УДК 94(470.64)
ББК 63.3(2)–283.31**

ISBN 978-5-7680-2504-5

9 785768 025045

НАЛЬЧИК
«ЭЛЬБРУС»
2013